

8

5

1-50
31

90 П
Г37 П

М. Гёрнесъ,
профессоръ Вѣнскаго университета.

КУЛЬТУРА ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО.

КУЛЬТУРА ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО.

Часть I.
КАМЕННЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО,
подъ редакціей
В. Н. Дьякова.

Изд. „ФАРОСЪ“.
МОСКВА.
1913.

Цѣна 70 к.

М. Гёрнесь,
профессоръ Вѣнскаго университета.

Гёрнесь
М. Г.

КУЛЬТУРА
ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО.

Часть I.
КАМЕННЫЙ ВѢКЪ.

Съ 42 рисунками въ текстъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. Н. Дьякова.

Изд. „ФАРОСЪ“.
Москва.
1913.

901 П
Г 37

1992 г.

2006

1973 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение. Общее понятие о первобытной культурѣ	1
I. Древнѣйшія и наиболѣе первобытныя культуры	7
1. Древній каменный вѣкъ въ Европѣ	8
a) Эолиты третичнаго и ранняго четвертичнаго періодовъ	8
b) Древне-палеолитическія культуры	12
c) Ново-палеолитическія культуры	16
2. Первобытная культура у современныхъ народовъ	42
a) Распространеніе ея и общія свѣдѣнія	42
b) Образъ жизни; питаніе	48
c) Жилище и одежда	54
d) Общественный строй; свойства духовныя и нравственныя; религіозныя понятія	66
II. Позднѣйшія дометаллическія ступени культуры	79
1. Новый каменный вѣкъ въ Европѣ	79
a) Длительность и возникновеніе неолитической культуры	79
b) Основы неолитической культуры	88
c) Неолитическія культурныя группы и культурныя ступени	95
2. Новый каменный вѣкъ въ другихъ странахъ свѣта	127
a) Сходство и различіе	127
b) Низшія ступени воздѣлыванія растений и скотоводства	130
Литература	138

74816К

БИБЛИОТЕКА
 Каряжского филиала
 Академии наук СССР

Введеніе.

Общее понятіе о первобытной культурѣ.

Первыя зачатки культуры, первыя зародышевыя движенія присущаго человѣку и въ немъ свое развитіе совершающаго духа, который вызывалъ и направлялъ всю дальнѣйшую культурную дѣятельность, остаются до сихъ поръ недоступными для научныхъ изслѣдованій и останутся, конечно, таковыми навсегда. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы даже имѣли въ своемъ распоряженіи доступныя нашему воспріятію, наиболѣе древнія показанія дѣятельности этого духа, мы не смогли бы ихъ признать и очестъ за таковыя. Здѣсь открывается, конечно, большой просторъ для всевозможныхъ предположеній, въ которыхъ и на самомъ дѣлѣ не было недостатка. И все же надъ ранними ступенями развитія культуры слагающагося и уже выросшаго человѣчества царить тотъ же глубокій мракъ, какъ и надъ послѣдними предварительными звеньями, или, что то же, надъ первыми зачаточными стадіями въ образованіи анатомическихъ формъ человѣка. Во всякомъ случаѣ, въ ходѣ этихъ параллельныхъ процессовъ развитія человѣчества нельзя признать какихъ-нибудь стремительныхъ, внезапныхъ измѣненій. Наоборотъ, надо думать, переходъ отъ некультурнаго состоянія къ культурному произошелъ постепенно, въ неизмѣримо долгой промежутокъ времени, въ продолженіе котораго для всей послѣдующей культурной дѣятельности человѣка въ немъ слагались неразрушимыя основы дѣятельности его духа.

Существованіе этихъ основъ можно доказать; мы не можемъ только знать, какъ онѣ возникали. Не даетъ намъ объ этомъ понятія ни изслѣдованіе доисторическихъ памятниковъ, ни изученіе быта живущихъ еще и до сихъ поръ дикихъ народовъ наиболѣе низкаго культурнаго уровня. Для очень длинныхъ и самыхъ древнихъ промежутковъ времени нѣкоторые предметы извѣстной формы могутъ быть, съ одной стороны, приняты за настоящія свидѣтельства человѣческой работы, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ихъ приходится отбросить, какъ обманчивыя явленія, которыя могутъ быть объяснены чисто естественнымъ путемъ. Для слѣдующихъ, опять-таки очень продолжительныхъ періодовъ, мы имѣемъ уже, во всякомъ случаѣ, достовѣрныя доказательства человѣческой работы, разсмотрѣніемъ чего намъ и предстоитъ заняться въ дальнѣйшемъ. Но здѣсь въ нашемъ распоряженіи почти исключительно остатки вещественные, которые бросаютъ свѣтъ лишь на зачатки первобытной ремесленной дѣятельности и не затрогиваютъ почти совсѣмъ никакой другой стороны культурной жизни. Если же обратиться къ быту современныхъ намъ дикихъ народовъ, наиболѣе низко стоящихъ по своему развитію — чему тоже будетъ отведено должное мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи, — то мы встрѣтимъ у нихъ уже вполне развившимися тѣ духовныя и матеріальныя основанія, о возникновеніи которыхъ какъ разъ древнія находки и не даютъ намъ никакого представленія. Однимъ словомъ, у этихъ народовъ мы находимъ уже сложившимся цѣлый рядъ культурныхъ признаковъ, процессъ приобрѣтенія которыхъ долженъ быть отнесенъ въ темный, невѣдомый намъ доисторическій періодъ: эти дикари владѣютъ уже языкомъ, обладаютъ семьей; у нихъ мы встрѣчаемся съ различными религіозными, моральными и правовыми представленіями; они уже умѣютъ пользоваться огнемъ; у нихъ же мы находимъ начатки развитія техники, выдѣлки оружія и инструментовъ, и, въ большинствѣ случаевъ, даже начальная стадія развитія искусства, въ видѣ ряда разнородныхъ словесныхъ и изобразительныхъ воспроизведеній.

Соотвѣтственно съ этимъ, понятіе первобытной культуры, какъ она должна быть здѣсь представлена, очевидно, слѣдуетъ значительно ограничить; намъ предстоитъ, слѣдовательно, здѣсь имѣть дѣло не съ процессомъ возникновенія культуры вообще, а съ отдѣльными, уже вполне сложившимися культурами, которыя, отчасти вслѣдствіе своей глубокой древности, а отчасти и вслѣдствіе своей поразительной примитивности, должны быть помѣщены въ началѣ культурной исторіи человѣчества. Это, пожалуй, нѣсколько противорѣчитъ твердо установившимся, подъ влияніемъ излишняго увлеченія идеей эволюціи, взглядамъ, согласно которымъ во всемъ болѣе древнемъ и раннемъ необходимо видѣть лишь простое переходное состояніе къ чему-то болѣе высшему и совершенному. Въ сущности, доисторическія культуры являются зародышемъ культуры вообще только съ точки зрѣнія представителей болѣе высокихъ ступеней ея. На самомъ же дѣлѣ, онѣ представляютъ собою прочно обусловленныя извѣстными причинами состоянія, съ безспорнымъ правомъ на вполне самостоятельное существованіе. Незаконченнаго и несовершеннаго въ нихъ не больше, чѣмъ въ каждомъ иномъ культурномъ состояніи. И только путемъ сопоставленія приходимъ мы къ выводу о возможности разсматривать одинъ періодъ въ качествѣ предшествующей ступени другого. Полное приспособленіе къ природнымъ условіямъ — пусть даже самое простое, съ нашей точки зрѣнія, полуживотное прозябаніе — являлось или является для каждой человѣческой группы конечной цѣлью ея стремленій, и въ этомъ отношеніи всѣ виды такого приспособленія имѣютъ совершенно равнозначную и безусловную цѣнность. Вѣдь можно быть увѣреннымъ, что человѣчество, будь на то его только воля, такъ и осталось бы при своей примитивной формѣ приспособленія, съ ея крайне убогимъ использованием силъ природы.

Но на самомъ дѣлѣ человѣчество оказалось въ потоку культуры, и въ немъ оно не могло найти и не найдетъ уже никогда того длительного состоянія покоя, который можно бы сравнить съ безмятежнымъ покоемъ звѣря. Къ

тому не допустить его, съ одной стороны, внѣшнее принужденіе, которое оказываетъ на него въ самыхъ разнообразныхъ и измѣнчивыхъ формахъ окружающая его природа; съ другой стороны, отъ этого охраняетъ его то особое свойство его ума, въ силу котораго онъ то поддается указанному внѣшнему давленію, то оказываетъ ему рѣшительное сопротивленіе. Для первобытной культуры въ высшей степени характернымъ является перевѣсъ на сторонѣ этого природнаго принужденія, для позднѣйшихъ же культуръ—на сторонѣ активной дѣятельности духовно развитого человѣчества. Различія же, которыя въ этомъ отношеніи встрѣчаются въ наше время, господствуютъ уже цѣлыя тысячелѣтія, быть можетъ, десятки тысячелѣтій, и, конечно, уже никогда не могутъ быть затушеваны. Покорно приспособляясь и примѣняясь, человѣкъ достигаетъ сравнительно легкаго примиренія съ природой и весьма устойчивыхъ жизненныхъ формъ, съ теченіемъ времени превращающихся въ формы застоя и упадка; развивая же въ себѣ умственные способности—что, въ свою очередь, даетъ новыя побужденія къ измѣненію его положенія—человѣкъ создаетъ себѣ болѣе сложныя и потому болѣе легко разрушимыя отношенія съ окружающимъ его міромъ. Однако, въ случаѣ прекращенія новыхъ воздѣйствій извнѣ, и они обнаруживаютъ паразитическую склонность къ застыванію—чему примѣромъ можетъ служить недавнее прошлое Китая. При взаимномъ соприкосновеніи отдѣльныя культурныя состоянія большею частью теряютъ свою устойчивую обособленность и претерпѣваютъ измѣненія, частью въ смыслѣ разложенія стараго, частью въ смыслѣ своего дальнѣйшаго развитія, при чемъ иногда первая форма измѣненія кроется подъ внѣшнимъ образомъ послѣдней.

Поступаютъ, слѣдовательно, неправильно, постоянно повторяя о „культурныхъ ступеняхъ“ и о пережитой человѣчествомъ „эволюціи“. Мы не имѣемъ никакого права на доисторическія культуры смотрѣть лишь какъ на переходныя стадіи къ болѣе позднимъ. Вѣдь согласно всему тому, что намъ извѣстно о современныхъ наиболѣе дикихъ народахъ, переходъ отъ ихъ состоянія къ нашему,

повидимому, даже вообще невозможенъ. Съ другой стороны, идея развитія предполагаетъ въ началѣ процесса нѣчто безпомощно-младенческое, что должно когда-нибудь проявить себя и что, въ концѣ концовъ—скажемъ въ эпохи, доступныя взгляду исторіи—дѣйствительно себя и проявило. Но такое предположеніе, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть признано твердо установленнымъ, а сверхъ того, несмотря на всю благожелательность его, здѣсь кроется величайшая несправедливость по отношенію къ безчисленнымъ, давно угасшимъ поколѣніямъ человѣческаго рода. На самомъ дѣлѣ, приходится скорѣе говорить не о „развитіи“, а наоборотъ—о непрерывно усложняющейся „запутанности“, такъ какъ исторія изображаетъ только постоянно растущую сложность во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ. И задачей всего этого процесса въ значительной мѣрѣ является не столько физическое и духовное благоденствіе каждаго отдѣльнаго человѣческаго существа, сколько сохраненіе цѣлаго вида, судьба котораго, въ полномъ противорѣчій съ глубочайшими стремленіями всякаго организма, тѣсно связана съ потокомъ непрерывнаго измѣненія и замѣны отдѣльныхъ его частей.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, можно теперь перейти къ опредѣленію того, что такое вообще и во всѣ времена представляетъ собою культура: это есть созданное человѣкомъ дополненіе къ природѣ, которое, не находясь съ послѣднею въ противорѣчій, побѣдно выступаетъ, однако, за ея предѣлы, подчиняя ее все болѣе и болѣе человѣческимъ стремленіямъ и низводя до служебнаго по отношенію къ нимъ положенія. Но не созданіемъ свободнаго, творческаго выбора является она; культура есть простой результатъ выпавшаго на долю человѣка пути развитія, столь отличнаго отъ жребія животнаго міра—пути усовершенствованія своего мыслительнаго органа и своихъ къ труду приспособленныхъ конечностей въ ущербъ развитію иныхъ, болѣе старыхъ охранительныхъ и оборонительныхъ средствъ. Другими словами,—культура есть результатъ необходимости въ борьбѣ за сохраненіе рода. Привилегіи рѣшать, желаемъ ли мы жить

культурной жизнью или оставаться внѣ ея — намъ не дано, и группа людей, совершенно лишенныхъ культуры немислима, въ виду невозможности для нея сколько-нибудь продолжительное время поддерживать свое существованіе.

Вотъ что и надо имѣть въ виду, когда мы, пользуясь общепринятыми способами выраженія, будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи говорить о „степеняхъ“ культуры или о культурномъ „развитіи“.

I. Древнѣйшія и наиболѣе первобытныя культуры.

Старѣйшія культуры, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія, это — культуры дилювіального человѣка ледниковаго періода. Наиболѣе первобытными культурами болѣе поздняго времени и современной намъ эпохи являются тѣ, которыя ближе всего стоятъ къ указаннымъ ледниковымъ культурамъ или, какъ это на самомъ дѣлѣ весьма часто наблюдается, въ главныхъ своихъ формахъ совершенно совпадаютъ съ ними. Первыя называютъ также палеолитическими культурами, или культурами древнѣйшаго каменнаго вѣка, и это названіе можно съ соотвѣтствующимъ хронологическимъ ограниченіемъ примѣнить и къ послѣднимъ. Доисторическая археологія учитъ насъ разсматривать такое культурное состояніе современныхъ народовъ, главнымъ образомъ, не какъ слѣдствіе обѣднѣнія или вырожденія, но какъ результатъ продолжительнаго, хотя и не безусловнаго застоя, причины котораго въ большинствѣ случаевъ легко можно возстановить: онѣ обычно чрезвычайно ясно обнаруживаются въ свойствахъ занятой изучаемымъ населеніемъ мѣстности. Менѣе ясна причинная связь между духовнымъ предрасположеніемъ каждой данной группы и формой ея культуры. Однако, твердо приходится помнить, что и культурныя формы подчинены своеобразному закону постоянства, и что для культурно-историческаго изслѣдованія впереди должна быть поставлена задача выяснить постепенное измѣненіе культуры, а не объяснять ея спокойное состояніе и застой. Во всякомъ случаѣ, о свойственномъ человѣку стремленіи впе-

редь,—уже по крайней мѣрѣ относительно древнѣйшихъ временъ и наиболѣе примитивныхъ культуръ современности,—никакъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы займемся сперва палеолитическими культурами эпохи оледенѣнія Европы, а затѣмъ—тѣми же культурами другихъ странъ и болѣе позднихъ вѣковъ. Наше изложеніе, такимъ образомъ, само собой распадется на археологическую и этнологическую части; первая, естественно, будетъ построена въ порядкѣ историко-хронологическомъ, вторая—въ порядкѣ систематизирующемъ, сравнительно-описательномъ. Обѣ части должны взаимно пополнить другъ друга. Состояніе нашихъ теперешнихъ знаній, которыя неравномѣрно охватываютъ первобытную исторію различныхъ странъ, и безспорная принадлежность къ глубокой древности доисторическихъ находокъ въ Европѣ заставляютъ насъ примѣнять послѣднія въ качествѣ мѣрила почти для всѣхъ раннихъ историческихъ культурныхъ періодовъ. Испытанный и осторожный изслѣдователь не совсѣмъ охотно идетъ на такой компромиссъ, вполне ясно отдавая себѣ отчетъ въ представляемой имъ опасности. Но еще слишкомъ далеко то время, когда древнѣйшія культуры и другихъ частей міра, даже ближняго Востока, будутъ изслѣдованы приблизительно съ такой же степенью точности, какъ доисторическія культуры Европы.

1. Древній каменный вѣкъ въ Европѣ.

а) Эолиты третичнаго и ранняго четвертичнаго періодовъ.

Палеолитическія культуры въ Европѣ относятся къ различнымъ позднимъ ступенямъ четвертичнаго ледниковаго періода. Отъ болѣе раннихъ эпохъ этого промежутка времени, продолжительность котораго считается въ полмилліона или даже въ цѣлый милліонъ лѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ человѣческой культурной дѣятельности. Правда, само существованіе человѣка должно быть признано и въ тѣ раннія времена, на основаніи находки близъ Гейдельберга человѣческаго подбородка въ глубокихъ слояхъ песчаника ранне-дiluвiальнаго проис-

хожденія. Этотъ знаменитый ископаемый остатокъ человѣка, представляющій собой небольшую, правда, часть человѣческаго скелета крайне низкаго животноподобнаго строенія, весьма возможно, принадлежитъ тому существу, ближайшее знакомство съ которымъ дѣйствительно привело бы насъ къ первымъ зачаточнымъ стадіямъ человѣческой культуры. Однако, находка эта является совершенно обособленной; да и немного выиграли бы мы для восстановленія картины этого отдаленнѣйшаго періода, если бы съ нею вмѣстѣ—чего на самомъ дѣлѣ не было—удалось найти нѣсколько искусственно расщепленныхъ камней, т.-е. единственно возможный и согласный съ нашими ожиданіями ея культурный слѣдъ.

Въ послѣднія десятилѣтія много, во всякомъ случаѣ, было положено труда, чтобы отыскать доказательства существованія человѣка и его культурной дѣятельности не только въ продолженіе раннихъ эпохъ четвертичнаго періода, но и различныхъ эпохъ предыдущаго, третичнаго ¹⁾. Продолжительность третичныхъ эпохъ, на которыя думали благодаря этому распространить исторію человѣческой культуры, достигаетъ въ сравненіи съ ледниковой эпохой четвертичнаго періода приблизительно въ десять разъ большаго количества лѣтъ, т.-е. въ круглыхъ числахъ отъ 5 до 10 милліоновъ. Такими показателями для этихъ эпохъ является не ископаемые остатки человѣка—ихъ вообще не знаетъ третичный періодъ—но такъ называемые „эолиты“, т.-е. камни наиболѣе раннихъ „предразсвѣтныхъ“ эпохъ дометаллическаго культурнаго періода (рис. 1). Древнѣйшія находки, въ которыхъ старались усмотрѣть такіе эолиты, относятся къ сравнительно раннимъ третичнымъ эпохамъ, именно къ среднему олигоцену (Бельгія, рис. 1, 1); другія—къ эпохамъ третичнаго періода, на

1) Въ исторіи земли различаются три эры: палеозойская (первичная), мезозойская (вторичная) и кайнозойская (третичная). Первая часть послѣдней обычно называется „третичнымъ періодомъ“ въ отличіе отъ болѣе поздняго, значительно болѣе короткаго ея періода „четвертичнаго“, который, въ свою очередь, распадается на двѣ эпохи: 1) ледниковую и 2) современную, продолжающуюся и до нашихъ дней. Въ третичномъ періодѣ тоже различаются четыре эпохи: эоценъ, олигоценъ, миоценъ и пліоценъ. *Прим. перев.*

сотни тысячъ лѣтъ позднѣе—верхнему миоцену (Средняя Франція), третьи—къ двумъ эпохамъ конца третичнаго періода—среднему и верхнему пліоцену (Англія и Франція). Опираясь на подобныя же находки пытались, наконецъ, привлечь къ исторіи человѣка и наиболѣе древнія эпохи четвертичнаго ледниковаго періода, предшествовавшія эпохамъ каменныхъ орудій, завѣдомо исполненныхъ человѣческой рукой.

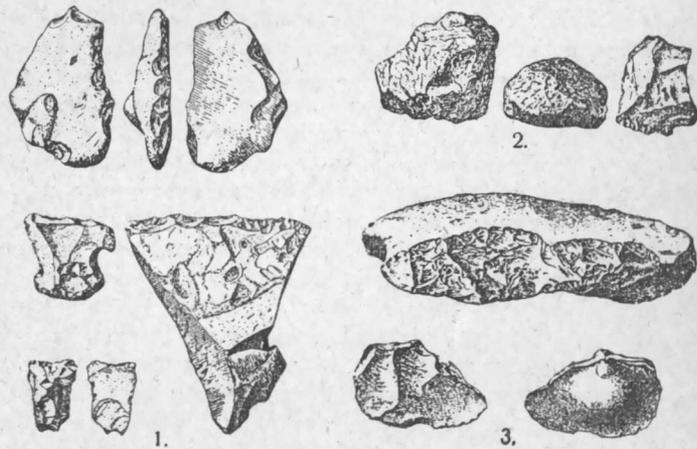

Рис. 1. Третичные эолиты изъ Бельгіи и Франціи. Налѣво (1)—изъ Бонселля, въ Бельгіи (средній олигоценъ); направо, вверху (2)—изъ Тенэ, во Франціи (верхній олигоценъ); направо, въ серединѣ и внизу (3)—изъ Пюи-Курни, во Франціи (средній миоценъ). (По Рюто и де-Мортилье).

Однако, по разнымъ соображеніямъ эти эолиты не могутъ быть признаны дѣйствительными доказательствами тѣхъ предположеній, которыя съ ними связаны. Поэтому, съ отпаденіемъ ихъ, съ исторіи культуры снимается и обязанность заниматься столь отдаленными періодами исторіи земли. Въдѣ, во-первыхъ, нахождение ихъ не ограничивается только вышеназванными эпохами третичнаго періода. Встрѣчаются они уже и въ нижнемъ эоценѣ (Сѣверная Франція), слѣдовательно—на самой начальной гра-

ницѣ третичныхъ отложений. Сюда ни одинъ сторонникъ ученія объ эолитахъ не отважится отнести существованіе человѣка, поскольку его можно разсматривать какъ существо, способное производить какія-либо орудія. Такимъ образомъ, болѣе и болѣе становится яснымъ, что возникновеніе эолитовъ надо приписать не преднамѣренному, хотя бы и грубому, приспособленію пригодныхъ каменныхъ кусковъ для пользованія ими въ качествѣ орудій (какъ это думали раньше), но чисто естественнымъ причинами. Эолиты являются простыми обломками кремня, своимъ видомъ вводящими насъ въ обманъ и позволяющими смѣшивать себя съ искусственно сдѣланными орудіями различнаго примѣненія; и въ качествѣ такихъ естественныхъ образованій они должны разсматриваться до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены настоящія доказательства ихъ дѣйствительнаго примѣненія при человѣческой работѣ. Въдѣ изъ того, что какой-нибудь камень въ своей природной формѣ можетъ быть употребленъ въ качествѣ извѣстнаго орудія труда, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ такъ именно употребляется въ дѣйствительности. Къ этимъ соображеніямъ присоединяется еще и недостатокъ всякаго рода иныхъ обоснованій культурно-историческаго значенія этихъ кусковъ кремня. Находятъ ихъ не на мѣстахъ какихъ-нибудь опредѣленно ограниченныхъ лагерныхъ стоянокъ, въ сосѣдствѣ, на примѣръ, съ остатками огня и пищи. Наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ они встрѣчаются на протяженіи значительныхъ площадей среди массы другихъ кусковъ камня болѣе или менѣе одинаковаго образованія, изъ среды которыхъ произвольно и извлекаются исполненными вѣры изслѣдователями и выдаются за цѣлый рядъ разнообразныхъ орудій, на примѣръ, для вбиванія, прокалыванія, сверленія, рѣзанія, скобленія, бросанія и т. д., даже для высканія огня.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда, по всей вѣроятности въ ранній четвертичный періодъ, дѣйствительно практиковалась выдѣлка эолитовъ, ибо таковую логически предполагаютъ своей предпосылкой древнѣйшія орудія палеолитической эпохи каменнаго вѣка. Но отношеніе такихъ находокъ къ человѣку должно быть доказано съ большей опредѣленностью, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ по

отношенію къ разнымъ группамъ эолитовъ. Безспорно, наступитъ время, когда можно будетъ говорить о дѣйствительныхъ эолитахъ. Пока такое время еще не настало, о эолитахъ же ранняго третичнаго періода, конечно, никогда и не можетъ быть рѣчи. Собственно говоря, болѣе позднія третичныя эпохи, равно какъ и болѣе раннія четвертичныя, являются еще до сихъ поръ для исторіи культуры совершенно неизученными областями.

в). Древне-палеолитическія культуры.

До сихъ поръ еще не удалось съ полной опредѣленностью установить, насколько глубоко заходятъ въ ледниковый періодъ культуры древнѣйшей каменной эпохи въ Европѣ. Согласно обстоятельнымъ научнымъ изысканіямъ, произведеннымъ, главнымъ образомъ, въ альпійскихъ и примыкающихъ къ нимъ областяхъ, ледниковый періодъ въ Европѣ, въ свою очередь, распадается на четыре отдѣльныхъ холодныхъ періода (періоды оледенѣнія) и три лежащія между ними „межледниковыя эпохи“. Къ послѣднимъ же приходится еще присоединить и примыкающій къ четвертому періоду оледенѣнія періодъ переходный къ геологической современности (послѣледниковый періодъ). Отъ перваго и втораго изъ этихъ ледниковыхъ періодовъ, съ лежащей между ними первой интерглюціальной эпохой, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ остатковъ человѣческой культуры (только эолиты). Напротивъ, второй (по счету другихъ изслѣдователей лишь третій) межледниковый періодъ является временемъ такъ называемой „шелльской культуры“, которой принадлежатъ первыя искусственно, путемъ оббивки, приспособленныя человѣкомъ къ свесму употребленію каменныя орудія. Шелль (Chelles), это—названіе мѣстности, лежащей въ сѣверномъ французскомъ департаментѣ Сены и Марны; по имени даннаго мѣста и вся культурная ступень эпохи этихъ древнѣйшихъ формъ орудій названа „шелльской“. Шелльская культура имѣетъ очень широкое распространеніе по всему земному шару. Ея существованіе отмѣчаютъ въ западной и средней Европѣ, въ Италіи, Испаніи, сѣверной и южной Африкѣ, въ Передней Азіи и Сибири, равно и въ Аме-

рикѣ. Во всѣхъ указанныхъ областяхъ она нисходитъ по времени къ четвертичному періоду, но у отставшихъ въ своемъ развитіи позднѣйшихъ примитивныхъ народовъ предметы шелльской культурной ступени были еще въ обращеніи и въ эпохи несравненно болѣе позднія.

Отличительный признакъ каменныхъ орудій этого типа, обычно обозначаемыхъ общимъ именемъ „клинообразныхъ ручныхъ топоровъ“, состоитъ въ томъ, что путемъ грубо исполненной оббивки большихъ кусковъ крѣпкаго камня, по преимуществу кремня, послѣдніе превращаются въ широкія, приспособленныя къ непосредственному держанію рукой, орудія, имѣющія разнообразное примѣненіе. Клиньями этими, иногда миндалевидной, иногда ланцетобразной, овальной, треугольной и другой подобной формы, можно было по желанію колоть или сверлить, рѣзать или скоблить, долбить или просто наносить удары. Конечъ, который держали въ рукѣ, дѣлали потолще и округленнѣе; съ цѣлью наиболѣе удобнаго захвата рукой нерѣдко въ этомъ мѣстѣ даже намѣренно оставляли нетронутой часть гладкаго покрова, имѣвшагося у кремневаго желвака до обработки. Кромѣ этихъ неуклюжихъ клинообразныхъ топоровъ (рис. 2), въ ту же шелльскую эпоху и даже еще нѣсколько ранѣе употреблялись небольшія, менѣе характерныя орудія, въ видѣ простыхъ отколотыхъ или отщепленныхъ кусочковъ кремня, произвольно получившихся при раскальваніи глыбъ его и употреблявшихся въ такомъ совершенно необработанномъ видѣ.

Шелльская эпоха была теплымъ временемъ. Человѣкъ добывалъ главнымъ образомъ себѣ пропитаніе, вѣроятно, путемъ собиранія дикорастущихъ плодовъ, корней и другихъ годныхъ къ употребленію предметовъ окружающаго его растительнаго міра. Свою потребность въ мясной пищѣ онъ удовлетворялъ, несомнѣнно, отчасти тоже весьма примитивной охотой на мелкихъ животныхъ, отчасти же путемъ захвата крупныхъ млекопитающихъ. Добычей его становились даже гигантскій древнѣйшій слонъ (*Elephas antiquus*) и „меркскій“ носорогъ (*Rhinoceros Mercki*)—два наиболѣе характерныхъ для этого времени животныхъ, кости которыхъ находятъ на мѣстахъ открыто расположенныхъ стоянокъ человѣка той эпохи (не въ пещерахъ).

Какимъ способомъ онъ одолѣвалъ этихъ колоссальныхъ животныхъ — устраивалъ ли онъ западни или нападаль на естественно обезсиленные и безпомощные экземпляры и приканчивалъ ихъ, — это легче изобразить, нежели научно установить. Во всякомъ случаѣ, сколько-нибудь годнаго метательнаго оружія у него въ распоряженіи не было; самое большее, что онъ умѣлъ бросать метательные камни, палицы и т. п.

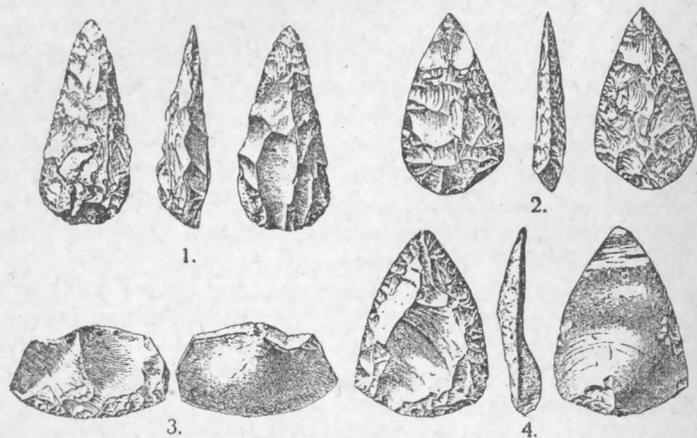

Рис. 2. Типы кремневыхъ орудій древне-палеолитическаго періода. 1 — шелльскій ручной топоръ изъ Шелля; 2 — ашѣльскій ручной топоръ изъ Понтлевуа; 3 — скребокъ; 4 — остріе, приспособленное для держанія въ рукѣ, эпохи Мустье; два послѣднихъ изъ Ле-Мустье. (По А. де-Мортилье).

Послѣ шелльскаго періода, тянувагося въ теченіе многихъ тысячелѣтій, постепенно вновь надвинулась холодная эпоха, — предпослѣдній (или послѣдній) періодъ оледенѣнія. Животный и растительный міръ болѣе теплыхъ лѣсныхъ областей погибъ или перекочевалъ въ другія мѣста, — и появились климатъ и животное населеніе сперва степей, а затѣмъ и тундры или промерзшаго сѣвернаго моховаго болота. На первый изъ этихъ послѣднихъ моментовъ приходится эпоха куль-

туры С.-Ашѣль, названная такъ по мѣстности вблизи Амьена, въ департаментѣ Соммы, на сѣверѣ Франціи, гдѣ расположены карьеры песка съ чрезвычайно обильными находками остатковъ этой культуры; къ послѣднему изъ этихъ моментовъ, къ періоду собственнаго оледенѣнія, относится культурная эпоха Ле-Мустье, названная по пещернымъ остаткамъ близъ одноименнаго мѣстечка общины Пейзакъ, въ департаментѣ Дордони, на югѣ Франціи. Въ обѣ эти эпохи прежній клинообразный топоръ сперва начинаютъ выдѣлывать болѣе тонкимъ, менѣе тяжелымъ и болѣе разнообразнымъ по формѣ; затѣмъ онъ становится меньшимъ по величинѣ, замѣтно утрачиваетъ свое значеніе, рѣже встрѣчается — и въ то же время все большее преобладаніе получаютъ другія формы орудій, именно — легкіе ручные клинки (рис. 2, 4) и грубо сдѣланные скребки изъ кремня (рис. 2, 3). Эти формы въ то же время все болѣе и болѣе взаимно расходятся, и все это свидѣтельствуетъ о болѣе искусныхъ рукахъ и возросшихъ потребностяхъ, вызванныхъ, очевидно, главнымъ образомъ значительной стужей, принуждавшей челоука къ употребленію мѣха животныхъ для прикрытія тѣла и къ пользованію пещерами въ качествѣ жилья.

Обработка кремня совершенствуется; простое откалываніе грубаго клина отъ подходящаго кремневаго желвака замѣняется отбиваніемъ отъ послѣдняго мелкихъ слоистыхъ частицъ и обтачиваніемъ краевъ его путемъ такъ называемой „ретушевки“. Иногда уже клинообразный топоръ ашѣльской эпохи (рис. 2, 2) является продуктомъ такой оббивки со старательнымъ обтачиваніемъ краевъ; непрерывно совершенствуясь, эта техника затѣмъ становится преобладающей во всѣ послѣдующія эпохи, переходя даже, отчасти безъ особыхъ измѣненій, въ эпохи позднѣйшаго каменнаго вѣка. Оббивка и откалываніе слюдь-частицъ производились не только способомъ ударнымъ, но, въ особенности при болѣе тонкой работѣ, и посредствомъ нажиманія, позволявшаго отдѣлять отъ краевъ или отъ общей поверхности обрабатываемой вещи мелкія и мельчайшія частицы, не портя ея самой. Такимъ путемъ достигли, наконецъ, умѣнія придавать кремню тѣ высокаго совершенныя формы, которымъ мы удивляемся при видѣ

такъ называемыхъ „раковистыхъ“ клинковъ древнѣйшаго и новаго каменнаго вѣка, и которые въ эту послѣднюю эпоху являются необходимой переходной ступеню къ его гладкимъ, отполированнымъ кремневымъ орудіямъ. Вышеуказанныя древне-палеолитическія ступени культуры представляются намъ уже началомъ всей этой эволюціи.

Въ эти болѣе холодныя эпохи, предоставившія меньше пригодныхъ для пищи растительныхъ продуктовъ и требовавшія большаго потребленія мяса, человекъ долженъ былъ усерднѣе, чѣмъ прежде, заниматься охотой. Онъ теперь питался, по преимуществу, мясомъ дикой лошади и мамонта (длинношерстаго ледниковаго слона, *Elephas primigenius*), обитавшихъ въ степяхъ, образовавшихся на отложеніяхъ лесса, а затѣмъ и мясомъ сѣверныхъ оленей, громаднаго стада которыхъ появились въ поросшихъ мохомъ тундрахъ собственно ледниковой эпохи. Медленно, но все же выучивался онъ превращать покрытыя волосами части добытыхъ имъ животныхъ, ихъ кости, зубы, рога въ инструменты и предметы украшенія. Лишь среди предметовъ эпохи Мустье можно впервые встрѣтить нѣкоторые слѣды, свидѣтельствующіе объ этой новой дѣятельности человека, которая только въ ново-палеолитическій періодъ получила высокое развитіе и съ тѣхъ поръ уже никогда не угасала совершенно. Изъ новыхъ каменныхъ орудій къ той же эпохѣ Мустье принадлежатъ скребокъ, долото, буравъ; они предназначались, несомнѣнно, для употребленія въ какихъ-то новыхъ и до тѣхъ поръ еще неизвѣстныхъ, но и намъ теперь уже не особенно понятныхъ, видахъ человѣческой дѣятельности.

с) Ново-палеолитическія культуры.

Затѣмъ вновь послѣдовалъ извѣстный подъемъ температуры, съ началомъ ли послѣдняго (короткаго) межледниковаго періода или съ наступленіемъ періода послѣледниковаго, т.-е. переходнаго къ геологической современности. Полярную тундру съ сѣвернымъ оленемъ сперва, повидимому, опять замѣстила лёссовая степь съ многочисленными табунами дикихъ лошадей и стадами

мамонтовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ начался рядъ ново-палеолитическихъ культурныхъ эпохъ, изъ которыхъ первой считаютъ названную по пещернымъ находкамъ близъ Ориньяка, въ южно-французскомъ департаментѣ Верхней Гаронны, культуру ориньякскую (рис. 3). Каменными ножами, скребками и другими орудіями, имѣющими форму орудій эпохи Мустье, еще усиленно пользо-

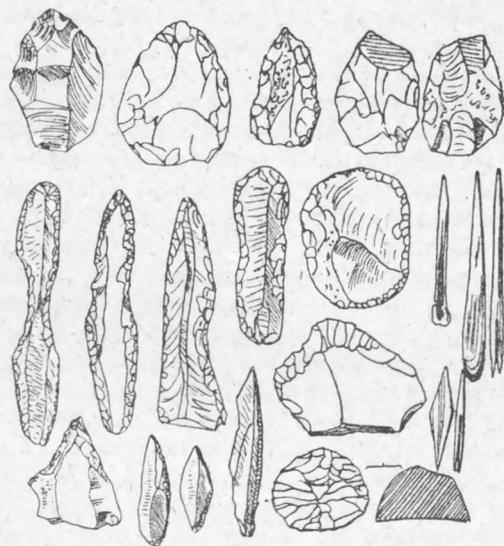

Рис. 3. Типы орудій ориньякской эпохи. Франція. (По Брейлю).

вались и въ эту эпоху, но уже за исключеніемъ первобытнаго клинообразнаго топора. Новые виды орудій представляютъ собою отчасти разнаго рода мелкіе каменные инструменты: остроконечные, клиновидные скребки, простые и двойныя стамески, которыми можно было обтачивать и сглаживать деревянные и костяные брусья, изящныя ножички съ тупой бородкой сверху, тонкозаостренные буравы и крѣпкія шила. Съ другой стороны, теперь явно замѣтно увеличеніе числа предметовъ, сдѣланныхъ

74816 К

изъ матеріала, предоставляемаго животнымъ міромъ: костяныя иглы, шила, лопатки и тонкіе, овальные или ромбическіе наконечники метательныхъ копій, часто съ расщепленнымъ вилкообразно нижнимъ концомъ (для вдвѣванія на стержень). Отъ того же времени у насъ есть въ распоряженіи древнѣйшіе показатели художественной дѣятельности человѣка уже поразительно высокаго достоинства. Небольшія точеныя фигурки людей изъ слоновой кости или камня встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ слояхъ ориньякской эпохи.

Слѣдовавшая за ней культура эпохи Солютрэ (название взято отъ значительнаго селенія Solutrè въ восточно-французскомъ департаментѣ Соны и Луары) была временемъ расцвѣта работъ изъ кремня въ палеолитическомъ періодѣ (рис. 4). Ни въ одну изъ другихъ культурныхъ эпохъ этого періода не встрѣчается такихъ большихъ, красивыхъ, и въ то же время тонкихъ и легкихъ каменныхъ клинковъ, съ изящно граненой, наподобіе раковинъ, поверхностью. Лучшіе изъ нихъ похожи на листообразные или ромбическіе кинжалы или наконечники копій и, повидимому, удовлетворяли собою отчасти первому, отчасти второму назначенію. Другой рядъ формъ представляетъ собою наконечники дротиковъ съ особыми вынутыми языками снизу для прикрѣпленія къ деревку. Только одна изъ плоскихъ сторонъ этихъ наконечниковъ или только одинъ изъ краевъ ихъ подвергались тонкой ретушевкѣ, обратная же сторона сохраняетъ природную гладкую поверхность цѣлаго кремня, отъ котораго отбиты эти вещи. Точно также и скребки съ однимъ или двумя полукруглыми притупленными концами, ординарные и двойные буравы и другіе каменные инструменты замѣчательны своей привлекательной, симметрической внѣшностью и поразительной тонкостью выполненія работы, хотя одни только концы да края ихъ отдѣланы при помощи ретушевки. У костяныхъ же наконечниковъ дротиковъ нижніе концы, для всовыванія ихъ въ выдолбленный конецъ деревка, выточены пирамидально. Въ цѣляхъ украшенія служили въ качествѣ подвѣсокъ просверленные оливкообразныя бусы изъ слоновой кости. Въ нижнихъ слояхъ солутрейской эпохи встрѣчаются одновременно и рѣзныя

барельефныя фигуры, и контурные рисунки, исполненные на кускахъ оленьяго рога; простые рисунки-контуръ уже преобладаютъ въ ея же верхнихъ горизонтальныхъ наслоеніяхъ.

Называютъ также ориньякскую эпоху древней, солутрейскую—средней и слѣдующую за ней эпоху, маделенскую,—поздней эпохой вѣка сѣвернаго оленя, въ виду значительнаго преобладанія этой породы оленя и высокаго ея хозяйственнаго значенія во все продолженіе ново-

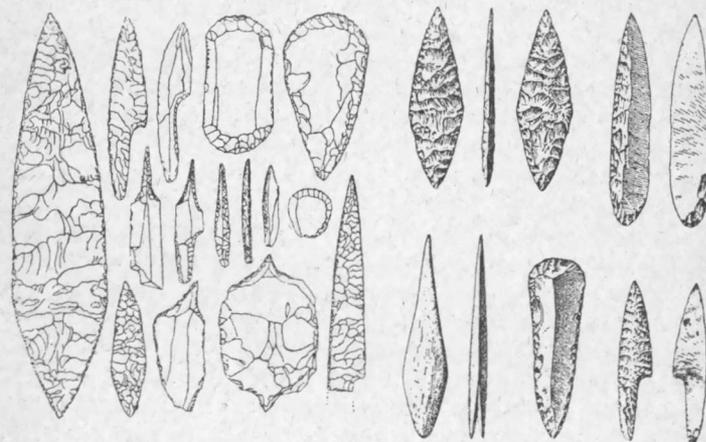

Рис. 4. Типы орудій солутрейской эпохи. (По де-Мортилье).

палеолитической культуры. Для наиболѣе ранней ступени переходнаго къ ориньякской эпохѣ періода есть тоже особое названіе — „вѣкъ слоновой кости“, въ виду того широкаго употребленія, которое бивни мамонта получили въ искусствѣ и индустріи этого времени. Наконецъ, всѣ ново-палеолитическія эпохи вмѣстѣ обозначаются именемъ „вѣка рѣзбы“ (періода глиптики), въ виду мощнаго поступательнаго движенія, которое совершила въ эти эпохи обработка органическихъ веществъ въ изобразительномъ

искусствѣ и ремеслѣ. Конечно, клыки мамонта, олений рогъ да звѣриныя кости, зубы и мягкія породы камня не составляли единственнаго матеріала, который обтачивали съ помощью каменныхъ ножей и покрывали фигурными изображениями и украшениями съ помощью каменныхъ рѣзцовъ. Несомнѣнно, рѣзной отдѣлкѣ (глиптикѣ) подвергался и всякій иной пригодный для этого матеріалъ и прежде всего, разумѣется, дерево. Древки копій, дощечки для метанія легкихъ дротиковъ и рукоятки кинжаловъ, повидимому, были деревянными и съ красивыми рѣзными украшениями, но отъ всего этого, конечно, уже не сохранилось ничего.

Ориньякская и солютрейская эпохи были періодомъ болѣе теплымъ, сравнительно съ предшествовавшей имъ эпохой Мустье и слѣдовавшей за ними мадленской эпохой. Гораздо больше, чѣмъ въ мадленскую и солютрейскую эпохи, существовало въ эпоху ориньякскую совершенно теперь исчезнувшихъ видовъ животныхъ. На ряду съ мамонтомъ и мягкошерстымъ носорогомъ водились дикія лошади и сѣверные олени, пещерный медвѣдь и пещерная гіена, слѣдовательно, животныя и мховой тундры, и травяной степи, и лѣса. На болѣе мягкій, сравнительно съ ледниковымъ періодомъ, климатъ даетъ въ особенности указаніе широкое распространеніе лошади, являвшейся для человѣка солютрейской эпохи наиболѣе цѣннымъ объектомъ охоты; и она же такъ часто давала ему побужденіе къ безчисленнымъ, иногда столь поразительно-жизненнымъ воспроизведеніямъ ея путемъ искусства. Близъ того же самага мѣстечка Солютрэ кости пойманныхъ и убитыхъ дикихъ лошадей образуютъ непрерывный слой, въ среднемъ, отъ 0,5—2 метровъ глубины на площади въ 3800 квадр. метровъ—такъ называемую „костяную залежь“ (Cros du Charnier). Такое одновременное существованіе въ одну и ту же эпоху животныхъ, въ иныхъ случаяхъ встрѣчающихся въ весьма неодинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, объясняется разницей высотъ и прочими мѣстными особенностями отдѣльныхъ пунктовъ и цѣлыхъ областей, въ которыхъ найдены были остатки этой эпохи.

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать одно методически весьма важное попутное замѣчаніе по поводу взаимной связи

наиболѣе раннихъ формъ человѣческой культуры съ тѣми природными условіями, въ средѣ которыхъ онѣ укореняются. Климатическія перемѣны, происходившія въ продолженіе ледниковаго періода и тѣсно связанныя съ ними измѣненія растительнаго и животнаго міра подвергаются въ настоящее время внимательному изученію со стороны геологовъ и палеонтологовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и для археологической науки онѣ представляютъ весьма значительный интересъ, въ силу того обстоятельства, что человѣкъ тѣхъ временъ болѣе, нежели когда-либо, находился во власти окружающей его природы. Съ дичью, доставляемой ему охотой, онъ былъ связанъ не менѣе неразрывно, чѣмъ хищные звѣри дѣвственной тайги или степи съ своей добычей—травоядными животными, а послѣднія—съ своимъ растительнымъ кормомъ. Однако, затрагивая вопросъ о такого рода взаимоотношеніи человѣка и среды, слѣдуетъ принять еще во вниманіе и иныя соображенія. Прежде всего, далеко не всѣ палеонтологи приходятъ къ одинаковымъ выводамъ относительно многократнаго періодическаго возвращенія во время палеолитическаго періода однообразныхъ климатическихъ условій, а въ равной мѣрѣ и соотвѣтствующихъ имъ или съ ними связанныхъ видовъ животныхъ. Многіе изслѣдователи признаютъ для даннаго времени возможнымъ лишь единичное появленіе трехъ группъ животныхъ: прежде всего—лѣсной фауны, приспособленной къ мягкому климату, затѣмъ—другой, предпочитающей холодныя зоны, арктическо-альпійской или тундровой, и, наконецъ,—фауны холодныхъ и сухихъ травяныхъ степей. Съ другой стороны, изслѣдователямъ, допускающимъ возможность періодическаго повторенія одинаковыхъ климатовъ и животныхъ группъ, не удается до сихъ поръ притти къ соглашенію относительно соотвѣтствующаго климатическаго цикла. Одни выдающіеся изслѣдователи ледниковаго періода стоятъ за повторяющуюся періодизацію такого ряда: періодъ лѣса (межледниковый періодъ)—періодъ степи (переходный періодъ)—періодъ тундры (періодъ оледенѣнія). Другіе, однако, вдвигаютъ въ промежутокъ между каждыми двумя періодами обледенѣнія другой циклъ: періодъ лѣса (переходный)—періодъ степи (maximum межледни-

коваго періода)—и опять періодъ лѣса (переходный). Въ такомъ случаѣ, можно бы уподобить оба лѣсныхъ періода веснѣ и осени, періодъ степи—лѣту, и оледенѣніе—зимѣ, т.-е. смѣнѣ времянь каждого отдѣльнаго года.

Наука о доисторической культурѣ можетъ, пожалуй, временно оставить въ сторонѣ такое столкновение взглядовъ въ вопросахъ геологическаго характера, ибо чело-вѣческая культура, какъ все полнѣе выясняется даже и для тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, живетъ своей собственной жизнью и совершаетъ свой собственный циклъ развитія. Ея упрямый приростъ, укорененіе и подъемъ слѣдуютъ инымъ законамъ, нежели исторія животнаго и растительнаго міра. Если, за отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ даже установить, тождественныя ли народныя группы продолжали все время пребывать въ опредѣленныхъ областяхъ,—что, конечно, весьма сомнительно,—то тѣмъ относительно менѣе затрагивается процессъ общаго развитія тѣмъ обстоятельствомъ, что пещерные обитатели, напримѣръ, ново-палеолитическихъ эпохъ въ сѣверной Испаніи питались по преимуществу мясомъ бизона, въ южной Франціи—мамонта, во Франціи восточной—мясомъ дикой лошади. Эти различія въ видахъ животныхъ для насъ здѣсь почти не имѣютъ значенія: вѣдь въ самомъ дѣлѣ, крупныя травоядныя млекопитающія водились вездѣ, куда только былъ въ состояніи проникнуть человекъ. Поэтому, вопросъ о томъ, холодно ли или тепло было въ ту или иную эпоху, тѣ или другія животныя жили тогда вмѣстѣ съ человекомъ, или какъ организованы были отдѣльныя группы животнаго міра, въ какой послѣдовательности смѣнялись климатическія условія и т. д.,—этимъ вопросамъ мы не можемъ придавать того крупнаго значенія, которое имъ съ полнымъ правомъ отводится со стороны палеонтологовъ. Мало того, выяснилось—и это является весьма важнымъ и для естественной науки и тщетно отрицалось ею,—что для позднѣйшихъ эпохъ ледниковаго періода продукты чело-вѣческой дѣятельности представляютъ собою болѣе твердые хронологическіе опорные пункты, сравнительно съ животными остатками; послѣдніе, уже въ виду различнаго расположенія мѣстностей, въ смыслѣ географической ши-

роты и высоты надъ уровнемъ моря, дають иногда по отношенію къ одной и той же эпохѣ чрезвычайно несходныя картины, да и въ силу иныхъ основаній не всегда могутъ быть признаны надежными свидѣтелями измѣнчивыхъ климатическихъ отношеній.

За эпохой солотрейской слѣдовала эпоха маделенская (рис. 5 и 6), или послѣдняя эпоха вѣка сѣ-

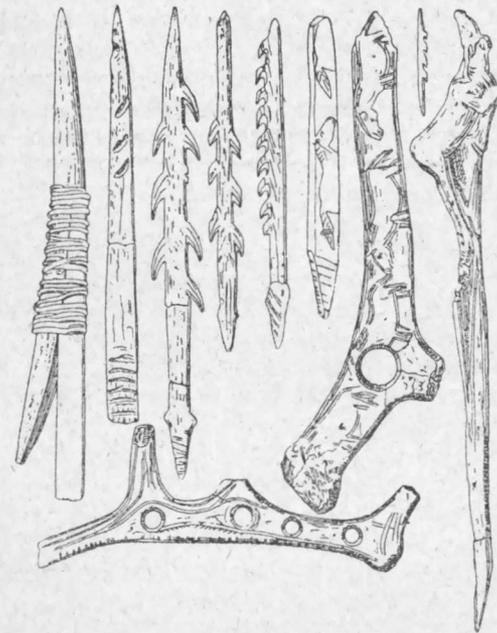

Рис. 5. Орудія маделенской эпохи. (По де-Мортилье).

вернаго оленя. Свое названіе она получила отъ обильныхъ находокъ въ пещерѣ La Madeleine, около Тюрсака, въ южно-французскомъ департаментѣ Дордони. Эта культура относится всѣми изслѣдователями единогласно къ новому періоду охлаждения, наступившему въ четвертичный послѣдниковый періодъ—къ эпохѣ такъ называемой бюльсской стадіи. Различаютъ три горизонтальныхъ слоя въ

археологических отложениях этой эпохи. Нижний из них или древнейший содержит в себе кремневые орудия, весьма еще сходные с орудиями верхних слоев эпохи Солютрэ. Среди предметов, сдѣланных из животных остатков, совершенно еще нѣтъ гарпуновъ, т.-е. покрытых рядомъ зубьевъ наконечниковъ метательныхъ копій, но зато много наконечниковъ съ наискось отрѣзаннымъ основаніемъ, иглы и другихъ вещей. Въ среднемъ

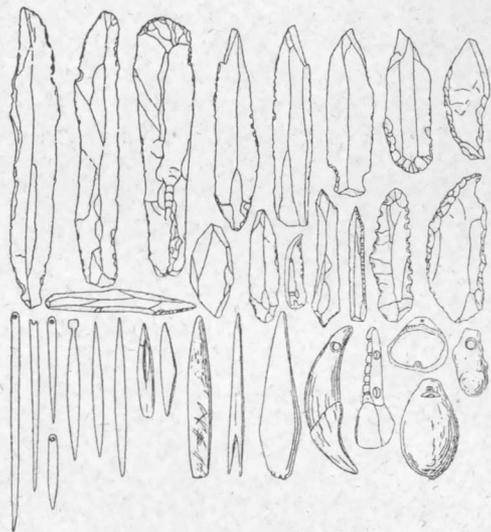

Рис. 6. Типы орудій маделенской эпохи. (По де-Мортилье).

горизонтальномъ слоѣ, сначала изрѣдка, далѣе все чаще, начинаютъ встрѣчаться гарпуны, снабженные зубьями, обычно на одной изъ сторонъ, но иногда уже и съ цѣлыми двумя рядами ихъ; далѣе, округленные концы метательныхъ копій, съ виллообразно расщепленнымъ основаніемъ. Встрѣчаются теперь весьма часто и жезлы изъ оленьяго рога съ фигурными украшеніями, впервые появляющіеся уже въ нижнемъ слоѣ, и изображенія на нихъ отличаются удивительной жизненностью. Среди кремне-

выхъ орудій имѣются скребки, (гравировальные) рѣзцы различной формы, буравы и маленькіе клинки, крайне разнообразныя по внѣшности, при чемъ въ верхнихъ слояхъ количество ихъ видовъ дѣлается еще значительнѣе. Наконецъ, основными типами орудій послѣднихъ, верхнихъ слоевъ той же эпохи являются многочисленные гарпуны изъ оленьяго рога съ двумя рядами зубьевъ и сдѣланныя изъ того же матеріала долота. Контурные рисунки, состоящіе иногда изъ очень глубоко врѣзанныхъ линий, находятся по преимуществу на этихъ послѣднихъ и на такъ называемыхъ „командорскихъ жезлахъ“ (палочки колдуновъ?) изъ оленьяго рога съ просверленными однимъ или нѣсколькими широкими отверстіями. Рисунки большею частью исполнены отлично, но нерѣдко встрѣчаются среди нихъ и весьма бѣглые и грубые, скорѣе только намеки на предметъ, а не полное его изображеніе. Въ результатѣ начинается разложеніе рисунка на составныя части и появленіе простого орнамента, который, однако, путемъ сравненія все еще можетъ быть сведенъ къ послужившему ему исходной точкой фигурному изображенію. Кремневые орудія этой заключительной эпохи являются полной противоположностью примитивныхъ орудій начальныхъ ступеней всей этой цѣпи палеолитическихъ культуръ, поскольку только мыслима, конечно, такая противоположность въ предѣлахъ орудій изъ камня, сдѣланныхъ путемъ простой оббивки или отдѣленія слоистыхъ частицъ. Особенно характерны безчисленные мелкіе „клинки перочинныхъ ножичковъ“ (на самомъ дѣлѣ, конечно, не отъ перочинныхъ ножей въ буквальномъ смыслѣ!), крошечные, круглые и другой формы скребки, совсѣмъ своеобразныя рѣзцы и т. д. Клинки эти, мелкіе и совсѣмъ крошечные, предназначавшіеся для различнаго употребленія, принято также называть „пигмейскими“, или „микролитическими“, кремневыми орудіями. Назначеніе ихъ весьма загадочно, и можно лишь предполагать, что ихъ употребляли въ дѣло не голой рукой, но предварительно вставивъ въ древко или рукоятку; нѣкоторые же изъ нихъ, можетъ быть, насаживали рядами въ видѣ зубьевъ или рѣзцовъ на пилы, наконечники копій и тому подобныя орудія.

Вообще, установить или опредѣлить примѣненіе палеолитическаго охотничьяго оружія и рабочихъ инструментовъ непосредственно изъ нихъ самихъ—совершенно невозможно; но можно весьма наглядно показать ихъ назначеніе путемъ сравненія съ употребленіемъ совершенно подобныхъ имъ формъ и приемовъ заготовленія орудій у современныхъ дикихъ охотничьихъ племенъ, чему и будетъ посвящена вторая часть данной главы нашей книги. Тамъ будутъ въ достаточной мѣрѣ приведены данныя относительно употребленія въ дѣло гарпуновъ, дротиковъ, метательныхъ досокъ, каменныхъ острогъ, скребковъ и пр.

О какомъ-либо упадкѣ искусства обработки кремня въ маделенскую эпоху, безусловно, говорить не приходится, хотя мы и должны были признать эпоху солютрейскую за высшій моментъ развитія этой техники. Только теперь свои усилія трудъ человѣка сосредоточилъ нѣсколько въ иномъ направленіи, которое опять-таки знаменуетъ собою прогрессъ. Чрезвычайно характерно, что уже на послѣднихъ переходныхъ ступеняхъ къ неолитическому періоду и въ его раннихъ стадіяхъ какъ разъ микролитическія каменные орудія играютъ уже весьма замѣтную роль. Производство же массивныхъ „раковистныхъ“ кремневыхъ орудій появляется вновь и достигаетъ еще большаго совершенства и изящества лишь на значительно болѣе позднихъ его ступеняхъ. Однако, въ эти оба крупные періода каменной эпохи—и въ древній и въ новѣйшій—производство это связано съ извѣстными областями, гдѣ наличность подходящаго матеріала соединялась съ особымъ художественнымъ дарованіемъ и ремесленной ловкостью населенія, что, конечно, не составляло явленія повсемѣстнаго. Даже такіе тяжелые инструменты, приспособленные къ раздробленію костей и т. д., какъ, на примѣръ, древній, давно уже забытый клиновидный топоръ безъ рукоятки, не дѣлались уже болѣе изъ кремня; но орудія подобнаго рода приходилось вѣдь все же имѣть въ распоряженіи во всѣ времена. И вотъ, въ неизмѣнно увеличивающемся преобладаніи рѣзныхъ предметовъ изъ болѣе мягкаго матеріала, допускавшаго возможность болѣе художественной обработки, лучшей полировки и сверленія,

мы уже замѣчаемъ проблески новаго каменнаго вѣка. Нельзя ни въ коемъ случаѣ подобное явленіе считать за переходной ступень къ неолитическому періоду; здѣсь мы можемъ видѣть лишь указаніе пути, который долженъ будетъ выбрать себѣ трудъ человѣка, чтобы заготовить для своихъ растущихъ потребностей и измѣнившихся формъ хозяйства также соответствующія техническія средства. Поэтому, кромѣ уже указанныхъ орудій маделенской эпохи, выточенныхъ изъ кости, назовемъ еще вырѣзанные изъ оленьяго рога и украшенные звѣриными головами жезлы — подражанія деревяннымъ метательнымъ орудіямъ, съ помощью которыхъ можно было мѣтко и сильно бросать копья и гарпуны; затѣмъ, иглы съ тонкими ушками, булавки съ головками, шила, лопатки; въ качествѣ украшеній — обточенные зубы животныхъ и раковины.

Остатковъ вымершихъ породъ животныхъ въ верхнихъ слояхъ маделенской эпохи болѣе уже не находятъ; здѣсь встрѣчаются лишь такіе виды животныхъ, которые существуютъ еще и теперь, хотя и въ иныхъ широтахъ или въ мѣстностяхъ иного орографическаго строенія. Сѣвернаго оленя и сайгу-антилопу, серну и каменнаго барана въ настоящее время напрасно бы стали искать въ охотничьихъ областяхъ древнихъ пещерныхъ обитателей Западной Европы, но попрежнему ихъ еще найдемъ—первую въ Европѣ, вторую—въ центральной Азіи, двухъ послѣднихъ—въ высокихъ альпійскихъ мѣстностяхъ. Мамонтъ и носорогъ, пещерный медвѣдь и пятнистая гиена водились еще въ значительномъ количествѣ во Франціи не только въ продолженіе ориньякской и солютрейской эпохъ, но и въ древнѣйшій періодъ эпохи маделенской. Они, однако, исчезли въ заключительный періодъ этой послѣдней, и животный міръ ея производитъ впечатлѣніе почти современнаго намъ; лишь благодаря присутствію сѣвернаго оленя и сайги-антилопы на немъ лежитъ извѣстный отпечатокъ фауны, предпочитающей суровыя степныя области. Въ южной Франціи, на мѣстѣ прежде бродившихъ тамъ табуновъ дикихъ лошадей, въ эту эпоху паслись безчисленныя стада сѣверныхъ оленей.

За эпохой маделенской слѣдовала эпоха, которая по своей культурѣ еще всецѣло относится къ древнему ка-

менному вѣку, хотя уже и къ концу его, но по своему животному міру уже вполне принадлежит современному геологическо-палеонтологическому періоду. Дѣйствительно, фауна этого времени состоитъ совершенно изъ тѣхъ же видовъ, которые еще и теперь живутъ въ Западной Европѣ. Самымъ цѣннымъ изъ животныхъ, за которыми охотился человѣкъ, былъ обыкновенный олень; въ изобиліи населяла густыя чащи лѣсовъ и красная дичь. Это время называютъ „эпохой азильской“—по гроту Масъ д'Азиль во французскомъ департаментѣ Аржежа, или „эпохой турасской“—по пещерѣ Ла Турассъ въ департаментѣ Верхней Гаронны. Это была дальнѣйшая ступень послѣледниковаго періода, въ сравненіи съ маделенской эпохой, по крайней мѣрѣ, ступень полуупадка, на которой многое было утеряно, но которая все же не совсѣмъ лишена была и признаковъ прогресса. Каменные орудія имѣютъ большое сходство съ орудіями предшествующаго періода, хотя нѣкоторыхъ формъ недостаетъ, а другія являются видоизмѣненными. Присутствіе плоскихъ кремней, которые такъ стерты на концахъ, что имѣютъ правильныя лезвія, нельзя разсматривать какъ начало неолитической полировки камней. Останавливаетъ на себѣ вниманіе измѣненіе охотничьихъ гарпуновъ (рис. 7, вверху), плоскихъ, весьма топорно сдѣланныхъ изъ оленьяго рога и снабженныхъ отверстіемъ у основанія. Подобныя гарпуны извѣстны по находкамъ въ горахъ болѣе позднихъ неолитическихъ слоехъ періода швейцарскихъ свайныхъ построекъ, изъ чего, однако, нельзя заключить о взаимной связи этихъ культуръ. Пластическое искусство, за исключеніемъ немногихъ ничтожныхъ слѣдовъ его, исчезло почти совершенно, зато начинаютъ выступать любопытныя новыя характерныя черты въ расписываніи плоскихъ, водой обточенныхъ галекъ различными красными и черными знаками: точками, черточками, крестами, буквоподобными и другими фигурами, которыя не поддаются объясненію, но, несомнѣнно, когда-то имѣли символическое значеніе (рис. 7, внизу). Быть можетъ, эти знаки являются древнѣйшими свидѣтельствами той формы идолопоклонства, о которой говорится у пророка Исаи (57, 6): „Въ гладкихъ камняхъ ручьевъ доля твоя; они,

они жребій твой; имъ ты дѣлаешь возліаніе и приносишь жертвы, могу ли Я быть доволенъ этимъ?“ О дакотахъ Сѣверной Америки рассказываютъ, что они собирали круглыя булыжники, разрисовывали ихъ, обращались къ нимъ съ моленіями, какъ къ „предкамъ“, и приносили имъ жертвы. Также и на Ново-Гебридскихъ островахъ чтили голыши, обточенные водою; болѣе того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи крестьяне еще въ концѣ 18-го вѣка

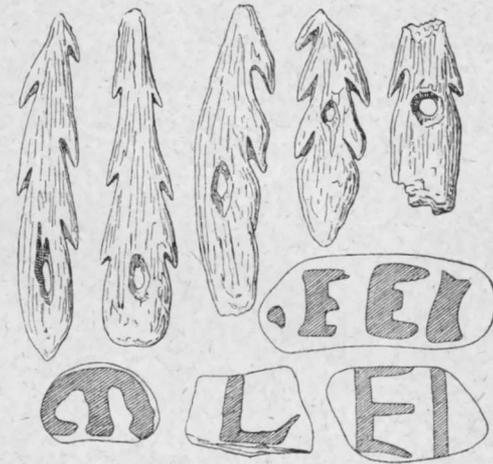

Рис. 7. Гарпуны изъ оленьяго рога и разрисованныя гальки изъ Масъ-д'Азиля. Типы предметовъ азильской эпохи. (По Пьетту).

хранили у себя круглыя камни, какъ символъ языческихъ божествъ. Вечеромъ наканунѣ четверга ихъ омывали, что, повидимому, указываетъ на ихъ назначеніе изображать собою бога Тора, языческаго патрона этого дня недѣли; имъ оказывали всяческія почести, какъ, напр., погружали въ пиво, мазали масломъ, клали ихъ на подстилку изъ свѣжаго сѣна. У жителей острова Имискеа близъ Майо (въ Ирландіи) еще въ половинѣ прошлаго столѣтія имѣлся завернутый въ фланель камень; когда поднималась буря, его вынимали и молили

его, чтобы онъ выбросилъ имъ на берегъ какое-нибудь разбитое судно.

Такими символами боговъ и чудодѣйственными камнями были, вѣроятно, и разрисованныя гальки азильской эпохи, и если въ какомъ-либо мѣстѣ онѣ встрѣчаются въ особенно большомъ количествѣ, какъ, напр., въ прорытомъ одою гротѣ Масъ д'Азиль, то тамъ слѣдуетъ признать и мѣсто ихъ производства и, пожалуй, святилище, мѣсто-пребываніе жреца. Всякаго рода символическіе знаки имѣются, правда, уже и въ послѣднюю эпоху вѣка сѣвернаго оленя на разныхъ предметахъ, за исключеніемъ галекъ; но фигуры на нихъ большей частью совершенно иныя, чѣмъ на разрисованныхъ камняхъ эпохи Масъ д'Азиль, въ которыхъ, главнымъ образомъ, поражаетъ большое число различныхъ отдѣльныхъ обозначеній. Если всѣ они, какъ намъ приходится допустить, имѣли и различный смыслъ, то, въ такомъ случаѣ, должно было существовать множество случаевъ и отношеній, въ которыхъ они находили примѣненіе. Такъ какъ эти знаки столь многочисленны и разнообразны, то нѣтъ, конечно, недостатка въ знакахъ, сходныхъ съ буквами и орнаментными фигурами позднѣйшихъ временъ; однако, появленіе этихъ гладкихъ, разрисованныхъ камней ограничивается одной азильской эпохой и не составляетъ связующаго звена между нею и неолитической группой.

Если оглянуться назадъ на европейскія культуры позднѣйшаго періода палеолитической эпохи, то, несмотря на всѣ пробѣлы въ нашемъ матеріалѣ, передъ нами развернется, подтверждаемый многочисленными свидѣтельствами, ходъ историческаго развитія, его могучіе зачатки постепенное укорененіе и полный расцвѣтъ, затѣмъ явленія перезрѣлости и упадка вплоть до полного исчезновенія всѣхъ достовѣрныхъ слѣдовъ дальнѣйшаго существованія.

Весь этотъ ходъ развитія отражается уже въ смѣнѣ типовъ оружія и инструментовъ, но еще гораздо яснѣе въ исторіи изобразительнаго искусства, которое составляетъ самую цѣнную часть произведеній, дошедшихъ до насъ отъ тѣхъ поколѣній. Эти произведенія искусства распадаются на двѣ группы: небольшіе предметы, найденные

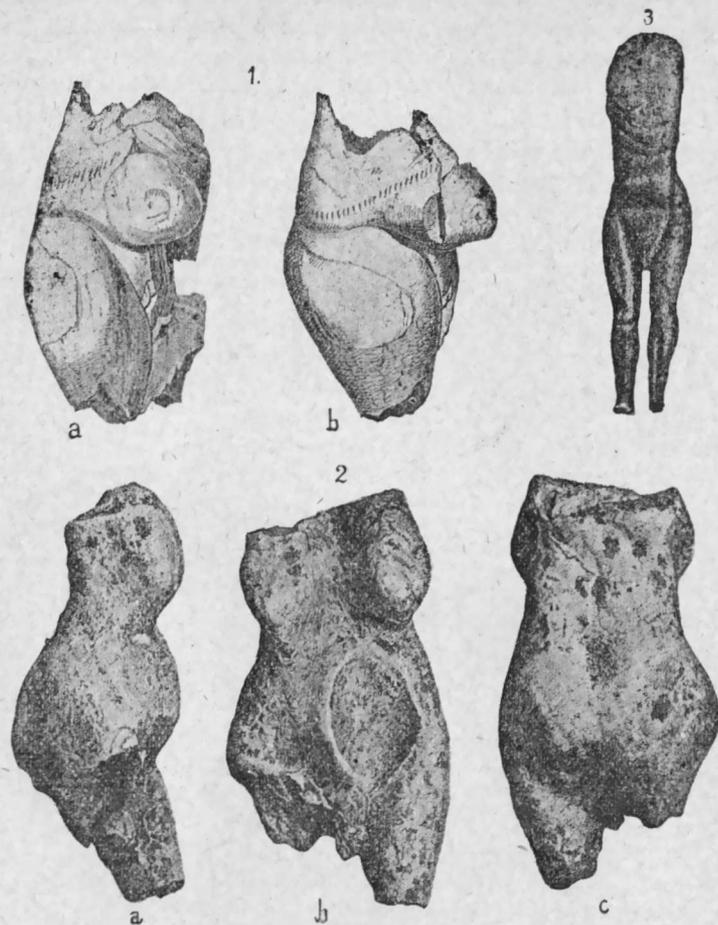

Рис. 8. Пластическія изображенія голыхъ человѣческихъ фигуръ изъ позднѣйшихъ палеолитическихъ слоевъ Французскихъ пещеръ 1 и 2—изъ Брасампуи (въ Ландахъ); 3—изъ Ложери-Бассъ (въ Дардони).

въ слояхъ періода пещерной культуры (рѣже на открытыхъ мѣстахъ стоянокъ), и изображенія на самихъ стѣнахъ пещеръ. Первые обычно состоятъ изъ органическихъ

веществъ: слоновой кости, зубовъ, роговъ сѣвернаго оленя и костей, рѣже изъ мелкаго камня. Это вполнѣ законченные образцы круглой пластики (рис. 8 и 8, а.), изображенія, сдѣланныя плоскимъ рельефомъ, вырѣзан-

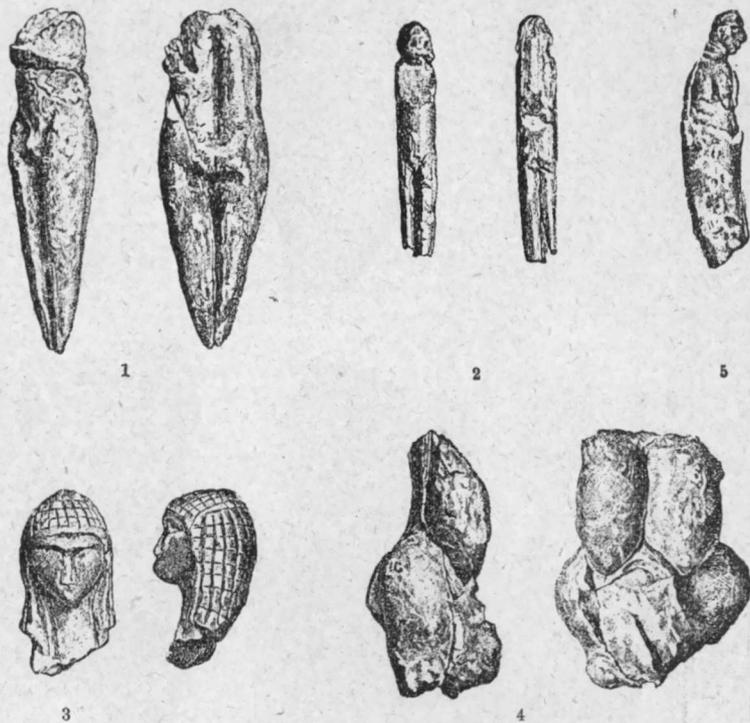

Рис. 8, а. Пластическія изображенія человѣческихъ фигуръ изъ позднѣйшихъ палеолитическихъ слоевъ пещеръ въ южной Франціи. 1—4—слоновая кость (Брассампуи); 5—лошадиный зубъ (Масъ д'Азиль). (По Пьетту).

ные или не вырѣзанные контурные рисунки (рис. 9). Стѣнные изображенія въ пещерахъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ были или пластическія — цѣлые рельефы, или частичныя, въ видѣ использованія естественныхъ неровностей скалистыхъ стѣнъ для особо выпуклаго выдѣле-

нія нѣкоторыхъ деталей (напр., головъ изображенныхъ животныхъ); обычно же они представляютъ собой штриховые рисунки или вос-

произведенія въ краскахъ, а иногда и то и другое вмѣстѣ. Распространеніе этихъ обоихъ группъ въ Западной Европѣ почти одинаковое; однако, первая заходитъ гораздо дальше, чѣмъ вторая, область распространенія которой, впрочемъ, еще не приведена въ полную извѣстность. Главной областью ея является южная Франція — Перигоръ и сосѣдній съ нимъ департаментъ Пиренеевъ, а также сѣверная Испанія. Южная Англія, Бельгія и Швейцарія, Германія и Австрія, по весьма немногочисленнымъ, но отчасти весьма цѣннымъ находкамъ въ нихъ, имѣютъ здѣсь значеніе лишь для первой группы, да и то сравнительно небольшое. Различій въ стилѣ между обѣими группами не существуетъ, а техническія различія вытекаютъ изъ природы матеріала. Живопись на мелкихъ находкахъ встрѣчается крайне рѣд-

Рис. 9. Рисунки животныхъ и людей изъ позднѣйшихъ палеолитическихъ слоевъ пещеръ. 1—сѣверный олень (Кесслерлохъ, близъ Таингена, Швейцарія). 2—сѣверный олень и рыба (Гротъ Лортэ, близъ Сорда, южная Франція). 3—мужская фигура (Масъ д'Азиль). 4—мужская фигура (скала въ Ложери-Бассъ). 5—женская фигура и сѣверный олень (Ложери-Бассъ).

на мелкихъ находкахъ встрѣчается крайне рѣд-

ко и ограничивается раскрашиванием небольших пластических произведений. Чистая орнаментика или то, что мы принимаем за таковую, сильно отступает

Рис. 10. Произведения позднейшего палеолитического искусства с признаками упадка и вырождения. Из западно-европейских пещер. (По Брейлю).

на задний план в сравнении с свободным, натуралистическим изображением органических существ и форм. Даже фигуры — повидому, орнаментны — имеют очень часто характер символических знаков и иероглифических сокращений других ясно исполненных изображений из мира органического (рис. 10). Все формы последнего представлены здесь сообразно их значению для живущего в пещерах охотника ледникового периода. Поэтому, изображения растений крайне редки и ограничиваются уже наполовину стилизованным воспроизведением цветка, ветки, стебля или колоса. Редко изображаются и пресмыкающиеся, несколько чаще рыбы, птицы и хищные животные, равно и сам человек, наиболее же часто повторяются изображения больших травояд-

ных млекопитающих, как-то: северного оленя, мамонта, лошади, бизона, обыкновенного оленя, каменного барана, антилопы-сайги и т. д. (рис. 11). Среди рыб, изображения которых встречаются большей частью на небольших предметах и лишь редко на стенах пещер, можно узнать хорошо нарисованных форелей, щук, лососей; среди птиц — лебедей и диких гусей; среди хищных животных — лисицу, волка, медведя, рысь и тюленя. Пластические человеческие фигуры иногда весьма жизненны и изящны, хотя в них заметно удивительное при-

страстие к преувеличенно крупным (женским) формам; иногда же они исполнены очень просто, грубо и схематично. Контурные рисунки человеческой фигуры исполнены бегло, причудливо и весьма похожи на карикатуры; часто формы головы и тела человека обнаруживают сходство с таковыми же животных, которые, очевидно, были более привычны рисовальщику и проскальзывали без особого с его стороны намерения. Обратное мы находим во многих произведениях зарождающегося более нового искусства, которое придавало лоша-

Рис. 11. Изображения дилувияльных животных, за которыми охотился человек. Из пещер южной Франции. (По Брейлю, Капитану и др.).

дамь, оленям, верблюдам и другим животным человеческие черты лица или, по крайней мере, человеческие глаза. Такие человеческие фигуры гораздо чаще встречаются на стѣ-

нах пещеръ, нежели на небольшихъ переносныхъ предметахъ, и частью принадлежатъ къ разряду тѣхъ еле нацарапанныхъ рисунковъ, которые не безъ труда открыты были на этихъ стѣнахъ. Предпочитается положеніе въ профиль, однако встрѣчаются и причудливыя головы en face. И фигуры животныхъ представлены въ большинствѣ случаевъ въ профиль, стоящими, бѣгущими, лежащими, подымающимися съ мѣста, поодиначкѣ, рядами или группами, но безъ связи между отдѣльными фигурами, представляя каждая особое изображеніе, даже если животныя бѣгутъ другъ за другомъ или беспорядочной массой заполняютъ пространство. Кромѣ цѣлыхъ фигуръ, встрѣчаются отдѣльно нарисованными и части ихъ—однѣ головы, даже ноги. Фигуры животныхъ нарисованы на одномъ и томъ же мѣстѣ одна поверхъ другой такъ, что позднѣйшій рисунокъ накладывается, такъ сказать, на болѣе старыи; онъ или представляетъ собою совершенно новое изображеніе, или улучшаетъ прежнее, въ послѣднемъ случаѣ живое художественное чутье стараго рисовальщика, всецѣло направленное на возможно болѣе точное воспроизведеніе природы, выступаетъ съ особенной отчетливостью. Многие каменные плитки и куски оленьяго рога сплошь покрыты эскизными набросками рисунковъ и рѣзныхъ изображеній, въ которыхъ нельзя усмотрѣть ничего иного, кромѣ этюдовъ и упражненій, въ которыхъ зараженные уже нѣсколько художественными стремленіями пещерные жители, навѣрно, оспаривали другъ у друга пальму первенства въ болѣе вѣрности природѣ и совершенствѣ своихъ произведеній. Но и помимо этого, часто встрѣчаются небольшіе предметы, покрытые рисунками и рельефными украшениями, повидимому, не имѣющіе никакой явной утилитарной цѣли. Это—плоскіе или цилиндрическіе куски кости или оленьяго рога, дощечки изъ слоновой кости и каменные плитки, безъ опредѣленной формы орудій или утвари; въ другихъ случаяхъ разукрашенные куски представляютъ изъ себя уже извѣстные предметы употребленія: дощечки для метанія копій („копьеметалки“), такъ называемые „командорскіе жезлы“, наконечники для оружія и пр. (рис. 12).

Рядомъ съ фигурами животныхъ, иногда въ явной

связи съ ними, выступаютъ изображенія другихъ предметовъ изъ обихода охотника: хижины въ видѣ простыхъ треугольныхъ крышъ, съ ясно нарисованными стропилами, но такія низкія, что ихъ можно разсматривать лишь какъ прикрытія вырытыхъ землянокъ или устроеннаго прямо на землѣ ложа, а можетъ быть, плетеные заслоны отъ вѣтра или щиты отъ солнца(?), гарпуны съ однимъ

Рис. 12. Рѣзныя издѣлія и рисунки изъ французскихъ пещеръ. (По Брейлю).

или двумя рядами зубьевъ и многое другое, назначеніе чего пока еще неопредѣленно, но искать его приходится именно въ этой области. Такіе предметы иногда образуютъ цѣлые ряды или группы, похожіе на письма, смыслъ которыхъ никогда, конечно, не станетъ для насъ столь яснымъ, какъ онъ былъ когда-то для пещерныхъ жителей; однако, и теперь намъ достаточно понятно, когда мы въ тѣлахъ изображаемыхъ животныхъ часто видимъ засѣвшее метательное оружіе. Элементы фигурнаго письма, въ-

роятно, выработались уже в глиптической периодъ Западной Европы. Слѣдуетъ даже различать два вида такого письма, которые, повидимому, господствовали одинъ вслѣдъ за другимъ: болѣе старый — пиктографическій, и болѣе молодой — курсивный. Глубоко врѣзанные знаки перваго — круги съ точками въ центрѣ, двойныя спирали, простыя волюты и т. д. — встрѣчаются уже въ раннія времена глиптического периода. Скорописные знаки болѣе молодого вида письма нацарапаны менѣе глубоко и встрѣчаются рѣже. Чего-нибудь большаго первыя зачатковъ письма ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ его видовъ признать нельзя, да и писали тогда, навѣрно, и немного и немногосложно; но все же слѣдуетъ отмѣтить, какъ, на ряду съ усердной художественной дѣятельностью въ области образнаго искусства и, повидимому, исходя изъ нея, возникаютъ первыя зародыши развивающагося письма.

Многіе изъ рисунковъ, которые мы находимъ въ пещерахъ, на стѣнахъ, такъ же, какъ и рисунки на небольшихъ переносныхъ предметахъ, сдѣланы только для того, чтобы заполнить какую-нибудь ручною работою часы досуга. Очень многіе изъ нихъ представляютъ собою такое убогое царпаніе, что исполнить ихъ могъ, ясное дѣло, всякій, почувствовавшій къ тому охоту, и лучшіе старые рисунки приходится въ буквальномъ смыслѣ выпутывать изъ цѣлой сѣти линій, которыми они часто бывали покрыты позднѣе. Въ настоящее время въ одной Франціи извѣстны 118 пещеръ (и убѣжищъ подъ нависшими скалами), въ которыхъ найдены фигурныя изображенія и рисунки, врѣзанные и нарисованные на стѣнахъ. Стѣнная живопись найдена въ 27 пещерахъ, изъ нихъ 15 въ южной Франціи и 11 въ сѣверной Испаніи, но, безъ всякаго сомнѣнія, такихъ пещеръ будетъ открыто еще много. Иногда это простыя контуры, иногда рисунки, исполненные красками и заполненные въ тѣняхъ (рис. 13). Въ первомъ случаѣ контуры или просто выцарапаны на стѣнѣ, или прорисованы затѣмъ красками; во второмъ — они заполняются краскою въ одномъ или нѣсколькихъ тонахъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ техническомъ отношеніи стоятъ на высотѣ настоящей фресковой живописи. Въ жилыхъ пещерахъ рисунки можно встрѣтить въ различныхъ мѣстахъ—

входа, гдѣ больше свѣта, или въ глубинѣ пещеры, гдѣ ихъ можно рассмотреть лишь при искусственномъ освѣ-

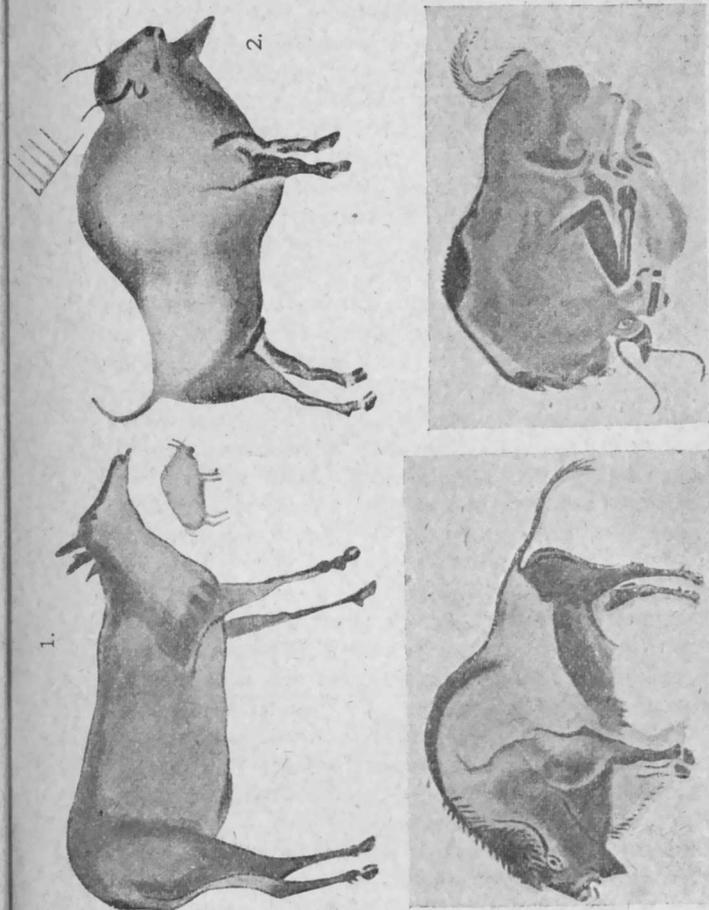

Рис. 13. Фрески изъ Альтамирской пещеры въ сѣверной Испаніи. 1—самка оленя, 2. 20 м. длины. 2—бизонъ, 1 м. дл. 3—то же, 1. 30 м. дл. 4—то же, 1. 55 м. дл. (По Картальяку и Брейлю).

щеніи (напр., въ Камбарелль на разстояніи 120 м., въ Нио даже—800 м. отъ входа). Вполнѣ очевидно, что только часть такихъ рисунковъ является плодомъ досужаго та-

ланта. Кромѣ простого чувства удовлетворенія или наслажденія, отъ нихъ хотѣли получить и нѣчто другое, связывали съ ними какую-нибудь другую, практическую цѣль или расчетъ. Останавливаетъ вниманіе, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что пещерные жители рисуютъ почти исключительно животныхъ, служившихъ имъ пищею; ихъ они изображали неустанно, всюду, гдѣ только находили мѣсто. Можно думать—потому что такія идеи относятся къ самымъ первобытнымъ и элементарнымъ представлениямъ человѣчества,—что съ подобными изображениями были связаны приблизительно такія мысли: такъ какъ изображение даетъ его обладателю власть надъ изображеннымъ предметомъ и позволяетъ проявить надъ нимъ таинственную силу, то, благодаря такимъ рисункамъ, можно получить чародѣйственную власть надъ звѣремъ, обезпечить себѣ добычу на охотѣ, можетъ быть, даже увеличить количество дичи и т. под. Поэтому около этихъ рисунковъ, сверху или сбоку, нерѣдко можно встрѣтить символическіе знаки поимки, добычи—метательное оружіе, руки, хижины,—которые еще яснѣе выражаютъ эти желанія. Такое же магическое значеніе связано, конечно, и съ большинствомъ изображеній животныхъ на оружіи (на дротикахъ и наконечникахъ копій), на жезлахъ шамановъ (такъ назыв. „командорскихъ жезлахъ“). Рисунки, изображающіе фигуры и головы животныхъ, вырѣзаются, въ концѣ концовъ, въ систему геометрическихъ линій, которую можно принять за орнаментальные мотивы или изображенія растений, если не сравнить ихъ съ ихъ прототипами: настолько отошли они черезъ рядъ промежуточныхъ типовъ отъ первоначальной формы. Врядъ ли можно было получить много удовольствія, дѣлая подобныя изображенія; вѣроятно, и съ ними связывалась какая-нибудь тайная побочная цѣль.

Проблески этого искусства начинаютъ встрѣчаться съ ориньякской эпохи, оно проходитъ затѣмъ всѣ ступени новаго палеолитическаго періода вплоть до конца эпохи Маделенъ. Равнымъ образомъ, и произведенія круглой пластики находятъ тоже на протяженіи всего періода, отъ нижнихъ слоевъ ориньякской эпохи до середины маделенской. Въ началѣ встрѣчаются преимущественно изобра-

женія человѣка, и съ особенною любовью вытачивались нагія тучныя женскія фигуры; позднѣе рѣшительный перевѣсъ получаютъ пластическія изображенія животныхъ.

Простые рисунки контуромъ тоже встрѣчаются и на стѣнахъ и на предметахъ уже въ древнѣйшіе періоды глиптической эпохи, но въ усиленной степени, и неизмѣнно увеличиваясь въ количествѣ, появляются они лишь позднѣе, достигая полнаго расцвѣта на послѣднихъ ступеняхъ эпохи Маделенъ, когда образцы круглой пластики уже совершенно отсутствуютъ. Пещерные рисунки проходятъ въ своемъ развитіи четыре періода: въ первомъ встрѣчаются изображенія разнообразныхъ животныхъ: носорога, различныхъ, повидимому, представителей породы козъ и кошекъ; главную роль во второмъ періодѣ играетъ лошадь, въ третьемъ — олень, въ особенности сѣверный, и въ четвертомъ — бизонъ (рис.

Рис. 14. Бизоны, нарисованные красками на стѣнахъ Альтамирской пещеры. (По Брейлю).

14). Человѣческія изображенія встрѣчаются лишь во 2-мъ и 3-ьемъ изъ этихъ періодовъ. Мамонтъ же въ южной Франціи изображается, по преимуществу, на ряду съ

лошадью во второмъ періодѣ, а затѣмъ встрѣчается въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на ряду съ бизономъ въ четвертомъ. Лишь на мелкихъ предметахъ обихода, но уже не въ стѣнной живописи, можно найти изображенія дикой лошади даже въ концѣ глиптической эпохи; одинъ рисунокъ заходитъ даже въ азийскую эпоху, въ которую мамонтъ и сѣверный олень исчезли уже совсѣмъ. Вѣроятно, однако, и дикая лошадь въ Западной Европѣ тоже не пережила древній каменный періодъ.

2. Первобытная культура у современныхъ народовъ.

а) Распространеніе ея и общія свѣдѣнія.

Палеолитическій періодъ Европы показываетъ намъ рядъ картинъ ея культуры, при помощи которыхъ мы можемъ познакомиться въ богато расчлененной исторически смѣнѣ явленій съ хозяйственными и техническими, слѣдовательно, главнымъ образомъ, матеріальными основами древнѣйшаго и примитивнѣйшаго человѣческаго существованія. Если смотрѣть съ высоты новаго времени на всю эту картину, она представляется намъ замѣчательно цѣльной, несмотря на все различіе между отдѣльными періодами; но это происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что мы не можемъ замѣтить въ ней крупныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ въ хозяйственной жизни, которые могли бы опредѣлить собою позднѣйшія культуры и вызвать перевороты въ другихъ ея областяхъ. Соціологическій законъ, согласно которому при тождественныхъ или сходныхъ матеріальныхъ основахъ нѣсколькихъ человѣческихъ обществъ допустимо предположеніе объ одинаковомъ же или подобномъ складѣ и духовныхъ ихъ культуръ, позволяетъ намъ обогатить эту картину, присоединивъ къ ней черты изъ быта современныхъ дикарей, которые живутъ до сихъ поръ тоже исключительно охотой и подобными ей занятіями—рыболовствомъ, ловлею моллюсковъ, то-есть собираніемъ пищи въ томъ видѣ, какъ она встрѣчается въ природѣ. Они еще не дошли до разведенія растений, не знаютъ приру-

ченныхъ животныхъ, не умѣютъ обжигать глины, не строятъ настоящихъ хижинъ, не въ состояніи отполировать свое оружіе, изготовленное изъ камня, при чемъ я уже не говорю, конечно, о томъ, что они не знаютъ еще употребленія металла.

Племена эти или вымерли только въ ближайшее историческое время, или жалкіе ихъ остатки до сихъ поръ влачатъ еще свое существованіе на удаленныхъ или вообще въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи неблагоприятно расположенныхъ мѣстностяхъ земного шара, на островахъ, полуостровахъ, въ суровыхъ областяхъ около полярнаго круга, на непріютныхъ морскихъ берегахъ, въ безводныхъ пустыняхъ или въ дѣвственныхъ лѣсахъ подъ тропиками. Можно совсѣмъ не принимать въ расчетъ того обстоятельства, что нѣкоторые изъ этихъ племенъ съ недавняго, сравнительно, времени начали получать въ обмѣнъ отъ сосѣднихъ культурныхъ народовъ немного металла, напр., желѣзные наконечники для стрѣлъ и острия металлическія части для своего охотничьяго оружія и инструментовъ. Вѣдь во всемъ прочемъ ихъ бытъ и до сихъ поръ таковъ, какимъ былъ, несомнѣнно, въ продолженіе далеко въ глубь вѣковъ нисходящаго времени ихъ никому невѣдомаго существованія, т.-е. бытъ чисто палеолитическій. Конечно, было бы желательно познакомиться и съ древнею исторіею этихъ народовъ. Но доисторическая археологія находится здѣсь еще въ начальной стадіи своего развитія и должна удовлетвориться предположеніемъ, которое неоднократно, впрочемъ, уже подтверждалось, что эти охотничьи племена сначала занимали большее пространство земли и жили, можетъ быть, немного богаче и лучше, но, въ общемъ, ихъ жизнь, вѣроятно, никогда значительно не отличалась отъ теперешней. Такимъ образомъ, мы считаемъ вполне возможнымъ, для болѣе подробнаго ознакомленія съ первобытною исторіею человѣчества, привлечь культуру этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на вымираніе или уже вымершихъ народовъ. Впослѣдствіи мы будемъ пользоваться для подобныхъ же цѣлей бытомъ другихъ первобытныхъ народовъ, которыхъ можно разсматривать какъ неолитическую группу исторического времени.

Каменные орудія палеолитическаго типа, которыя часто встрѣчаются въ старыхъ культурныхъ слояхъ и даже на поверхности почвы и во внѣ-европейскихъ странахъ (напр., въ южной и сѣверной Африкѣ, въ Сомали, Сириі, Индіи, Сибири, Сѣверной Америкѣ, Австраліи, Тасманіи, Новой Зеландіи), не всѣ такого высокаго возраста, какъ сходныя съ ними формы орудій въ Европѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они его, впрочемъ, тоже достигаютъ: такъ, напр., въ странахъ восточной части Средиземнаго моря, въ южной Африкѣ и частью въ Сѣверной Америкѣ. Въ другихъ областяхъ они моложе, или же иногда ихъ возрастъ вообще трудно бываетъ опредѣлить. Орудія эти принадлежатъ иногда племенамъ, которыя живутъ въ этихъ мѣстностяхъ и доселѣ, или жили незадолго передъ тѣмъ, напр., цейлонскимъ ведда, бушменамъ южной Африки, тасманцамъ на Вандименовой землѣ; иногда же, какъ въ Европѣ, Палестинѣ, сѣверной Африкѣ, Сѣверной Америкѣ, они сдѣланы предшественниками современныхъ народовъ совершенно иного культурнаго уклада. Форма этихъ каменныхъ орудій отчасти чисто-эолитическая, то есть они сохраняютъ почти природный видъ камня и носятъ лишь незначительные, хотя здѣсь уже вполне ясныя слѣды употребленія. Частью они напоминаютъ различныя главныя формы орудій упомянутыхъ выше культурныхъ слоевъ Европы—эпохи Шелль, Ашѣль, Мустье, Солютрэ и Маделень.

Изъ всего этого еще нельзя, однако, съ полною достовѣрностью заключить, что и въ этихъ мѣстностяхъ развитіе было тождественнымъ съ развитіемъ Европы, хотя во всякомъ случаѣ это вполне возможно, и для нѣкоторыхъ областей при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, вѣроятно, и будетъ доказано. Еще менѣе можетъ служить возраженіемъ противъ стратиграфической (по слоямъ) хронологіи палеолитической Европы тотъ фактъ, что формы орудій различныхъ эпохъ можно найти одновременно въ самыхъ молодыхъ слояхъ культуры и даже въ рукахъ современныхъ народовъ. Надо принять во вниманіе, что современныя дикія народности, стоящія на самой низкой ступени культуры, переживаютъ ходъ своего развитія не такъ безусловно закономѣрно, не въ той полной изолированно-

сти отъ всякихъ вліяній, какъ древнѣйшее населеніе Европы. Они испытали въ продолженіе времени своего существованія различныя воздѣйствія извнѣ, вплоть до заимствованія желѣза; благодаря этому, у нихъ часто старое переплетается съ новымъ, свое съ чужимъ, и мы не можемъ точно установить, на чемъ и гдѣ бы кончилось ихъ развитіе, если бы они были предоставлены всецѣло самимъ себѣ. Хижины, челноки, щиты и усаженныя остриями палицы сѣверныхъ австралійцевъ происходятъ изъ Меланезіи; маски для танцевъ иныхъ эскимосскихъ племенъ заимствованы отъ индѣйцевъ, а нѣкоторыя ихъ сказки даже изъ Скандинавіи. Но все-таки, даже при этихъ заимствованияхъ, картина культуры мѣняется лишь незначительно и только внѣшне, и основы ея попрежнему остаются неизмѣнными.

Этнографы въ настоящее время различаютъ „высшихъ“ и „низшихъ“ охотниковъ, и на основаніи тѣхъ же двухъ формъ добыванія пищи, не особенно существенно отличающихся одна отъ другой, можно раздѣлить и культурные слои палеолитической Европы. Жители Европы въ эпохи шелльскую, ашѣльскую и мустьерскую были „низшими охотниками“; ихъ потомковъ или замѣстителей въ эпохи ориньякскую, солютрейскую, маделенскую и азильскую можно разсматривать какъ типичныхъ „высшихъ охотниковъ“. Охотничьи племена, стоящія на очень низкомъ уровнѣ развитія, можно встрѣтить и теперь во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Европы. Самыя большія пространства земли охотникамъ и рыболовамъ принадлежатъ въ Австраліи и Америкѣ, самыя малыя — и то только наиболѣе окраинныя — въ Азіи и Африкѣ. Изъ большинства земель Стараго Свѣта они исчезли почти совсѣмъ. Поросшія кустарникомъ пустыни внутренней Австраліи находятся исключительно во владѣніи низшихъ охотниковъ. Въ Южной Америкѣ къ такимъ принадлежатъ жители Огненной Земли, ботокуды и бороро, въ Сѣверной Америкѣ—обитатели Центральной Калифорніи, эскимосы и алеуты, въ Африкѣ—бушмены Калагарской степи и пигмейскія племена, живущія въ экваторіальныхъ лѣсахъ; въ Азіи къ нимъ же относятся цейлонскіе ведда, минокпи съ Андаманскихъ острововъ

въ Бенгальскомъ заливѣ, племя кубу на Суматрѣ, аэта на Филиппинахъ и другія.

Всѣ эти племена очень малочисленны и чрезвычайно бѣдны культурными средствами. Они живутъ въ мѣстностяхъ, которыя уступаютъ имъ до сихъ поръ по соображеніямъ различнаго характера—главнымъ образомъ, въ виду малой хозяйственной пригодности или отдаленности и недоступности ихъ. Большинство такихъ племенъ состоитъ изъ карликоваго роста людей-пигмеевъ,—фактъ, антропологами объясняемый весьма различно, при чемъ одни видятъ въ этомъ причину, другіе же—слѣдствіе такой отсталости ихъ культуры. Въ первомъ случаѣ приходится признать, что карлики были испоконъ вѣковъ наиболѣе слабыми среди другихъ человѣческихъ племенъ, и поэтому такъ отстали въ своемъ культурномъ развитіи. Въ другомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ захирѣвшую упадочную форму, которые, благодаря неблагоприятнымъ хозяйственнымъ условіямъ, опустились до теперешней своей бѣдности, хотя бы предки ихъ раньше и жили въ лучшихъ условіяхъ. Въ сущности, обѣ точки зрѣнія могутъ быть признаны равно справедливыми, поскольку онѣ совмѣстимы одна съ другой. Какая-нибудь одна или, быть можетъ, даже нѣсколько древнѣйшихъ человѣческихъ расъ, повидимому, отличались подобной же малорослостью, но то обстоятельство, что онѣ такъ и застыли на этой ступени физическаго развитія, слѣдуетъ приписать или отсталости, или даже регрессу, которые пришлось испытать культурѣ современныхъ намъ пигмеевъ. Древне-палеолитическое населеніе Западной Европы было тоже незначительнаго роста; напротивъ, населеніе новаго періода палеолитической эпохи отличалось довольно крупнымъ тѣлосложеніемъ. Возможно, что каждой изъ современныхъ намъ высокихъ расъ предшествовала соотвѣтствующая раса малорослыхъ пигмеевъ, остатки которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и сохранились въ сравнительно малоизмѣнившемся видѣ.

На почвѣ чисто охотничьяго и рыболовнаго быта возможно развитіе культуры до той ступени, которую обозначаютъ названіемъ быта „высшихъ охотниковъ“. Оно становится возможнымъ благодаря тому, что такіе народы

могли свободно пользоваться большими и богатыми рыбою и дичью пространствами земли. Такія земли можно найти на западныхъ берегахъ Сѣверной Америки, отъ Южной Калифорніи до Аляски, и въ глубь материка, на востокъ отъ этой бережной линіи; далѣе въ мѣстностяхъ, лежащихъ между большими американскими озерами, съ одной стороны, и охотничьими областями эскимосовъ—съ другой, наконецъ, въ особенности въ сѣверо-западныхъ частяхъ Азіи. Въ областяхъ, подобныхъ указаннымъ, побужденіе къ сохраненію чисто присваивающей формы хозяйства чрезвычайно сильно; оно можетъ стать столь непреодолимымъ, что даже племена, ранѣе знакомыя съ низшими формами культуры полезныхъ растений, иногда перестаютъ пользоваться ими и вновь возвращаются къ болѣе древнему способу добыванія пищи. Но эта культурная стадія уже имѣетъ рядъ новыхъ существенныхъ признаковъ. Бóльшая сознательность въ заботахъ о сохраненіи своего существованія; болѣе значительное количество населенія въ каждой изъ раздробленно живущихъ общественныхъ группъ; правильно повторяющееся возвращеніе на зимовки въ деревни, состоящія изъ хорошо построенныхъ хижинъ (лѣтомъ живутъ въ палаткахъ или хижинахъ болѣе легкаго типа); появленіе различныхъ видовъ ремесленной дѣятельности и мужчинъ и женщинъ, какъ-то: кузнечнаго ремесла, рѣзбы по дереву, ткачества, плетенія цыновокъ, красильнаго ремесла; установленіе общепризнанныхъ единицъ обмѣна въ формѣ связокъ раковинъ, звѣриныхъ шкуръ и т. п.; начало различенія сословныхъ и имущественныхъ группъ—свободные и несвободные, бѣдные и богатые; правильное чередованіе наслѣдственныхъ вождей, правда, еще съ весьма ограниченными полномочіями—вотъ, новая явленія, отличающія бытъ „высшихъ охотниковъ“ отъ быта „низшихъ“. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай коснуться этого болѣе обстоятельно. Однако, въ виду особаго значенія быта „низшихъ охотниковъ“ для уразумѣнія древнѣйшихъ формъ культуры, мы должны будемъ, главнымъ образомъ, остановиться именно на изученіи быта этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, то, что въ дальнѣйшемъ сказано объ эскимосахъ, изо-

бражаетъ уже нѣсколько болѣе высокую ступень чисто охотничьяго хозяйства.

b) Образъ жизни; питаніе.

Жизнь какъ низшихъ, такъ и высшихъ охотничьихъ племенъ стоитъ въ тѣсной связи съ добычей отъ охоты мужчинъ и съ собираніемъ женщинами различныхъ съѣдобныхъ предметовъ, какъ-то: дикорастущихъ плодовъ, корней и всякаго рода мелкихъ животныхъ. Только въ рыбной ловлѣ, гдѣ таковая производится, женщины могутъ оказаться сотрудницами мужчинъ въ работѣ, но участія въ охотѣ, въ буквальномъ смыслѣ, онѣ никогда не принимаютъ. Мясная пища, какъ правило, предпочитается пищѣ растительной. Но вѣдь охотничье счастье обманчиво, да и мужчины являются весьма лѣнвыми спутниками въ жизни,—и поэтому матеріальная сторона существованія такихъ племенъ часто бываетъ очень тѣсно связана съ хозяйственной дѣятельностью женщинъ, которымъ приходится добывать пропитаніе не только для себя и дѣтей, но подчасъ еще и для мужчины. Сообщаютъ объ австралійскихъ племенахъ, что тамъ мужчина занимается охотой не столько для пользы своей семьи, сколько для собственнаго удовольствія; до семьи ему дѣла мало, и обязанности отца онъ понимаетъ въ очень узкомъ смыслѣ. Часто даже послѣ обильной охоты мужчина возвращается домой съ пустыми руками, успѣвъ беззаботно съѣсть убитую дичь тамъ же, на мѣстѣ охоты. Вообще, добытое на охотѣ онъ предпочитаетъ использовать для себя лично, предоставляя женщинѣ, по собственному усмотрѣнію, прокармливать себя и дѣтей растительными продуктами.

Вслѣдствіе постоянныхъ перекочевокъ дичи эти охотничьи племена не могутъ устроиться осѣдло и, преслѣдуя свою добычу, они почти безостановочно блуждаютъ по обширнымъ пространствамъ никѣмъ не воздѣлываемой земли. Единственное исключеніе представляютъ эскимосы, и то только въ зимнее время, когда они, благодаря суровому климату, бываютъ вынуждены строить себѣ болѣе прочныя жилища для зимовокъ. Но все же, ка-

ждое племя и каждая орда дикарей имѣетъ въ своемъ владѣніи определенное мѣсто для охоты, границы котораго имъ твердо извѣстны, и которыя они не должны переходить, если не желаютъ начинать кровавую распрю. И вообще, чужестранцы, вступая въ такой охотничій участокъ, безъ особыхъ мѣръ предосторожности, рискуютъ быть принятыми за враговъ и самовольныхъ нарушителей чужихъ владѣльческихъ правъ и испытать на себѣ всѣ связаннаыя съ этимъ послѣдствія; это обстоятельство чрезвычайно затрудняетъ сношенія съ племенами низшихъ охотниковъ и ведетъ къ неуклонно-продолжающемуся ограниченію и вытѣсненію ихъ.

Слѣдствіемъ такого примитивнаго, беззаботнаго отношенія къ средствамъ для существованія являются разнаго рода состоянія нужды и лишеній, зачастую испытываемыя этими охотничьими народами. У нихъ не только царитъ невѣроятная по размѣрамъ дѣтская смертность, но выработывается даже прямой обычай дѣтоубійства, особенно новорожденныхъ младенцевъ женскаго пола. Мужчины въ пустыняхъ Австраліи и Южной Африки пользуются такъ называемымъ „поясомъ голода“, чтобы нѣсколько смягчить боль давно пустующаго желудка. Австралійцы съ жадностью ѣдятъ не только всякаго рода сумчатыхъ животныхъ, птицъ (даже питающихся падалью коршуновъ) и рыбъ, но даже летучихъ мышей, лягушекъ, ящерицъ, змѣй и червей. Бушмены поджариваютъ мясо убитаго звѣря только слегка и проглатываютъ его въ полусыромъ видѣ; имъ и въ голову не приходитъ выпотрошить внутренности или, по крайней мѣрѣ, очистить ихъ передъ употребленіемъ. Подобнымъ же образомъ живутъ и другіе, родственные по своему культурному развитію народы. Жуки, личинки, муравьи, гусеницы, черви, кузнечики, крысы и т. п. уничтожаются съ большимъ аппетитомъ, если недостаетъ болѣе крупной дичи. Впрочемъ, иные виды этого мелкаго и, съ нашей точки зрѣнія, отвратительнаго звѣря считаются не простой замѣной недостающей лучшей пищи, а своего рода лакомствомъ, и, надо признаться, эти племена низшихъ охотниковъ оказываются въ извѣстномъ смыслѣ разборчивыми не менѣе насъ самихъ. Такъ, ведды отказываются ѣсть мясо лету-

чихъ мышей, медвѣдей, слоновъ и рогатаго скота; но зато ѣдятъ оленей, обезьянъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ и червей, затѣмъ медъ и лѣсные плоды, также другіе растительные продукты: корни (ямсъ), гнилое дерево, кору и листья,—но только опредѣленныхъ растений. Сырое мясо разрѣзается на тонкіе, длинные куски, коптится и такъ сохраняется; жареное мясо ѣдятъ съ медомъ, не употребляя при этомъ соли. Нѣкоторые сорта растений служатъ скорѣе для простаго наполненія желудка и въ качествѣ своего рода лакомства, чѣмъ для удовлетворенія прямой потребности въ питаніи. Карликовая племена негровъ изъ Центральной Африки охотятся на слоновъ, буйволовъ и дикихъ свиней, и если убитое животное очень большой величины, они устраиваются лагеремъ на томъ мѣстѣ и живутъ, пока его не истребятъ, при чемъ сильное разложеніе ничуть не мѣшаетъ имъ съ удовольствіемъ поѣдать это мясо. Они ѣдятъ также гусеницъ, большихъ червей и всякую другую нечисть животнаго происхожденія, а дѣвственные лѣса въ изобиліи поставляютъ имъ ягоды и грибы. Въ то время какъ ведды отказываются потреблять воздѣланный сосѣдними племенами рисъ, африканскіе пигмеи охотно потребляютъ древесные и полевые плоды, культивируемые сосѣдними, болѣе развитыми племенами, какъ-то: бананы, маисъ и бобы,—приобрѣтая это или путемъ обмѣна на дичь, или просто посредствомъ грабежа. Съ другой стороны, „морскіе кочевники“, каковы, напр., жители Огненной земли, питаются по преимуществу водяными животными—рыбами, раками, морскими ежами, раковинами и водяными птицами; ихъ растительная пища состоитъ только изъ ягодъ, древесныхъ губокъ и дикаго сельдерея. Болѣе богатую добычу находятъ эскимосы на другомъ концѣ американскаго континента и въ сосѣдней Гренландіи. Ледовитый океанъ доставляетъ имъ тюленей, моржей, лососей, форелей, треску, а охота на сушѣ даетъ сѣверныхъ оленей, медвѣдей и мускусныхъ быковъ. Нѣкоторые сорта водорослей и травъ, старательно отыскиваемые, составляютъ ихъ скудную растительную пищу.

Удивительной ловкостью обладаютъ всѣ настоящіе охотничьи народы въ изготовленіи своихъ часто замысло-

ватыхъ, но въ большинствѣ случаевъ крайне простыхъ охотничьихъ орудій; но еще большимъ искусствомъ отличаются они въ обращеніи съ ними и въ примѣненіи различныхъ уловокъ съ цѣлью захвата своей животной добычи. Въ этомъ отношеніи ихъ можно признать замѣчательно даровитыми изобрѣтателями, которые, благодаря ловкости своихъ тѣлодвиженій и терпѣливости, умѣютъ положительно одухотворить свои скромные вспомогательные инструменты. Перечень орудій для охоты не вездѣ одинаковъ, но всюду очень коротокъ. У ведда имѣется только топоръ и лукъ,—и каждымъ изъ этихъ орудій онъ пользуется и для ремесленной дѣятельности и въ цѣляхъ защиты, пожалуй, еще больше, чѣмъ для охоты. Однако, ведда-охотникъ умѣетъ подкрасться къ своей добычѣ наподобіе хищнаго звѣря и съ возможно болѣе близкаго разстоянія старается нанести ей стрѣлой смертельный ударъ; въ открытомъ полѣ онъ прикрывается ради этого высокой травой, а въ лѣсу—густымъ кустарникомъ, или терпѣливо выжидаетъ близъ водоемовъ, куда животныя, составляющія его дичь, ходятъ на водопой. На охотѣ его шагъ такъ остороженъ и вкрадчивъ, что ему рѣдко противъ собственнаго желанія случается спугнуть звѣря; онъ скользитъ какъ тѣнь, ступая по сухимъ вѣткамъ и валежнику, не производитъ при этомъ ни шороха, ни шума,—даже и въ этомъ случаѣ не выдавая такимъ образомъ себя. Совершенно неслышно и работая болѣе руками, чѣмъ ногами, пробирается онъ сквозь густой кустарникъ. Въ своемъ охотничьемъ участкѣ ему извѣстно время всякой смѣны животныхъ, имъ изученъ каждый мелкій родникъ, каждый выступъ скалы. За раненымъ звѣремъ онъ гонится, ничуть не уступая наилучшей легавой собакѣ, и бѣгъ его настолько быстръ, что не скроется отъ него даже выслѣженное имъ стадо оленей. Въ буйвола и дикаго кабана ведда стрѣляетъ, напрягая всю возможную для него силу: онъ ложится на спину и держитъ лукъ обѣими ногами, обѣ руки употребляя для натягиванія тетивы. Съ помощью того же лука и стрѣлы онъ убиваетъ и рыбъ. Западни, силки и другіе аппараты для ловли ему еще неизвѣстны.

Совершенно то же самое можно сказать объ австра-

лійскихъ племенахъ, только у нихъ мѣсто лука занимаетъ метательное копье и бумерангъ. Свои тонкіе дротики въ 2—5 метровъ длины австралійцы чрезвычайно мѣтко бросаютъ посредствомъ особой метательной дощечки на разстояніи 50—70 метровъ. Мелкихъ животныхъ и особенно птицъ они бьютъ серповидными и крючкообразными бумерангами, метательными пластинами, описывающими своеобразную траекторію. Легкія палицы служатъ тоже какъ метательное орудіе, болѣе тяжелыя — въ качествѣ орудія боевого, ударнаго, причемъ въ бою они употребляютъ и щиты. Во время охоты на сушѣ и на водѣ они прикрываются весьма искусно листвою, тростникомъ, камышомъ, обладаютъ несравнимымъ умѣньемъ подкараулить рыбу съ острогой, схватить ее просто рукой или съ помощью щита выбросить на сушу. Пользуются они также рыболовными сѣтями, а нѣкоторыя племена и крючками для уженія. Объ ихъ замѣчательной охотничьей сноровкѣ свидѣтельствуемъ еще одно обстоятельство: будучи вынуждены подкрадываться къ дичи съ подвѣтренной стороны, они, чтобы обмануть чутье подстерегаемаго животнаго, смазываютъ тѣло иломъ.—Вымершіе теперь жители Тасманіи не имѣли даже ни метательной доски, ни бумеранга,—только простое копье и палицу.

Низшія охотничьи племена Африки являются отличными стрѣлками изъ лука, причемъ употребляютъ отравленные стрѣлы. Снимающійся, отравленный наконечникъ бушменъ до употребленія носитъ, воткнувъ обратнымъ концомъ въ полое, тростниковое древко стрѣлы. Нѣкоторыя племена бушменовъ въ качествѣ наконечниковъ на стрѣлахъ имѣютъ уже заостренныя треугольныя пластинки изъ желѣза, и въ то же время многіе бушмены сохранили еще умѣнье смастерить себѣ путемъ оббивки также каменные орудія, которыми они быстро и хорошо могутъ управиться, если нужно раздѣлить доставшееся въ добычу животное, а подъ рукой нѣтъ никакого иного рѣзущаго инструмента. Пигмеи дѣвственныхъ лѣсовъ экваторіальной Африки имѣютъ небольшіе луки съ тетивами изъ водорослей и оперенныя деревянные стрѣлы, концы которыхъ обожжены въ огнѣ и потомъ густо смазаны ядомъ. За слоємъ яда надрѣзана глубокая зарубка,

чтобы, при попаданіи стрѣлы, конецъ обломился и остался въ ранѣ, какъ и свободный наконечникъ стрѣлы бушменовъ. Кромѣ этихъ, у нихъ есть еще стрѣлы съ желѣзными крючковатыми наконечниками, но сами они такихъ наконечниковъ готовить не умѣютъ и получаютъ ихъ въ обмѣнъ на свою охотничью добычу отъ сосѣднихъ негрскихъ племенъ, умѣющихъ ковать желѣзо, точно такъ же, какъ и ведды, получаютъ желѣзо для стрѣлъ и топоровъ отъ сингалезовъ и тамилловъ. Въмѣсто колчановъ, они носятъ грубые продолговатые кожаные мѣшки. Обращаются они съ этимъ своимъ метательнымъ оружіемъ чрезвычайно искусно и легко попадаютъ въ очень мелкихъ птицъ, сидящихъ на вершинахъ вѣковыхъ тропическихъ деревьевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, своей ядовитой стрѣлой они умѣютъ уложить и крупныхъ животныхъ, а у человека задѣть самые важные жизненные органы. Кромѣ того, они хорошо устраиваютъ всевозможныя ловушки и западни для дичи.

Жители Огненной Земли имѣли первоначально только дротики и гарпуны, при помощи которыхъ они умѣли добывать даже китовъ. Луки и стрѣлы съ каменными (теперь и изъ бутылочнаго стекла) наконечниками и пращи изъ тюленьей шкуры получили у нихъ распространеніе, повидимому, только позднѣе. Топоровъ у нихъ нѣтъ, а есть только шила и рѣзцы изъ оленьяго рога или изъ раковинъ. Ловлю рыбы они производятъ безъ крючковъ и сѣтей.

Значительно выше по качеству стоитъ охотничья утварь и охотничья сноровка эскимосовъ. У нихъ имѣются большіе тяжелые гарпуны, бросаемые только рукой, и гарпуны меньшаго размѣра, а также стрѣлы-остроги, которыя они бросаютъ съ метательной доски: при этомъ въ рукѣ стрѣлка остается одинъ конецъ длинной, привязанной къ орудію, бечевы. Наконечники и крючки дѣлаются изъ кости, и только самое остріе бываетъ часто желѣзное—и нерѣдко изъ метеорнаго желѣза, которое съ большимъ терпѣньемъ вырабатывается изъ твердаго куска. Семгу бьютъ острогой съ тройнымъ зубцомъ, а другую рыбу ловятъ на крючокъ или неводомъ. Силки, сѣти и западни служатъ эскимосу для ловли сѣверныхъ оленей.

Птицъ стрѣляетъ онъ изъ своего лука, который дѣлается или изъ дерева, или изъ связанныхъ вмѣстѣ костяныхъ брусковъ. Зимой онъ подстерегаетъ тюленей близъ трещинъ во льду и выманиваетъ ихъ посредствомъ царапанія по льду особой скребницей. Лѣтомъ же, какъ бы сросшись въ единое существо съ своей непередаваемо ловко управляемой лодкой, онъ смѣло выплываетъ далеко въ открытое море и бьетъ своимъ гарпуномъ моржей.

с) Жилище и одежда.

Создавая себѣ одежду и жилище, человѣкъ тѣмъ создаетъ себѣ самъ непосредственно соприкасающуюся съ нимъ среду. Въ своеобразности этой формы измѣненія внѣшней природы лежитъ отличительный признакъ не только человѣка, какъ такового, отъ животныхъ, но и его же — какъ представителя одной культурной группы или формы — по отношенію къ представителямъ другихъ культурныхъ группъ и ступеней. Благодаря своему жилищу и одеждѣ, онъ, въ противоположность животнымъ, представляется намъ существомъ, которое не пожелало ограничиться первоначальной областью своего распространенія, но съ помощью такого рода средствъ искусственно сдѣлало своимъ отечествомъ большую часть земного шара. Собственно говоря, одежда и жилище — понятія почти однородныя, ибо послѣднее есть ничто иное, какъ расширенный видъ человѣческаго платья и панцыря одновременно. Обычай же хоронить покойниковъ въ непосредственной близости отъ человѣческаго жилья обращаетъ его также въ древнѣйшій видъ святилища, въ стариннѣйшій центръ искусства и культа. Наконецъ, по образцу и типу человѣческихъ жилищъ стали устраиваться храмы боговъ, помѣщенія для храненія цѣнностей, зданія суда и совѣта старѣйшинъ и другія общественныя зданія народовъ болѣе высокой культурной ступени.

Первоначально человѣкъ былъ густо обросшимъ волосами существомъ и свой теплый естественный покровъ онъ потерялъ, вѣроятно, лишь подъ вліяніемъ указанныхъ выше искусственныхъ средствъ защиты. Послѣднія же являются въ томъ отношеніи болѣе удобными, что поз-

воляютъ ему, сообразно съ потребностями момента, то усиливать, то ослаблять ихъ дѣйствіе. На этомъ же основаніи вообще искусственные органы, которые мы называемъ „орудіями“ и „оружіемъ“, могутъ быть признаны вспомогательными средствами болѣе совершенными, сравнительно съ органами естественными, служащими той же цѣли. Поэтому также, со времени появленія первыхъ искусственно созданныхъ орудій труда, стали съ равной выгодой отъ того для человѣка сокращаться въ размѣрахъ его челюсти и зубы, длина его плечъ, рукъ и ногъ, — словомъ, величина и крѣпость тѣхъ органовъ, которые прежде одни служили проявленію его физической силы. Обладаніе животныхъ естественными органами защиты отъ вредныхъ климатическихъ вліяній и естественными орудіями обороны и нападенія — является показателемъ обычнаго въ природѣ состоянія непрерывной борьбы за существованіе и непрестанныхъ поисковъ пищи. Органы же, искусственно заготовленные и находящіеся въ распоряженіи человѣка, соотвѣтствуютъ подобному же, но уже значительно прогрессировавшему состоянію, въ которомъ уже чередуются моменты труда и досуга, и тотъ и другой съ весьма разнообразнымъ по качеству содержаніемъ.

Цѣлью человѣческаго жилища является доставленіе человѣку убѣжища отъ причиняющихъ ему вредъ воздѣйствій извнѣ, какъ-то: отъ вѣтра и непогоды, отъ солнца и дождя, отъ почвенной влажности, отъ мѣзмовъ, отъ нападенія животныхъ или людей — словомъ, жилище является мѣстомъ обороны, гдѣ человѣкъ оказываетъ сопротивленіе всѣмъ этимъ разнообразнымъ бѣдствіямъ. Но не всѣ формы жилья соотвѣтствуютъ данной цѣли во всемъ ея объемѣ, — и какъ разъ въ начальныхъ стадіяхъ развитія культуры мы встрѣчаемся въ этой области съ явленіями, которыя еще очень далеки отъ идеала. Наиболѣе древними и самыми примитивными являются тѣ самой природой уготовленныя мѣста, гдѣ умѣютъ найти себѣ защиту и убѣжище отъ преслѣдователей даже многіе виды звѣрей: ямы и норы въ землѣ, пещеры и впадины подъ нависшими скалами, густой кустарникъ и лѣсная чаща — но, во всякомъ случаѣ, не дупла и кроны вѣковыхъ дере-

вевъ, которыя ошибочно принимали тоже за возможные первоначальныя формы человѣческаго жилья.

На слѣдующей ступени мы встрѣчаемъ наискось поставленные передъ кострами заслоны отъ вѣтра — родъ навѣса, состоящаго изъ рамы, заполненной вѣтками и тростникомъ, — подъ ними и спать въ скрюченномъ положеніи. Здѣсь же находимъ искусственно вырытыя углубленія въ землѣ, расширенныя полости въ мягкихъ горныхъ породахъ, затѣмъ сложенные въ кучи камни для очага или для загражденія, сорванныя и разбросанныя вокругъ вѣтки терновника, шорохъ которыхъ долженъ дать знать спящему о приближеніи врага. Еще шагъ далѣе — и мы встрѣчаемся уже съ шалашами и хижинами изъ древесной коры, изъ кожъ животныхъ, камыша или хвороста. Если ихъ подпорки и обшивка сооружаются изъ болѣе крѣпкаго матеріала — изъ бревенъ, досокъ или обмазаннаго глиной плетня, то получается уже домъ, а передъ нимъ, съ цѣлью прегражденія всякаго рода доступа къ нему — плетни изъ колючихъ растений, засѣки, загородки, рвы, земляные валы, иногда цѣлыя водныя площади. Три обуславливающихъ приспособленіе момента, отчасти совпадающіе другъ съ другомъ, играютъ роль въ этомъ процессѣ развитія: это — приспособленіе къ почвѣ, къ формѣ хозяйства и къ тому или иному культурному уровню народа. У народовъ низшаго культурнаго уровня рѣшающее значеніе при выборѣ мѣста и формы построекъ имѣютъ почва и формы хозяйства, а народы, по развитію стоящіе болѣе высоко, руководятся уже при этомъ и болѣе общими отношеніями.

Въ странахъ, гдѣ имѣется обиліе пещеръ, туземцы не легко покидаютъ удобства пещерной жизни. Здѣсь вѣдь все въ наилучшемъ видѣ предоставлено самой природой: почва, крыша, стѣны, часто даже внутреннее распредѣленіе, помѣщеній, крытыя галереи и просторныя террасы снаружи. Однако, горы и пещеры встрѣчаются далеко не повсюду, такъ что говорить вообще объ особой эпохѣ обитанія въ пещерахъ нѣтъ никакого основанія. Иныя мѣста выбираются для поселенія только въ виду ихъ непосредственной близости къ богатымъ источникамъ питанія, и сами по себѣ нисколько не представляютъ самой

природой заготовленныхъ убѣжищъ или крова: таковы, на примѣръ, стоянки палеолитическихъ охотничьихъ племенъ въ періодъ образованія лесса и въ предшествовавшую ему шельскую межледниковую эпоху. Имѣлись ли у этихъ племенъ заслоны отъ вѣтра, навѣсы для ночевокъ или легкія хижины на подобіе юртъ — намъ неизвѣстно, но зато хорошо извѣстенъ образъ жизни современныхъ намъ охотничьихъ народовъ, стоящихъ на столь же низкомъ уровнѣ культуры. Такъ, вымершіе жители Тасманіи строили хижины изъ древесной коры. Подобныя же куски коры, изъ которыхъ австралійцы и теперь еще устраиваютъ свои юртообразныя лачуги достигаютъ нерѣдко 4-хъ метровъ длины и 2 — 3 метровъ ширины. Негритосы Филиппинскихъ острововъ имѣютъ заслоны отъ вѣтра, которые у нихъ сооружаются женщинами и дѣтьми, — какъ и вообще эта работа повсемѣстно предоставляется женщинамъ. Сперва они дѣлаютъ изъ бамбуковыхъ жердей раму, затѣмъ переплетаютъ ее прутьями въ видѣ рѣшетки, отверстія которой закрываются древесными листьями, наложенными другъ на друга, на подобіе черепицъ на нашихъ крышахъ. Такой заслонъ, высотой приблизительно въ 2 метра и шириной въ 1,5 метра, устанавливается съ подвѣтренной стороны надъ подстилкой изъ сухихъ листьевъ и укрѣпляется на косо поставленной бамбуковой палкѣ около 2 метровъ вышины.

Ведды въ сухое время года на ночевку располагаются большею частью прямо подъ открытымъ небомъ, у подножія какого-нибудь древеснаго ствола; но они умѣютъ также устроить себѣ особый навѣсъ для ночлега, состоящій изъ наклонно поставленной рамы, покрытой корой, травой или соломой, и подъ нимъ могутъ провести ночь 2—3 человѣка. Въ сырое же время года ведды перебираются въ гроты среди скалъ — не въ настоящія пещеры, которыхъ на Цейлонѣ вообще нѣтъ, а въ плоскія ниши и впадины подъ наискось лежащими гнейсовыми пластами, куда съ трудомъ можно забраться ползкомъ. Бушмены въ настоящее время строятъ себѣ почти повсемѣстно ульеобразныя круглыя хижины, но этотъ видъ жилища, повидимому, заимствованъ ими отъ сосѣднихъ негрскихъ племенъ, первоначально же они имѣли, по всей вѣроят-

ности, только заслоны отъ вѣтра или забирались, во время своихъ охотничьихъ экспедицій, на ночлеги въ пещеры и углубленія подъ нависшими горными скалами. Въ качествѣ защиты отъ вѣтра и непогоды можно воспользоваться и простымъ развѣсистымъ кустомъ, лишнія вѣтви котораго удаляются, а остальные стягиваютъ въ сторону дующаго вѣтра и затыкаютъ хворостомъ наиболѣе крупныя отверстія и промежутки. Такіе шалаши имѣютъ видъ птичьихъ гнѣздъ, откуда, по всей вѣроятности, взялось и само названіе „кустарниковой“ (бушменской) расы. Охотничьи племена въ области дѣвственныхъ африканскихъ лѣсовъ точно такъ же дошли до постройки хижинъ, только благодаря примѣру сосѣднихъ, болѣе высоко стоящихъ по развитію негрскихъ племенъ. Въ случаѣ остановки на болѣе продолжительное время, они вырубаютъ кустарникъ и хворостнякъ и строятъ поразительно малаго размѣра хижины въ формѣ полушарій, діаметромъ въ 1,4—2,2 метра и 1—1,3 метра высотой; въ такую хижину, со входомъ не выше 50—70 см., можно проползти только лежа на животѣ. Другія постройки этихъ карликовыхъ племенъ имѣютъ видъ полукруглыхъ бесѣдокъ, открытыхъ съ передней своей части. Состоятъ онѣ всѣ изъ основы, сдѣланной изъ тонкихъ жердей, переплетенныхъ прутьями, и покрыты сверху широкими листьями; внутри находится мѣсто для очага и ложе для сна, длиной въ 1,5 метра, съ подстилкой изъ сухой листвы. Очень часто 2—3 такія круглыя хижины устраиваются одна около другой и соединяются въ одну двойную или тройную хижину, — въ чемъ приходится усмотрѣть наиболѣе примитивное рѣшеніе проблемы сооруженія построекъ въ нѣсколько комнатъ. Встрѣчаются небольшія группы хижинъ въ 2—4, но есть весьма значительныя, — въ 100—200 такихъ построекъ. Послѣднія, въ такомъ случаѣ, располагаются обычно въ видѣ круга, отъ котораго во всѣ стороны, наподобіе паутины, разбѣгаются многочисленныя тропинки въ лѣсъ, кончаясь глухимъ тупикомъ у какой-нибудь ловушки для дичи. Кромѣ такихъ жилищъ, существуютъ и болѣе простыя, представляющія собой простой навѣсъ на четырехъ подпоркахъ, а у главныхъ входовъ въ деревнѣ ставятъ небольшія наблюдательныя вышки — родъ сторожевыхъ будокъ.

Вся жизнь обитателей Огненной Земли проходитъ на водѣ, и, оставаясь на сушѣ только временно, они живутъ въ легкихъ, плетеныхъ хижинахъ, покрытыхъ хворостомъ, мхомъ или древесной корой. Близъ этихъ построекъ какъ разъ и встрѣчаются тѣ кучи раковинъ, которыя дали возможность судить объ истинномъ значеніи подобныхъ же древне-европейскихъ „кухонныхъ кучъ“, состоящихъ изъ различныхъ пищевыхъ остатковъ (Kjökkenmöddinger). Собственно, настоящимъ жилищемъ туземцевъ Огненной Земли является сдѣланная изъ буковой коры и съ помощью китоваго уса скрѣпленная лодка, покрытая для плотности травой и засмоленная; въ ней, на подстилкѣ изъ дерна и гравія, везутъ они съ собой и костеръ, съ готовящейся на немъ пищей. У болѣе бѣдныхъ въ культурномъ отношеніи индѣйскихъ племенъ Южной Америки находимъ опять только землянки, заслоны отъ вѣтра да защитные навѣсы надъ циновкой для спанья. Наводящіе ужасъ на сосѣдей лѣсные жители провинціи Санта-Катарина въ южной Бразиліи устраиваютъ себѣ въ непроходимой чащѣ лѣса круглыя низкія хижины изъ тонкихъ древесныхъ стволовъ, вѣтвей, листьевъ, камыша и папоротника. Подступы къ деревнѣ представляютъ собою узкія, едва даже одиночному пѣшеходу доступныя тропинки. Онѣ постоянно теряются въ лѣсной глуши и никогда не приводятъ къ цѣли не освоившихся съ ними людей, такъ какъ индѣйцы эти иногда цѣлыми часами идутъ гуськомъ, одинъ за другимъ по русламъ рѣкъ, по высохшимъ ложамамъ ручьевъ или скользкимъ выбоинамъ въ землѣ, пробитымъ водою, чтобы скрыть свои слѣды и помѣшать чужестранцу найти ихъ жалкія хижины. Эскимосы въ такихъ мѣрахъ предосторожности уже не нуждаются; зимнія жилища ихъ на Аляскѣ выстроены изъ дерева и земли и наполовину находятся подъ уровнемъ послѣдней. Нѣсколько далѣе на востокъ встрѣчаются куполообразныя постройки изъ четырехугольныхъ плитъ льда, но какъ здѣсь, такъ и въ Гренландіи также попадаются избы со стѣнами изъ камня и крышей изъ китовыхъ реберъ. На Аляскѣ, кромѣ того, существуютъ „мужскіе дома“, составляющіе въ зимнее время центръ общественной жизни, и здѣсь же, на

многолюдныхъ собраніяхъ, шаманы показываютъ свое искусство.

Изъ этого обзора можно съ большей степенью вѣроятности заключить, что и палеолитическое населеніе Европы, поскольку оно не ютилось въ пещерахъ, знакомо было только съ крайне низкой ступенью развитія строительнаго искусства: въ періоды оледенѣнія люди ограничивались возведеніемъ хижинъ, а въ межледниковыя эпохи довольствовались только заслонами отъ вѣтра и легкими навѣсами для ночлега. вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно тому или иному климату, чрезвычайно разнообразна, вѣроятно, была и одежда: характеръ ея, несомнѣнно, колебался между тѣми же предѣлами, которые мы можемъ установить еще теперь у современныхъ намъ охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ. Среди послѣднихъ, австралийцы ограничиваются минимальнымъ прикрытіемъ тѣла. Мужчины ходятъ часто совершенно голыми или носятъ на бедрахъ только передникъ изъ куска шкуры или же набедренную повязку изъ травы или лыка. Только снаряжаясь къ пляскѣ, они обыкновенно одѣваютъ родъ платья, покрывающаго нижнюю часть тѣла, да въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ набрасываютъ на плечи, для защиты отъ холода, шкуру кенгуру или опоссума. Ведды — какъ мужчины, такъ и женщины — тоже носятъ только одинъ передникъ, но у мужчинъ онъ короче, чѣмъ у женщинъ, у послѣднихъ же ниспадаетъ до колѣнъ. Ткань для этой одежды обычно добывается путемъ мѣновой торговли; однако, они и сами выдѣлываютъ изъ грубо-волокнистаго древеснаго лыка соотвѣтствующій матеріалъ, съ каковою цѣлью размягчаютъ его, подобно кожѣ, въ водѣ, кроятъ затѣмъ и, когда масса вновь затвердѣетъ, употребляютъ въ качествѣ передника. Напротивъ, кожа и шкуры животныхъ никогда ими въ качествѣ одежды не примѣняются. Въ особыхъ случаяхъ (пляски, посѣщенія гостей) они сплетаютъ себѣ что-то въ родѣ юбки изъ зеленыхъ вѣтвей, нанизывая ихъ въ большемъ числѣ на поясъ. Это уже составляетъ ихъ праздничный, или парадный нарядъ. Бушмены тоже ограничиваются однимъ передникомъ на бедрахъ, но послѣдній выкраивается у нихъ опять-таки изъ шкуръ или изъ кожи.

Кромѣ того, одинаково какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, обычно на плечахъ виситъ кожаный мѣшокъ, куда они прячутъ съѣдобные предметы, попавшіеся имъ по дорогѣ. Столь же ничтожно малое прикрытіе тѣла и у племенъ пигмеевъ въ первобытныхъ тропическихъ лѣсахъ Африки. Мужчины носятъ набедренную повязку изъ лыка, въ которую спереди и сзади продѣты концы сдѣланной изъ мочала матеріи, пропущенной между ногъ. Женщины надѣваютъ совершенно такую же повязку или же подпоясываются шнуромъ, съ нанизанными на него раковинами и плодами, при чемъ спереди и сзади прикрѣпляется по крошечному пучку листьевъ. У жителей Огненной Земли только женщины, какъ правило, носятъ передникъ изъ кожи гуанако или другихъ животныхъ; мужчины же, несмотря на невзгоды холоднаго климата своей отчизны, бродятъ или совсѣмъ безъ всякой одежды или же, самое большее, прикрываются короткимъ плащомъ изъ шкуръ выдры или моржа. Напротивъ, эскимосы имѣютъ болѣе совершенное одѣяніе, что соотвѣтствуетъ не только суровому климату ихъ родины, но и болѣе высокому состоянію ихъ культуры. Костюмъ ихъ состоитъ изъ нижней и верхней одежды, при чемъ послѣднюю надѣваютъ только зимой, тогда какъ внутри своихъ зимнихъ хижинъ они нерѣдко скидываютъ съ себя даже нижнее платье. Верхняя одежда почти одинакова у представителей того и другого пола, только шаровары у женщинъ короче, чѣмъ у мужчинъ. Кафтанъ дѣлается съ рукавами и капюшономъ; имѣются, кромѣ того, высокіе сапоги и рукавицы. Матеріаломъ служатъ шкуры оленей и тюленей, то съ шерстью, то безъ нея. У нѣкоторыхъ же племенъ встрѣчается кожаная одежда съ мѣховой опушкой по краямъ и съ украшеніями изъ разбросанныхъ по ней цвѣтныхъ кусочковъ кожи. Въ послѣднемъ случаѣ, нельзя, конечно, обойтись безъ иглы, и въ равной мѣрѣ игла была, несомнѣнно, въ употребленіи и у европейскихъ племенъ конца палеолитическаго періода. Для удаленія со шкуры шерсти, эскимосы примѣняютъ каменные скребки; когда же кожу приходится мять или дубить, порою пускаютъ въ дѣло даже собственные зубы.

По всей видимости минимально прикрывающій тѣло

тропическій костюмъ, состоящій изъ набедренной повязки и передника, является древнѣйшей, наиболѣе первобытной одеждой всего человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, первые шаги на своемъ пути къ грядущей культурѣ человѣкъ, несомнѣнно, совершилъ въ относительно теплыхъ странахъ и въ теченіе болѣе теплаго, по сравненію съ современнѣмъ, періода въ исторіи земли. Позднѣе къ этому ряду было нетрудно сдѣлать небольшое добавленіе, въ видѣ накидки для прикрытія плечъ. Путемъ удлиненія и другихъ сравнительно незначительныхъ измѣненій, передникъ превратился въ панталоны мужчинъ и въ юбку женщинъ, а накидка на плечи — въ кафтанъ и рубашку. У обитателей болѣе суровыхъ странъ, наравнѣ съ болѣе полнымъ прикрытіемъ тѣла, можетъ служить въ качествѣ весьма удобнаго средства защиты отъ холода и просто толстая корка грязи на тѣлѣ. Съ тою же цѣлью другіе первобытные народы покрываютъ свое тѣло жиромъ, иломъ или цвѣтною глиною — съ тою лишь разницей, что въ послѣднемъ случаѣ побуждающей причиною является не холодъ, а жара и обиліе насѣкомыхъ, весьма дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ которыми и представляетъ собою подобное умышленное загрязненіе кожи. Отсюда возникъ широко распространенный обычай въ цѣляхъ украшенія расписывать красками все тѣло или только нѣкоторыя части его. Особенно охотно наводится яркій, бросающійся въ глаза рисунокъ, или примѣняются краски, наиболѣе рѣзко отличающіяся отъ натуральной окраски кожи, какъ, напримѣръ, цвѣта бѣлый и красный. Австралійцы въ своихъ походныхъ мѣшкахъ изъ кожи кенгуру всегда носятъ съ собой бѣлую глину, также красную и желтую охру, чтобы раскрашивать ими свою черную кожу. Въ обычное время они ограничиваются нѣсколькими цвѣтными пятнами, но въ случаѣ различныхъ торжествъ и празднествъ, старательно расписываютъ все тѣло. Въ мотивахъ этой разрисовки находятъ свое отраженіе всякое болѣе или менѣе значительное событіе изъ жизни австралійскихъ охотниковъ: здѣсь — и посвященіе достигшихъ совершеннолѣтія юношей, и первый выходъ на охоту, и праздничные танцы, и трауръ при погребеніи умершихъ, — все имѣетъ свой особый символи-

ческой рисунокъ, при чемъ раскрашиванію подвергаются даже трупы покойниковъ. У племени Минкопи на Андамскихъ островахъ свѣдущій человѣкъ по виду окраски безъ труда можетъ опредѣлить, боленъ ли охотникъ или печаленъ, собрался ли на праздникъ и пляску или на тризну; здѣсь излюбленной краской является желтая. Бушмены южной Африки натираютъ только лицо и волосы красной охрой; жители Огненной Земли, равно какъ и ботокуды, предпочитаютъ красный и бѣлый цвѣта. Желтую же краску едва ли вообще можно встрѣтить на кожѣ представителей трехъ послѣднихъ племенъ.

Кромѣ раскрашиванія тѣла, у многихъ охотничьихъ племенъ примѣняется еще рубцовая татуировка и татуировка, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ первомъ случаѣ, кожа, а отчасти и мясо, на различныхъ частяхъ тѣла симметрично надрѣзываются при помощи каменнаго ножа или обломка раковины; въ послѣдствіи зарубцевавшіяся маленькія ранки выступаютъ на болѣе темно окрашенной кожѣ въ видѣ блѣднаго рельефнаго рисунка, состоящаго или изъ нѣсколькихъ рядовъ точекъ или изъ прямыхъ и изогнутыхъ линий. Такая операція даетъ возможность показать проявленную выносливость въ перенесеніи страданій, а потому къ выполненію ея приступаютъ при наступленіи возмужалости, и со временемъ систему надрѣзовъ постепенно продолжаютъ далѣе. Порядокъ и расположеніе шрамовъ опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ тому или другому племени. Этотъ видъ отвратительныхъ, съ нашей точки зрѣнія, украшеній встрѣчается преимущественно среди темнокожихъ племенъ, въ особенности — австралійцевъ и Минкопи. Татуировка, въ собственномъ смыслѣ, заключается въ воспроизведеніи на кожѣ неизгладимаго рисунка въ темно-синихъ или черныхъ тонахъ, для чего подъ кожу черезъ безчисленные тонкіе уколы при помощи послѣдующаго втиранія вводится красящее вещество, въ большинствѣ случаевъ въ мелкій порошокъ растертый уголь. Такимъ образомъ, получаютъ болѣе богатые по содержанію и тонкіе рисунки, но зато видимые только на свѣтлой кожѣ, почему татуировка, какъ способъ украшенія, и не примѣняется темнокожими народами. У эскимосовъ татуировка является при-

вилегіей женщинъ и считается столь необходимымъ украшеніемъ, что дѣвушкѣ, которая его не имѣетъ, врядь ли удастся найти себѣ жениха. Происхожденіе обоихъ видовъ татуировки—и рубцовкой и со втираніемъ красокъ—по всей вѣроятности, надо искать въ приемахъ примитивной медицины: первоначально они примѣнялись въ качествѣ лѣчебныхъ средствъ, и только въ болѣе позднее время превратились въ способъ украшенія тѣла.

Другой видъ украшенія состоитъ въ томъ, что прокалываются тонкія части тѣла—уши, губы, щеки, носовая перегородка, и въ полученныя такимъ путемъ отверстія вставляются посторонніе предметы. Ботокуды незнакомы ни съ рубцовкою, ни съ татуировкой уколами, но зато они носятъ крайне уродливые деревянные кружки и деревянные колышки, наподобіе бочечныхъ втулокъ (botocues), въ надрѣзанныхъ нижнихъ губахъ и мочкахъ ушей и чрезвычайно гордятся этими искаженіями своего лица. Эскимосы протыкаютъ щеки и носятъ своего рода запонки около угла рта, а иногда и колышки въ нижней губѣ. Австралийцы вставляютъ въ носовую перегородку кости животныхъ, деревянные палочки или перья. Продѣваніе подобныхъ украшеній опять-таки составляетъ принадлежность обряда посвященія юношей въ совершеннолѣтіе. Распространеніе всѣхъ этихъ грубыхъ обычаевъ и украшеній, представляющихъ варварское обезображеніе тѣла, отнюдь не ограничивается одними низшими охотничьими племенами; напротивъ, среди послѣднихъ они развиты относительно въ меньшей степени, по сравненію съ народами, стоящими на болѣе высокомъ уровнѣ культуры. Въ еще большей мѣрѣ относится это къ украшеніямъ снимаемымъ, не соединеннымъ съ самимъ тѣломъ; ихъ пышный расцвѣтъ всецѣло связанъ съ развитіемъ индивидуальнаго права собственности и ростомъ доставляемыхъ культурой богатствъ. Однако, даже дикари, въ полномъ смыслѣ слова, навѣшиваютъ уже на себя все, что только попадаетъ въ ихъ руки, и не оставляютъ притомъ свободной ни одной части тѣла, куда только можно прицѣпить украшеніе: лобъ, виски, шею, бедра, суставы ногъ и рукъ. Австралийцы носятъ повязки на лбу и различныя головныя уборы изъ хвостовъ и зубовъ живот-

ныхъ и скорлупъ раковинъ, а на груди ожерелья, сдѣланныя изъ нанизанныхъ на нитки звѣриныхъ зубовъ, раковинъ, кусочковъ тростника, зеренъ растений и т. п. Въ торжественныхъ случаяхъ они пудрятъ свои густые, курчавые волосы охрой или пропитываютъ ихъ жиромъ и красящими веществами; къ такой прическѣ присоединяютъ еще перья, пучки моха, клешни раковъ, пухъ и т. д., а къ концу бороды прицѣпляютъ собачій хвостъ или раковины. Ведды, за неимѣніемъ лучшаго, продѣваютъ въ мочки ушей шипы отъ колючихъ вѣтокъ, скатанные листья, соломенки, даже патронныя гильзы, пуговицы, желѣзные и бронзовыя кольца. Бушмены признаютъ только одно снимаемое украшеніе: ожерелье изъ маленькихъ кружковъ, матеріаломъ для которыхъ служитъ скорлупа страусовыхъ яицъ. Пигмеямъ центральной Африки неизвѣстны ни такія украшенія, ни разрисовка тѣла красками, ни татуировка, но они протыкаютъ мочки ушей и продѣваютъ въ нихъ нѣжные стебельки травъ длиною въ 2-3 см. Жители Огненной Земли надѣваютъ въ праздничные дни повязку на лобъ изъ перьевъ цапли и обвѣшиваются нанизанными трубчатыми костями, домиками улитокъ и тому подобными предметами. У многихъ охотничьихъ племенъ восточной Бразиліи встрѣчаются губныя вставки въ видѣ пластинокъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, громадныя головныя уборы изъ перьевъ и украшенія на груди изъ звѣриныхъ зубовъ и когтей. Почти совсѣмъ нѣтъ снимаемыхъ украшеній у эскимосовъ, съ головы до ногъ закутанныхъ въ свое платье; все же подвѣски въ ушахъ продолжаютъ носить и они, а къ женскому кафтану иногда прикрѣпляется сзади надставка, имѣющая форму хвоста.

Вполнѣ естественно, у охотничьихъ племенъ главнымъ источникомъ украшеній служитъ міръ животныхъ, и украшенія мужчинъ часто представляютъ собой вмѣстѣ съ тѣмъ трофеи охоты. Однако, это источникъ отнюдь не единственный, такъ какъ въ качествѣ украшенія охотно употребляются всякаго рода блестящіе и пестрые предметы, хотя бы они принадлежали къ растительному царству, или, какъ стекло и металлъ, являлись крохами, достающимися дикарямъ со стола носителей болѣе высокой

культуры. Темнокожіе народы любятъ свѣтлыя украшенія, свѣтлокожіе—темныя; цвѣта бѣлый, красный и желтый и здѣсь являются самыми излюбленными. То же самое, повидимому, можно утверждать и по отношенію къ палеолитическимъ охотничьимъ племенамъ Европы. Украшенія, сдѣланныя изъ растительныхъ частей, разумѣется, не могли сохраниться. Но зато въ большомъ количествѣ открыты просверленные звѣриныя зубы и раковины, цѣлыя и въ видѣ отдѣльныхъ створокъ; далѣе—янтарь, желтый и черный, кусочки слоновой и иной кости, оленьяго рога и т. д., съ явственными указаніями на употребленіе ихъ въ качествѣ предметовъ украшенія. О широко распространенномъ тогда, повидимому, обычаѣ раскрашивать тѣло свидѣтельствуютъ многочисленныя комки желтой и красной краски, а также ступки и лопатки, служившія для изготовленія и наложенія красящихъ веществъ. Наконецъ, даже мертвецы, похороненные въ пещерахъ, снабжались при погребеніи кусочками краски для украшенія тѣла.

d) Общественный строй; духовно-нравственный уровень; религиозныя понятія.

Въ общественномъ устройствѣ тѣхъ же первобытныхъ народовъ нашего времени, въ ихъ понятіяхъ, нравственныхъ и правовыхъ, равно и въ общемъ складѣ ихъ духовной жизни и столь чуждыхъ намъ религиозныхъ воззрѣній можно тоже подмѣтить существенныя черты совпаденія и сходства, правда, если не во всемъ цѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ сюда относящихся частностяхъ. Съ значительной долей вѣроятія мы имѣемъ право отнести ихъ также къ доисторическому прошлому всего человѣческаго рода. Темпераментъ и характеръ каждаго отдѣльнаго племени, въ зависимости отъ своеобразія его исторической судьбы, а также окружающихъ природныхъ условий, конечно, носитъ печать извѣстной индивидуальности; но все же черты сходства и здѣсь преобладаютъ. Прежде всего, вслѣдствіе почти безграничной житейской безопасности и хозяйственной слабости всѣхъ представителей низшей охотничьей ступени, среди нихъ замѣчается чрезвы-

чайно мелкое дробленіе антропологическаго „племени“ (расы и ея подраздѣленій) на многочисленныя тѣсныя группы; при чемъ послѣднимъ чуждо почти всякое сознание племенного единства, что въ корнѣ уничтожаетъ и всякую возможность возникновенія болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ. Каждая единичная мелкая группа держится возможно далѣе отъ ближайшихъ однородныхъ группъ и всего охотнѣ ведетъ такой образъ жизни, будто она представляетъ собой единственное общество подобнаго рода на всемъ необъятномъ земномъ пространствѣ. Если только представляется возможность, и не приходится какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства, каждая такая группа даже мало замѣчаетъ существованіе другихъ группъ. Единственное исключеніе изъ этого правила составляютъ непрочныя отношенія, завязывающіяся съ другими близко-родственными группами на почвѣ взаимнаго обмѣна, а именно—обмѣна женщинами. Такимъ образомъ, между нѣсколькими ордами дикарей возникаютъ мирныя связи, но послѣднимъ еще весьма далеко до союзовъ политическаго или защитнаго характера. Поэтому, въ идеальномъ состояніи у подобной культуры нѣтъ ни торговли, ни обмѣна, какъ нѣтъ и ремесла или какого-либо иного раздѣленія труда, кромѣ того подраздѣленія, которое подсказывается самой природой—между дѣятельностью мужчины, съ одной стороны, и женщины—съ другой. Нѣтъ никакихъ профессій и сословій, ни ремесленниковъ, ни воиновъ,—и, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ даже охотниковъ и рыболововъ. Вѣрнѣе говоря, каждый совмѣщаетъ въ себѣ все это сразу, т. к. ни одинъ не надѣленъ такой специальной сноровкой, которая отличала бы его отъ всѣхъ остальныхъ соплеменниковъ, и тѣмъ придавала бы ему особую цѣнность въ глазахъ всей группы.

Каждый производитъ лишь безусловно необходимое для поддержанія своего дневнаго существованія, и никто не владѣетъ большимъ, чѣмъ сколько ему для этого потребно. Каждая орда имѣетъ общую площадь для охоты, а всякій мужчина и всякая женщина—необходимѣйшее оружіе для охоты и всѣ орудія мирнаго труда. Право индивидуальной собственности находится еще только на первыхъ ступеняхъ сво-

его развитія. Всѣ одинаково бѣдны, но и всѣ равны въ правовомъ отношеніи. Нѣтъ ни слугъ, ни господъ, такъ какъ нѣтъ еще никакихъ данныхъ для такого подраздѣленія. Совершенно неправильно утверждали одно время, что на этой стадіи отсутствуетъ прочный семейный союзъ, и господствуетъ безграничная свобода въ отношеніяхъ между полами (промискуитетъ—принадлежность женщинъ всѣмъ мужчинамъ). Такое состояніе, дѣйствительно, иногда наблюдается среди молодежи, еще не вступившей въ бракъ. Но въ общемъ, какъ правило безъ исключеній, крѣпко сплоченная парная, или вообще тѣсная, семья существуетъ уже на низшихъ ступеняхъ культуры, и мужа, конечно, въ силу очень человѣческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень эгоистическихъ побужденій,—являются въ равной степени ревнивыми, какъ и деспотическими владыками своихъ женъ и дѣтей. Послѣдніе для нихъ не столько родственныя и подъ ихъ защитой стоящіе болѣе слабыя существа, сколько предметы собственности, находящіеся въ полномъ хозяйственномъ распоряженіи владѣльца. Постольку, слѣдовательно, и здѣсь не обходится безъ своего рода крѣпостничества и рабовладѣнія, и женщины порою дѣйствительно представляютъ собою не болѣе, какъ рабочій скотъ мужчинъ, для которыхъ онѣ обязаны до изнеможенія отыскивать и собирать пищу, носить дрова, готовить ѣду и строить хижины, а также заготавливать платье, сѣти, корзины и служить въ качествѣ вьючныхъ животныхъ во время передвиженій. Многоженство, широко распространенное среди жителей Огненной Земли, обусловливается только тѣмъ, что каждому охотнику тамъ нужно нѣсколько женщинъ для гребли на лодкѣ, пока онъ самъ отыскиваетъ и убиваетъ водную дичь.

Старѣйшинъ и начальниковъ мы почти совсѣмъ не встречаемъ у низшихъ охотниковъ, или же институтъ этотъ совершенно у нихъ еще не развитъ. Съ одной стороны, это потому, что до возникновенія частной собственности и преимуществъ, соединенныхъ съ богатствомъ и роскошью, никто не ищетъ высшей власти; съ другой стороны, потому, что люди еще не въ состояніи выносить надъ собой никакого главенства, такъ какъ, за рѣдкими

исключеніями, имъ и нѣтъ надобности подчиняться такому. Вождей, которыхъ едва ли можно уподобить начальникамъ, выбираютъ лишь на короткое время, только для предводительства на войнѣ, при перемѣщеніяхъ и въ случаѣ другихъ общихъ предпріятій. И разъ побуждающее къ тому обстоятельство миновало, вождь спускается опять до уровня всѣхъ остальныхъ смертныхъ. У многихъ австралійскихъ племенъ извѣстнымъ авторитетомъ пользуются старики; ихъ жизненный опытъ служитъ къ тому основаніемъ, или, иными словами, авторитетъ ихъ совершенно столь же естествененъ, какъ и отсутствіе свободы у дѣтей. Иногда мужчины, какъ вступившіе въ бракъ, такъ и еще не вступившіе, образуютъ каждую свою особую группу, связанную общностью интересовъ. Поэтому наступленіе половой зрѣлости ознаменовывается испытаніями юношей и другими празднествами. Все это—вѣхи грядущаго развитія, исходныя точки эволюціи ряда общественныхъ установленій. Впрочемъ, только въ болѣе позднюю эпоху жизни человѣчества обнаруживаютъ они весь свой великій смыслъ для союза людей; въ ту же раннюю пору они кажутся лишенными почти всякаго реальнаго значенія. Есть, правда, одна „высокая особа“, о существованіи которой можно безусловно и съ полнымъ правомъ утверждать, даже говоря о племенахъ низшихъ охотниковъ: это—жрецъ, или колдунъ,—но его положенія и дѣятельности мы коснемся нѣсколько позднѣе.—Итакъ, въ исходный моментъ развитія общественныхъ установленій мы находимъ, слѣдовательно, строго демократическую организацію, устойчивая прочность которой зиждется на глубочайшей бѣдности культуры. Но лишь только будетъ пройденъ этотъ этапъ, такъ тотчасъ же падетъ и равенство въ правовомъ положеніи всѣхъ сочленовъ; впрочемъ, оно и въ данномъ состояніи охватываетъ лишь отношенія однородныхъ составныхъ единицъ группы, другими словами—касается только положенія мужчинъ.

У высшихъ охотниковъ охотничьи угоды попрежнему являются, какъ правило, общимъ имуществомъ группы лицъ, живущихъ въ извѣстномъ сообществѣ. Но сама эта группа теперъ больше. Прежняя самостоятельная неболь-

шая орда образуетъ теперь только домашнюю общину въ зимней деревнѣ, слѣдовательно, — только часть деревенской общины, которая, въ свою очередь, представляетъ собой извѣстный видъ союза соратниковъ. Въ большинствѣ случаевъ въ этомъ болѣе крупномъ сообществѣ имѣются начальники для военнаго и для мирнаго времени, особаго рода знать, среднее сословіе и классъ неимущихъ, и въ возникновеніи такого дробленія по состояніямъ главнѣйшую роль играетъ уже имущественное неравенство. Не сильнѣйшій и отважнѣйшій занимаетъ въ мирное время положеніе начальника, но самый богатый, и составъ знати образуютъ не лучшіе воины, но наиболѣе имущіе. И только въ моментъ войны выступаетъ поэтому впередъ другой вождь, въ большей мѣрѣ одаренный отважностью и богатый опытомъ; онъ временно становится во главѣ союза, что впоследствии нерѣдко служитъ поводомъ къ возникновенію между обоими начальниками трений и борьбы.

Въ нравственныхъ понятіяхъ первобытныхъ народовъ низшей культурной степени, въ общемъ, много сходства съ таковыми же понятіями народовъ болѣе культурныхъ, — особенно, поскольку они содержатъ въ себѣ требованія, безъ выполненія которыхъ невозможно длительное существованіе какой-либо человѣческой группы. Но эти понятія рѣзко отличаются отъ этическихъ понятій высшихъ народовъ въ томъ существенномъ отношеніи, что обыкновенно ихъ распространеніе и примѣненіе ограничиваются лишь кругомъ лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же маленькой группѣ. У всѣхъ „дикихъ“ племенъ убійство и воровство запрещены обычаемъ подъ угрозой наказанія, благотворительность же и взаимная помощь въ работѣ встрѣчаетъ одобреніе. Щедрость считается за высшую добродѣтель, непочтительность и ложь — за позорныя дѣянія. Однако, эти представленія сохраняютъ свою силу только во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми одного племени, и ихъ благотворное дѣйствіе почти не касается того, кто къ данному племени не принадлежитъ. Обмануть его и перехитрить, опутать и обворовать, даже убить — всего этого дѣйствующій обычай не запрещаетъ; передъ этимъ, по крайней мѣрѣ, никто не

остановится, хотя поступать такъ, можетъ быть, и не составляетъ опредѣленнаго правила. И своимъ возникновеніемъ этотъ взглядъ обязанъ не требованіямъ неизбежной самообороны, что часто можетъ служить извиняющимъ обстоятельствомъ, — но чисто естественному ограниченію всѣхъ предписываемыхъ обычаемъ заповѣдей нравственности однимъ кругомъ лицъ, входящихъ въ составъ данной группы. Вотъ почему собственное имя столь многихъ племенъ совпадаетъ со словомъ „человѣкъ“; поэтому же у индѣйцевъ центральной Бразиліи слово „мы“ обозначаетъ одновременно съ тѣмъ еще и „добрый“, а слова „не мы“ (другіе) — „злой“ и „скупой“. По той же причинѣ поведеніе этихъ дикарей кажется постороннему наблюдателю неровнымъ и загадочнымъ; но они же производятъ куда лучшее впечатлѣніе, если подойти къ нимъ ближе, приобрести ихъ довѣріе и заслужить съ ихъ стороны отношенія, одинаковыя съ отношеніемъ къ „своимъ“.

Духовныя силы такихъ дикарей развиты вполне нормально: только въ смыслѣ понятливости и сообразительности они значительно уступаютъ представителямъ болѣе развитыхъ народовъ. Другими словами, — это весьма ограниченные въ умственномъ отношеніи, но далеко не тупые или слабоумные люди. Духовный ихъ кругозоръ весьма узокъ, но въ томъ, что имъ охватывается, они разбираются весьма свободно и легко. Свою чисто дѣтскую живость они утрачиваютъ лишь въ томъ случаѣ, когда приходится столкнуться съ совершенно новыми для нихъ впечатлѣніями, и тогда они становятся робкими, растерянными и упрямыми. Ихъ воспримчивость къ чужому чрезвычайно незначительна, свѣдѣнія крайне скудны и ограничиваются почти всецѣло умѣніемъ использовать предметы тѣснѣйшимъ образомъ соприкасающейся съ ними среды — животный и растительный міръ, водныя богатства, удобства, предоставляемыя самою почвою. Зато въ предѣлахъ этого круга имъ уже превосходно извѣстно все вдоль и поперекъ: въ этомъ отношеніи, какъ наблюдатели природы, они безподобны и поражаютъ своей рѣдкой проницательностью.

Своимъ образомъ жизни первобытные народы низшаго порядка совершенно довольны и никакого желанія перейти

къ полнѣе и лучше обставленному существованію не питаютъ. Мало того, на встрѣчающихся имъ людей болѣе высокаго культурнаго уровня они смотрятъ пренебрежительно сверху внизъ, какъ бы полагая, что такая жизнь не стоитъ такой траты силъ. Зависти они не чувствуютъ ни къ кому и свое положеніе, съ его независимостью и скуднымъ содержаніемъ, доставляемымъ охотой, считаютъ превосходнымъ. Если случай или чья-либо неумѣлая добродетельность забросятъ кого-нибудь изъ ихъ среды въ одинъ изъ шумныхъ городовъ, въ условія жизни болѣе утонченнаго общества, съ ея ограничительными рамками,—дикарь будетъ безутѣшно тосковать и при первой же возможности сбѣжитъ изъ этой обстановки. Крайняя узость потребностей—вотъ главный врагъ всякаго культурнаго прогресса. Лѣность и любовь къ свободѣ—два слова, для насъ имѣющія совершенно различный смыслъ,—почти совпадаютъ по содержанію въ представленіи людей низшихъ, дѣтскихъ ступеней развитія. Какъ разъ они и составляютъ два величайшихъ препятствія на пути къ усвоенію болѣе цѣнныхъ благъ жизни, достигнуть которыхъ можно лишь посредствомъ напряженія и борьбы,—и препятствія эти въ концѣ-концовъ становятся непреодолимыми. Съ другой стороны, если бы даже подобныя племена не были лишены способности учиться у другихъ, все-таки примѣнить такую способность въ дѣло они бы не могли: какъ и дѣтямъ, съ которыми у нихъ такъ много общаго, имъ недостаетъ самого желанія учиться. Ихъ совершенно не интересуютъ предметы, занесенные къ нимъ со стороны,—предметы, которые нарушаютъ ихъ полное довольство, свободу ихъ самоопредѣленія, ихъ косную лѣнь. Они еще не понимаютъ, какую связь могутъ эти вещи имѣть съ ихъ жизнью, и иногда такой связи пока еще и дѣйствительно нѣтъ. Когда же эти новыя отношенія начнутъ съ неодолимою силой врѣзываться въ ихъ жизнь,—оказывается, что время уже упущено: разстояніе стало ужъ слишкомъ велико, и никакого примиренія быть не можетъ.

Религіозныя представленія низшихъ первобытныхъ народовъ крайне неопредѣленны, и въ нихъ можно найти зачатки позднѣйшаго развитія всѣхъ религій, всѣхъ

явленій изъ области вѣрованій, начиная съ грубой и суевѣрной боязни привидѣній и кончая строго монотеистической идеей Божества и Творца вселенной. То же самое, вѣдь, справедливо и по отношенію всѣхъ другихъ начальныхъ формъ и направляющихъ нитей культуры: основы ихъ всегда на лицо, въ скрытомъ состояніи заложенные въ самомъ человѣческомъ духѣ, и уже отъ внѣшнихъ причинъ зависятъ, насколько плодотворно онѣ разовьются въ данное или позднѣйшее время. Потребность въ религіи составляетъ прирожденное свойство человѣчества, какъ такового, и коренится въ чисто человѣческомъ стремленіи выработать себѣ сознательное отношеніе къ существующему, дѣлать наблюденія и добиваться знаній. Религіозныя представленія суть отпрыски неотступно преслѣдующей человѣческой умъ идеи причинности. Онѣ зародились отъ присущаго только ему одному стремленія объяснить окружающія его загадочныя явленія, удовлетворить свой разумъ, вырвавшійся изъ тисковъ животнаго тупоумія, найти содѣйствіе и поддержку противъ могучей силы, именуемой судьбой, даже сдѣлаться, по возможности, господиномъ послѣдней. Вѣдь, собственно, цѣлью всякой культуры и является господство надъ природой; здѣсь же она, съ совершенно тѣми же затаенными желаніями, направлена противъ силъ, которыя принято называть сверхъестественными. Впрочемъ, подобнаго различенія вначалѣ еще не существуетъ. Сверхчувственное, неземное мыслится вполне по образу земного и чувственнаго; его стараются постичь и направить въ извѣстную сторону, какъ и всякое иное явленіе земнаго міра, съ которымъ въ силу необходимости человѣку приходится приходиться въ соприкосновеніе.

Если теперь поставить вопросъ,—на нашъ взглядъ раньше всего и требующій выясненія,—что же это такое, что, въ силу внушаемаго имъ страха и надежды, побуждало вѣрующаго завязывать личныя отношенія съ неземнымъ,—то вновь придется намъ тотчасъ непосредственно столкнуться съ фактомъ поразительно скуднаго и узкаго ряда явленій и убогихъ интересовъ, входящихъ въ кругозоръ первобытнаго человѣка. Его слабый умъ въ его сильно закаленномъ тѣлѣ подавляли и тревожили вовсе не міровыя загадки, а болѣзнь и смерть, голодь и бѣдствія самаго

естественнаго свойства. Онъ былъ очень далекъ отъ попытокъ отыскать основныя связи и причины явленій. Ближайшая причина удовлетворяла его стремленіе къ объясненію, и допущеніе невѣроятнаго не встрѣчало никакого сопротивленія со стороны его разума, т. к. невѣжественный человѣкъ, да и человѣкъ вообще, больше склоненъ къ поискамъ чудеснаго, чѣмъ къ изслѣдованію естественныхъ причинъ. Послѣднія не имѣютъ для него никакой цѣны до тѣхъ поръ, пока не пробудятся въ немъ потребности научнаго характера; вѣра же въ чудесное, наоборотъ, даетъ ему искомое удовлетвореніе, одновременно успокаивая его стремленіе къ установленію причинной связи и доставляя пищу его творческому воображенію. Поэтому человѣкъ видитъ сначала во всемъ необычномъ, что выходитъ изъ круга его повседневнаго опыта, проявленіе чудеснаго, или, какъ бы мы сказали теперь, сверхъестественнаго начала, исходящаго отъ существъ и силъ, подобныхъ ему самому, но безплотныхъ и улавливаемыхъ только путемъ волшебства. Онъ не переноситъ ихъ въ безпредѣльную даль пространства или царственно надъ землей раскинувшееся небо, а, соотвѣтственно широтѣ своего собственнаго кругозора, населяетъ ими непосредственно окружающую его органическую и неорганическую природу. Всюду—въ животныхъ, въ растеніяхъ, въ камняхъ—таятся духи, то дружественно, повидимому, то враждебно настроенные по отношенію къ нему, — въ зависимости отъ того, добро или зло испытываетъ онъ отъ соприкосновенія съ ними. Что такіе духи вообще существуютъ — онъ познаетъ на своемъ собственномъ двураздѣленномъ существѣ, въ которомъ онъ замѣчаетъ какъ явленія сознанія — чувства, мысли, волю, такъ и тѣлесныя движенія, поступки. Если же все прочее внѣ его построено по его же образцу (а на какомъ же основаніи предполагать ему обратное?), то тѣмъ самымъ въ его распоряженіи оказываются и мистическія объясненія всѣхъ загадочныхъ процессовъ и средства направлять ихъ по своему усмотрѣнію и въ свою пользу. Поэтому, именно съ волшебства начинается исторія всѣхъ обрядовъ и установленій культа, а съ человѣка, посвященнаго въ колдовство, — всѣ сословныя разслоенія первобытнаго общества.

Если мертвая природа населена и приводится въ движеніе невидимыми духами, то спрашивается, почему духъ человѣка не можетъ такъ же продолжать своего существованія послѣ смерти. Правда, теперь онъ уже не привязанъ къ тѣлу такъ прочно, какъ при жизни; онъ свободно носится теперь повсюду, какъ въ сновидѣніяхъ, или какъ во время сна вообще, ежедневно приводящаго человѣка на нѣсколько часовъ въ состояніе, подобное смерти. Вѣра въ загробное существованіе человѣческой души имѣетъ всеобщее распространеніе среди всѣхъ низшихъ первобытныхъ народовъ, но съ нимъ отнюдь еще не связано представленіе о совершенномъ безсмертіи ея. Душа, освободившись отъ своей оболочки, имѣетъ, по ихъ мнѣнію, ту же или даже еще большую силу, чѣмъ при жизни. Она надѣлена тѣми же склонностями, какъ и душа у живого человѣка, а потому, понятно, неохотно разстается со своимъ прежнимъ жилищемъ, витаетъ около мертваго тѣла или у мѣста стоянки оставшихся въ живыхъ. Страхъ передъ душами умершихъ составляетъ основную черту всѣхъ наиболѣе древнихъ религій и въ видѣ боязни привидѣній еще до сихъ поръ крѣпко держится въ сознаніи простаго и темнаго люда. Однако, у низшихъ первобытныхъ народовъ онъ имѣетъ лишь временный характеръ, наибольшей силы достигая только непосредственно послѣ смерти и въ періодъ, пока продолжаютъ процессы разложенія тѣла; при „двустепенномъ погребеніи“, на примѣръ, страхъ передъ душой сохраняетъ свою силу до второго, окончательнаго погребенія. Мало-помалу онъ убываетъ, объ умершихъ осмѣливаются говорить, а ведды стараются даже быть услужливыми при розыскахъ костей давно умершихъ. Рано или поздно духи покойниковъ утрачиваютъ свое устрашающее дѣйствіе; ихъ существованіе замираетъ, и одновременно исчезаетъ и ихъ значеніе. Сохраненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ памяти потомства и возвышеніе ихъ на степень божества, или вообще присвоеніе предкамъ значенія и почестей героевъ, — все это является достояніемъ уже болѣе поздней культурной эпохи.

Душа усопшаго часто представляется странствующей въ воздушномъ пространствѣ или въ заросляхъ кустар-

ника. Въ силу этого, за ней признается способность распоряжаться вѣтромъ и погодой, въ бурномъ вихрѣ носиться надъ окрестностями, сводить на землю дождь и солнечный свѣтъ, пугать дичь и поражать людей болѣзнями и смертью, если она желаетъ причинить имъ зло. Ее представляютъ себѣ какъ бы отраженнымъ образомъ прежняго тѣла или въ видѣ животного, напримѣръ, червя, жука, бабочки, птицы или змѣи. Всѣ первобытные народы заботятся о томъ, чтобы удовлетворить, примирить съ собой и тѣмъ отогнать душу умершаго человѣка. Австралийцы, напримѣръ, вѣрятъ, что души ихъ умершихъ сродичей продолжаютъ жить въ кустарникахъ. Трупы умершихъ или закапываются ими въ землю или подвѣшиваются на деревьяхъ, у нѣкоторыхъ же племенъ поѣдаются. Наблюдается и сжиганіе или двустепенное погребеніе. Если иногда трупъ оставляютъ лежать прямо на землѣ, то все же, по крайней мѣрѣ, либо прикрываютъ его вѣтвями кустарника, либо накладываютъ тяжелый стволъ дерева. Такой же способъ прикрыванія умершихъ примѣнялся прежде и у ведда, но иногда они замѣняли стволъ камнемъ. Эти обряды имѣютъ цѣлью обезпечить покойнику кровь для его сна. Равно и погребеніе въ ямахъ и пещерахъ преслѣдуетъ ту же цѣль — дать умершему надежное и прочное жилище. Жители Огненной Земли погребаютъ умершихъ въ кучахъ остатковъ раковинъ около своихъ хижинъ, подобно тому, какъ это дѣлали иногда древне-европейскіе рыбачьи народы. Эскимосы хоронятъ своихъ покойниковъ въ ящикахъ, подъ кучею камня или въ пещерахъ. Всякое существо, по ихъ мнѣнію, имѣетъ свою душу или тѣнь. Мало того, согласно вѣрованіямъ нѣкоторыхъ племенъ, человѣкъ имѣетъ цѣлыхъ двѣ или даже три души, надѣленные каждая своими особыми свойствами. У эскимосовъ уже сложилось также представленіе, что существуетъ особое царство душъ или умершихъ, причѣмъ одни предполагаютъ его на землѣ, другіе подъ нею. Dorосли ли и другіе охотничьи народы (андамиты, семанги) до такого рода вѣрованій и до представленія о безсмертіи души, — по меньшей мѣрѣ весьма сомнительно.

Вѣра въ духовъ природы констатирована уже много

разъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что ведды стараются волшебными пѣснями настроить на добрый ладъ духа скаль. Согласно вѣрованію нѣкоторыхъ эскимосовъ, на днѣ моря живетъ особое женское божество и высылаетъ людямъ пищу изъ его глубины. Впрочемъ, надо замѣтить, представленіе о богинѣ-матери, общей кормилицѣ принадлежитъ уже къ циклу вѣрованной болѣе культурныхъ народовъ, занимающихся земледѣліемъ. Съ другой стороны, даже идея Творца или Создателя міра не чужда нѣкоторымъ низшимъ охотничьимъ племенамъ. Но, во всякомъ случаѣ, это еще не можетъ служить доказательствомъ, что анимизму предшествовалъ по времени нѣкій изначальный монотеизмъ. Въ этомъ можно усмотрѣть, самое большее, только указаніе на наличность здѣсь и такого зачатка, оказавшагося впоследствии столь плодотворнымъ, — но лишь на ряду со многими другими зародышами религіозныхъ представленій, проявившими себя и раньше и съ большей устойчивостью. Послѣдніе же по своей природѣ не монотеистичны, а политеистичны и даже пантеистичны. Были даже высказаны предположенія, что вѣра въ само волшебство древнѣ всякаго вѣрованія въ сверхчувственныя существа и въ ихъ участіе при совершении волшебныхъ обрядовъ. Въ такомъ случаѣ, колдунъ представлялъ бы собою наиболѣе древнее божество, извѣстными дѣйствіями оказывавшее вліяніе какъ на жизнь людей, такъ и на самую природу, и только уже отсюда затѣмъ могло впервые возникнуть представленіе о сверхчувственныхъ существахъ. У многихъ первобытныхъ народовъ, дѣйствительно, встрѣчается вѣра въ особую, совершенно неопредѣленную чудодѣйственную силу, которая живой пребываетъ въ природѣ и можетъ проистекать отъ всѣхъ предметовъ и существъ, а слѣдовательно, и отъ человѣка. Представленіе же объ особомъ личномъ носителѣ и источникѣ всѣхъ такихъ магическихъ силъ, о нѣкоемъ „Великомъ Волшебникѣ“, создавшемъ землю, воздвигшемъ небо и т. д. повидимому, является признакомъ только болѣе уже высокихъ ступеней культуры. Простые же, мелкіе колдуны низшихъ охотничьихъ племенъ занимаются отпугиваніемъ злыхъ демоновъ, посылающихъ вѣтры и дурную погоду, для чего

они начинают, какъ, на примѣръ, колдуны у жителей Огненной Земли, дуть въ сторону облаковъ, предвѣщающихъ непогоду, или бросать въ нихъ обломками раковинъ. Или, подобно шаманамъ у эскимосовъ, они зачаровываютъ, въ амулетахъ или фетишахъ души нѣкоторыхъ животныхъ, признаваемыхъ обладающими особою силою. Животныя, вообще, играютъ выдающуюся роль въ поэтическихъ разсказахъ, мимическихъ танцахъ, художественныхъ работахъ и мѣахъ этихъ народовъ: можно даже говорить о своеобразномъ наклонѣ всей духовной жизни ихъ въ сторону животнаго міра, который представляетъ собою для дикарей дѣйствительно существеннѣйшую и имѣющую наибольшее значеніе часть окружающей ихъ среды. Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать указанная раньше столь многочисленныя и порою столь поразительно вѣрныя оригиналу изображенія животныхъ, оставленныя намъ охотничьими племенами палеолитическаго періода западной Европы, а равно и все то, что извѣстно относительно подобныхъ произведеній у новѣйшихъ народовъ низшаго хозяйственнаго уровня, какъ-то: бушменовъ, австралійцевъ, эскимосовъ и т. д. Разумѣется, далеко не всегда возможно здѣсь ссылаться все на ту же магію. Но все же во многихъ дѣйствіяхъ и представленіяхъ находятъ здѣсь свое выраженіе этотъ вполне естественный у охотничьихъ племенъ „теріотропизмъ“ Онъ выражается въ томъ, что для объясненія загадочныхъ явленій привлекаютъ всего охотнѣе звѣрей, приписываютъ имъ большую силу, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ, въ нихъ же заставляютъ переселяться души умершихъ, почитаютъ звѣрей, какъ родоначальниковъ своей культуры или прародителей племени, словомъ, вводятъ ихъ всюду, гдѣ только само собой не напрашивается какое-нибудь иное толкованіе вещей, благодаря чему разстояніе между человѣкомъ и животными уменьшается, уничтожается или получаетъ значеніе совершенно обратное дѣйствительному.

II. Позднѣйшія дометаллическія ступени культуры.

1. Новый каменный вѣкъ въ Европѣ.

а) Длительность и возникновеніе неолитической культуры.

Вслѣдъ за древнимъ каменнымъ вѣкомъ, продолжавшимся въ Европѣ многія тысячи, можетъ быть, даже сотни тысячъ лѣтъ, въ нашей части свѣта (а равно и въ другихъ, гдѣ исторія человѣчества имѣетъ столь же глубокую древность) наступила эпоха совершенно иного культурнаго склада — новый каменный вѣкъ, или неолитическій періодъ. Онъ уже не заходитъ, подобно первому, всецѣло или наибольшей своей частью въ далекое прошлое исторіи земли — въ четвертичный или дилювіальный періодъ. Онъ принадлежитъ современной геологической эпохѣ, аллювію, и заполняетъ собою значительнѣйшую часть ея протекшаго до сихъ поръ времени. Длительность его неодинакова въ различныхъ частяхъ земли, но въ Европѣ онъ продолжался, во всякомъ случаѣ, значительно меньшій промежутокъ времени, по сравненію съ древнимъ каменнымъ вѣкомъ. Какъ разъ сама Европа и ближайшія къ ней области Востока могутъ представить нагляднѣйшіе примѣры неодинаковой продолжительности новаго каменнаго вѣка. Въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ нашего материка неолитическій періодъ продолжался приблизительно до 2000 года до Р. Х., въ другихъ же зонахъ онъ заканчивался иногда раньше, иногда позднѣе. Такъ, раньше закончился онъ въ Египтѣ и Вавилоніи — около 3000 года до Р. Х., а возможно и еще ранѣе этого. Здѣсь въ 3-мъ тысячелѣтіи до начала нашей эры были всецѣло распространены культуры бронзоваго вѣка, и притомъ уже весьма высокой ступени историческаго развитія. Въ то же самое время закончился неолитическій періодъ и въ южной Европѣ. Съ другой стороны, въ весьма многихъ болѣе отдаленныхъ странахъ новый каменный вѣкъ закончился въ эпохи значительно болѣе позднія, въ иныхъ же, наконецъ, онъ продолжается почти до настоящаго времени. Удивительнаго въ томъ ни-

чего, конечно, найти нельзя, если вспомнить, что вѣдь и палеолитическія охотничьи племена еще сохранились почти до нашихъ дней или даже существуютъ и понынѣ, съ небольшими и чисто лишь внѣшними измѣненіями типическихъ чертъ соотвѣтствующаго культурнаго облика. Племена центральной Бразиліи и Южнаго Океана, живущіе культурой каменнаго вѣка, являются до сихъ поръ или оставались до весьма недавняго времени народами чисто неолитической культуры, представляя значительное сходство съ такими же народами доисторической Европы. Различія неолитическихъ культуръ современности по сравненію съ доисторическими покоятся, вѣроятно, значительно болѣе на простыхъ естественныхъ особенностяхъ мѣстъ ихъ поселенія, нежели на расовомъ своеобразіи въ характерѣ тѣхъ и другихъ народностей.

Если наступленіе конца новаго каменнаго вѣка можно различить сравнительно ясно почти вездѣ, гдѣ только есть основаніе говорить о существованіи послѣдняго, начало его—и въ смыслѣ временномъ, и также въ смыслѣ его первоначальныхъ формъ—скрывается въ непроницаемомъ мракѣ неизвѣстности. Во всякомъ случаѣ, въ западной части Стараго Свѣта начало это должно быть отнесено къ весьма отдаленному времени: въ Европѣ, по крайней мѣрѣ за 8—10.000 лѣтъ назадъ, на ближнемъ же Востокѣ, повидимому, въ эпоху еще болѣе раннюю. Основываясь на данныхъ, полученныхъ де-Морганомъ при раскопкахъ въ Эламѣ (Суза), О. Монтеліусъ опредѣляетъ начало неолитическаго періода на Востокѣ приблизительно временемъ за 18.000 лѣтъ до Р. Х., другими словами—тысячъ за 20 лѣтъ отъ нашего времени.

Холмъ развалинъ Сузы („Телль“) представляетъ собою возвышеніе въ 34 метра. Верхніе наслоенія его, глущиною въ 5 метровъ, образовались въ три послѣднія тысячелѣтія, другими словами, приблизительно начиная съ 1000 года до Р. Х. Въ этихъ верхнихъ слояхъ изслѣдователи многократно встрѣчали предметы изъ желѣза, которое впервые стало примѣняться въ болѣе значительной степени какъ разъ съ этого времени. Въ наслоеніяхъ на глубинѣ 5—10 метровъ встрѣчаются изъ металловъ лишь бронза и мѣдь, желѣзо же совершенно отсутствуетъ. Весь

этотъ 10-метровый рядъ слоевъ соотвѣтствуетъ времени, по крайней мѣрѣ, въ 6 тысячелѣтій, принимая во вниманіе, что мѣдь въ этой области стала извѣстна не менѣе, чѣмъ за 4000 лѣтъ до Р. Х. Еще глубже лежащіе слои холма Телль (на 10—34 метрахъ глубины) прежде считались за чисто неолитическіе. Въ нихъ заключалась масса предметовъ изъ оббитаго камня — ядрища („нуклеи“), ножи, пилы,—изъ обсидіана, привозимаго, по всей видимости, изъ весьма отдаленныхъ сравнительно мѣстъ, затѣмъ много остатковъ примитивной керамики, не знакомой еще съ употребленіемъ гончарнаго колеса. Вотъ отсюда и вывели заключеніе относительно чрезвычайно ранняго начала и необыкновенно большой продолжительности (съ 18.000—4000 гг. до Р. Х.) новаго каменнаго вѣка въ Передней Азіи, такъ какъ, согласно вычисленіямъ Монтеліуса, послѣдній 24-метровый слой соотвѣтствуетъ времени въ 14.000 лѣтъ, и, сообразно съ этимъ, неолитическій періодъ Элама начался 20.000 лѣтъ тому назадъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ вычисленіи начало новаго каменнаго вѣка на ближнемъ Востокѣ приблизительно совпадало бы съ концомъ послѣдней ледниковой эпохи въ Европѣ.

Дальнѣйшія изысканія, однако, показали неточность этихъ вычисленій, но, съ другой стороны, обнаружили и нѣкоторое новое обстоятельство, а именно: весьма глубокой, хотя не столь уже подавляюще-глубокой, возрастъ „мѣдно-каменнаго вѣка“ — энеолитическаго періода — на ближнемъ Востокѣ. Въ самомъ низу того же холма Телль въ Сузѣ, уже на материковой почвѣ, найдены были въ 1908 г. остатки небольшого, обнесеннаго стѣной, города, а нѣсколько въ сторонѣ отъ послѣдняго, въ достигающемъ пяти метровъ толщины слоѣ, — около 1000 гробницъ одновременнаго съ нимъ некрополя, съ массою раскрашенныхъ вазъ и съ рядомъ предметовъ изъ мѣди. При мужскихъ скелетахъ часто встрѣчаются бронзовые топоры, при женскихъ — полированные диски (зеркала) изъ того же металла, кромѣ того—баночки съ притираниями и проч. Такимъ образомъ, несмотря на весьма часто появляющіяся въ болѣе верхнихъ слояхъ холма орудія изъ камня, находки 1908 года не восходятъ далѣе, чѣмъ

къ 5-му, а по мнѣнію другихъ, всего къ 4-му или 3-му тысячелѣтію до Р. Х. Во всякомъ случаѣ, онѣ чрезвычайно ярко свидѣтельствуютъ о недостаточности вычисления времени на основаніи одной только толщины археологическихъ наслоеній. Однако, древность ново-каменнаго вѣка на Востокѣ въ виду этого все же не можетъ быть исчислена въ меньшихъ размѣрахъ.

Подъ пластомъ минойскихъ наслоеній въ Кноссѣ (о. Критъ) толщиной въ 5,5 метра найденъ 8-метровый слой неолитическихъ отложений, образованіе котораго, согласно опредѣленію Эванса, началось, по крайней мѣрѣ, 14.000 лѣтъ тому назадъ. Однако, даже наиболѣе древнія произведенія мѣстной керамики оказываются здѣсь настолько законченными по формѣ, что въ дѣйствительности начало новаго каменнаго вѣка на Критѣ приходится отнести ко времени еще болѣе отдаленному. Шаткость этихъ послѣднихъ вычисленій точно также вызвала рядъ возраженій; но до сихъ поръ еще не доказана ихъ безусловная неправильность, такъ что, по крайней мѣрѣ временно, къ нимъ можно относиться съ извѣстной долей довѣрія.

Вопросъ о процессѣ возникновенія неолитической культуры окутанъ не менѣе глубокимъ мракомъ, нежели вопросъ о времени ея появленія. Ея вполне зрѣлая, достигшія полного развитія формы, въ которыхъ обычно она передъ нами и фигурируетъ, невольно создаютъ впечатлѣніе такой своеобразности ея склада, по сравненію съ культурой неолитической, что трудно рѣшиться ея возникновеніе признать своего рода продолженіемъ или завершеніемъ первой. За исключеніемъ незнакомства съ металлами — явленія общаго обоимъ періодамъ—почти всѣ остальные существенные признаки ихъ стоятъ въ рѣзкой противоположности другъ другу: и хозяйственныя основы быта, и формы жилья, и система построекъ, и ремесленная дѣятельность, и искусство. Въ особенности это касается Европы, съ ея обильными слѣдами и остатками отъ обоихъ культурныхъ періодовъ и съ почти полнымъ отсутствіемъ всякихъ промежуточныхъ, связующихъ звеньевъ. Тѣмъ не менѣе безъ попытокъ установить посредствующія переходныя ступени

дѣло, конечно, не обошлось, при чемъ послѣднимъ придавалось особое важное культурно-историческое значеніе. Съ одной такой предполагаемой переходной ступеню намъ уже пришлось ознакомиться, именно — съ эпохой азильской или турасской, которая въ геологическомъ отношеніи безусловно принадлежитъ началу аллювіальной эпохи. Однако, мы тогда же отмѣтили, что, несмотря на появленіе „раскрашенныхъ галекъ“, наслѣдіе этой эпохи, въ общемъ, создаетъ впечатлѣніе культурнаго обѣднѣнія и регресса. Оно могло принадлежать прямымъ потомкамъ прежнихъ носителей маделенской культуры, или, что также возможно, столь же непосредственнымъ предкамъ позднѣйшихъ неолитическихъ обитателей Западной Европы. И тѣмъ не менѣе, эта эпоха ни въ коемъ случаѣ не является переходной ступеню отъ древняго періода каменнаго вѣка къ новому, но только простой заключительной ступеню первой; съ этой ступени не могъ начаться процессъ развитія культуры по направленію къ ея неолитическимъ формамъ.

При переходѣ къ современной геологической эпохѣ, въ бассейнѣ восточно-европейскаго моря вмѣстѣ съ прилегающими къ нему областями совершался рядъ колебаний въ распредѣленіи суши. Въ „юлдіеву эпоху“ *) (періодъ позднеледниковаго таянія глетчеровъ) обширныя пространства теперешней суши лежали подъ водою, и сѣверная Европа еще была недоступна для поселенія человѣка. Въ слѣдующую за ней „анцилову эпоху“ Балтійское море обратилось, вслѣдствіе мощнаго поднятія почвы, въ грандіозное закрытое озеро съ почти прѣсной водою, до котораго уже больше не доходили ледники съ сѣверной части материка. Климатъ былъ мягкій, росли лѣса березъ, осинъ и сосенъ, — и вотъ къ этому времени относятся первые слѣды пребыванія въ сѣверной Европѣ человѣка. Однако, еще нѣтъ вполне неопровержимыхъ доказательствъ, что имѣющееся здѣсь въ виду поселеніе—Маглемозе („большой торфяникъ“) близъ Мул-

*) Называется такъ по характерной для нея двустворчатой раковинѣ юлдіи (Joldia arctica), равно какъ и позднѣйшая, „анцилова эпоха“—по имени моллюска анцилусъ (Ancylus fluviatilis).

лерупа, на о. Зеландіи — дѣйствительно принадлежитъ анциловой эпохѣ. Изъ 20.000 сдѣланныхъ здѣсь мелкихъ находокъ до 900 предметовъ являются орудіями изъ кремня и около 300—изъ кости или оленьяго рога. Среди первыхъ встрѣчаются орудія типа такъ называемыхъ „кухонныхъ кучъ“—о которыхъ намъ предстоитъ сейчасъ говорить: рѣзцы для расколки камня, кирки, скребки, сверла, ножи; издѣлія изъ кости и рога по большей части представляютъ собою наконечники метательныхъ копій и гарпуны съ зазубринами на одномъ изъ краевъ, но есть клинки и ручки для топоровъ, кинжалы, иглы, напильники, рыболовные крючки. Слѣдуетъ особенно отмѣтить нѣсколько костяныхъ гарпуновъ съ рѣзцами или зубьями изъ кремневыхъ осколковъ. Полированные каменные орудія и глиняная утварь еще совсѣмъ отсутствуютують. Если принять во вниманіе находки опредѣленныхъ животныхъ и растительныхъ остатковъ (лось, сосна), придется признать, что стоянка эта была заселена раньше наиболѣе древнихъ мѣстъ расположенія „кухонныхъ кучъ“ и можетъ быть отнесена только ко времени азильской или турасской эпохи въ Западной Европѣ. Однако, геологи продолжаютъ еще колебаться въ опредѣленіи времени образованія геологическихъ наслоеній, въ которыхъ произведены были эти находки; съ полной увѣренностью нельзя также и типы указанныхъ орудій признать за столь примитивно-ранніе, къ каковымъ одно время ошибочно причисляли такіе гарпуны съ кремневыми зубцами.

Анцилова эпоха опять смѣнилась періодомъ новаго пониженія суши, вслѣдствіе котораго анцилово прѣсноводное озеро вновь получило соединеніе съ открытымъ моремъ, а содержаніе соли въ его водѣ даже стало превосходить норму солености современнаго Балтійскаго моря. Судя по растительнымъ остаткамъ, климатъ былъ мягче современнаго, ибо орѣшникъ и соснякъ росли въ далекихъ сѣверныхъ топяхъ, и чаще обычнаго встрѣчался дубъ. Это время называютъ „литориновой эпохой“ *), или

*) По имени моллюска прибрежницы, или литорины (*Litorina litoraea*), обильно встрѣчавшагося въ этомъ новомъ морѣ.

новымъ періодомъ дуба. Съ того времени произошло новое поднятіе уровня суши въ сѣверной части материка, и берега литоринова моря оказались теперь лежащими на 3,60 метровъ выше уровня морской поверхности. Вотъ этой литориновой эпохѣ и принадлежатъ упомянутыя выше „кучи кухонныхъ отбросовъ“ на датскомъ побережьи Балтійскаго моря. Онѣ лежали прежде въ непосредственной близости къ морю, но теперь, съ повышеніемъ почвы, оказались отъ него въ извѣстномъ разстояніи, нѣсколько далѣе въ глубь страны. Такія кучи, получившія названіе *Kjökkenmöddinger*, или *Skaldinger* (кучи раковинныхъ створокъ), образуютъ насыпи въ 1—3 метра вышины при длинѣ въ 100—300 метровъ и 50—150 метровъ ширины. Въ нихъ находятъ пепелъ и угли, черепки разбитой утвари, орудія изъ кремня и оленьяго рога. Но главную составную ихъ часть представляютъ кости убитыхъ на охотѣ животныхъ (оленья, козули, кабана, волка, лисицы, собаки, медвѣдя, рыси, куницы, ежа, бобра, тюленя, кошки и др.),—при чемъ часто кости раздроблены (очевидно, чтобы добыть изъ нихъ мозгъ) и столь же часто обглоданы собаками; затѣмъ здѣсь масса костей сѣданныхъ рыбъ (сельди, угря, наваги, камбалы) и въ особенности цѣлые миллионы скорлупъ сѣдобныхъ раковинъ (устрицы, мидій, сердцевиковъ, прибрежницъ). Кости дикаго лебедя, безкрыла (*Alca impennis*) и глухаря также находятъ въ балтійскихъ „кухонныхъ кучахъ“. Но зато въ нихъ нѣтъ ни единого намека на занятіе земледѣліемъ и разведеніе домашнихъ животныхъ, а равно отсутствуетъ наиболѣе характерный признакъ неолитической культурной ступени — шлифованныя каменные орудія. Изъ кремня, встрѣчающагося здѣсь въ изобиліи, дѣлали преимущественно совсѣмъ простыя орудія, одинаково распространенныя какъ въ древней, такъ и въ новой каменной вѣкъ: ножи, скребки, сверла и т. п. Изготовляли, правда, и новыя, но не менѣе примитивныя типы его: рѣзцы для расколки камня, кирки, наконечники стрѣлъ съ косыми краями (рис. 15). Среди предметовъ, сдѣланныхъ изъ органическаго матеріала, встрѣчаются просверленные молотки изъ оленьяго рога, костяныя иглы и цилиндрическіе костяные гребни съ четырьмя зубцами.

Первые поселенцы явились въ южную Скандинавію по окончаніи ледниковаго періода; жизнь этихъ обитателей сѣвернаго побережья, какъ то и напередъ можно было бы предполагать, была полна безысходной бѣдности и нужды. Явное дѣло, крупныхъ культурныхъ центровъ своего времени подобныя кучи сора и отбросовъ собою представлять ни въ коемъ случаѣ не могли; не имъ, конечно, выпала доля быть исходными точками, откуда начался новый культурный подъемъ у населенія древней Европы. Скорѣе всего, это были поселенія окраинныхъ

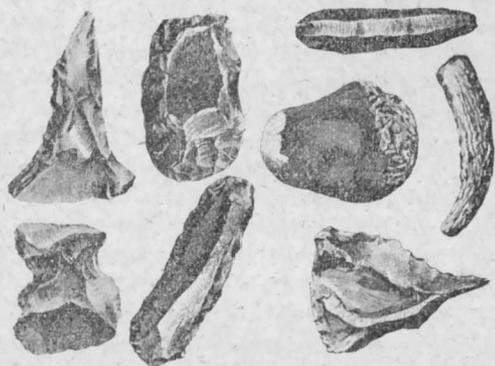

Рис. 15. Ранне-неолитическія орудія. Данія. Ступень „кухонныхъ кучъ“. (Съ оригиналовъ, находящихся въ Естественно-историческомъ музеѣ въ Вѣнѣ.)

народностей нашего континента, заброшенныхъ судьбой въ весьма неблагоприятныя области, способствующія не столько развитію, сколько застою культуры. Одно наблюдение можетъ подтвердить подобное предположеніе, именно, что образованіе такихъ кухонныхъ отложений не прекращается съ появленіемъ въ другихъ областяхъ новыхъ болѣе высокихъ культурныхъ формъ; оно идетъ далѣе, сопровождаясь лишь незначительными заимствованіями со стороны послѣднихъ.

Кучи отбросовъ, подобныя датскимъ, открыты на морскомъ побережьи многихъ другихъ какъ европейскихъ, такъ

и внѣ-европейскихъ странъ: въ Ирландіи, Франціи, Португаліи, Сардиніи, въ обѣихъ частяхъ Америки, въ Японіи, Австраліи. Во многихъ случаяхъ онѣ ясно отражаютъ собою всю примитивность быта своего доисторическаго населенія, подобную быту современныхъ обитателей Огненной Земли. Повидимому, многія части земли первоначально были заселены лишь по своимъ приморскимъ окраинамъ, и расселеніе человѣчества шло въ видѣ каймы по побережью не только сѣверной Европы, но и иныхъ далекихъ частей свѣта. Здѣсь, подъ влияніемъ относительно легкихъ условій существованія, первые поселенцы очутились въ состояніи культурнаго застоя, не прекратившагося и тогда, когда другія части населенія прошли въ глубь страны и принялись за разведеніе полезныхъ растений и скотоводство.

Каменные орудія своеобразной формы, найденныя въ датскихъ раковинныхъ кучахъ, встрѣчаются, правда, нѣсколько рѣже, также въ центральныхъ частяхъ Англіи, Франціи, Бельгіи и Испаніи и должны быть безусловно отнесены ко времени начала новаго каменнаго вѣка. Рѣзцы для расколки камня и кирки, такіе же, какъ у этихъ собирателей раковинъ, находятъ въ равной мѣрѣ въ очень древнихъ неолитическихъ слояхъ Италіи и сѣверной Франціи. Слѣдовательно, эти новые типы орудій изобрѣтены, всего вѣроятнѣе, не въ сѣверной Европѣ, но были принесены туда съ собой первыми переселенцами. Въ слояхъ открытой въ сѣверной Франціи кампинской культурной стадіи (Campigny, на нижней Сенѣ) къ такимъ характернымъ для эпохи орудіямъ уже примѣшивается значительное число слегка отшлифованныхъ, а то и вполне отполированныхъ каменныхъ топоровъ, тонко сдѣланныхъ наконечниковъ стрѣлъ, и здѣсь же наблюдаются и первые слѣды искусственно построенныхъ жилищъ, земледѣлія и разведенія рогатаго скота. Однако, отсюда еще нельзя дѣлать заключенія, что мѣстомъ, гдѣ совершился переходъ отъ древняго къ новому каменному вѣку, была Западная Европа. Находки эти можно считать древне-неолитическими или до-неолитическими, но ихъ нельзя, какъ то часто дѣлалось, признать „мезолитическими“ (т.-е. принадлежащими промежуточной между

двумя каменными периодами эпох). Во всякомъ случаѣ, ихъ недостаточно, чтобы разсѣять глубокой мракъ, окутывающей вопросъ о возникновеніи неолитической культуры.

б) Основы неолитической культуры.

Быть можетъ, ничего плѣняющаго воображеніе и поражающаго нѣтъ въ культурѣ новаго каменнаго вѣка. Тѣмъ не менѣе послѣдній во многихъ отношеніяхъ является, несомнѣнно, наиболѣе заслуживающимъ вниманія и наиболѣе богатымъ по содержанію періодомъ среди всѣхъ иныхъ періодовъ доисторической культуры. Въ самомъ дѣлѣ, что же страннаго въ томъ, что человекъ въ началѣ своего развитія былъ вообще незнакомъ съ употребленіемъ металловъ и пользовался лишь камнемъ и другими случайно подъ руками оказавшимися матеріалами въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ при борьбѣ за свое, въ общемъ, весьма неприглядное существованіе. Извѣстно также, что позднѣе, прежде чѣмъ обратиться къ желѣзу, онъ освоился съ другими болѣе мягкими и плавкими металлами,—между прочимъ, съ мѣдью и бронзой, въ которой мѣдь тоже составляетъ преобладающую по составу часть,—и научился использовать ихъ свойства. Это, правда, считалось весьма невѣроятнымъ въ прошломъ столѣтіи и достаточно упорно опровергалось,—но, въ сущности въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго. Зато, дѣйствительно, глубоко поражаетъ наблюдателя высокая степень осѣдлости всего бытового склада, достигнутая человечествомъ въ неолитическій періодъ, еще до первыхъ проблесковъ знакомства съ металлами и ихъ полезными свойствами. Какъ разъ въ этотъ именно періодъ заложены были первые краеугольные камни великаго зданія европейской цивилизаціи, и отсюда же идутъ корни основного крестьянскаго ядра населенія нашей части свѣта. Глубокую, рѣзкую противоположность представляетъ собою весь образъ жизни этихъ неолитическихъ крестьянскихъ общинъ,—гдѣ только имъ удалось достигнуть полного расцвѣта,—быту застывшихъ на своей низшей ступени хозяйственныхъ и общественныхъ порядковъ палеолитическихъ охотничьихъ племенъ.

Прежде всего, новому каменному вѣку было извѣстно не только простое присваивающее, но и воспроизводящее хозяйство, которое и теперь еще представляетъ собою, въ значительной мѣрѣ, основу нашего матеріальнаго существованія. Тѣмъ самымъ впервые на всемъ своемъ протяженіи разверзлась пропасть между міромъ человека и міромъ животныхъ, и опредѣлился рядъ яркихъ признаковъ начавшейся новой эпохи. Началось разведение домашнихъ животныхъ и воздѣлываніе полезныхъ растений—сперва еще и то и другое

Рис. 16. Предметы новаго каменнаго вѣка. Средняя и сѣверная Европа. (Съ оригиналовъ, находящихся въ Естественно-историческомъ музеѣ въ Вѣнѣ.)

въ очень узкихъ, скромныхъ размѣрахъ, практикуясь одновременно съ медленно уступавшими имъ мѣсто охотой, рыболовствомъ и примитивнымъ собираніемъ растительныхъ продуктовъ въ дѣвственной тайгѣ. Затѣмъ появилось гончарное производство, не сразу, но все же скоро возвысившееся до воспроизведенія многообразныхъ орнаментныхъ формъ. На ряду съ выдѣлкой каменнаго оружія и инструментовъ, которые по существу мало отличались еще отъ палеолитическихъ, теперь развилось также производство шлифованныхъ, частью даже просверленныхъ каменныхъ орудій (рис. 16 и 16,а), требовавшее отъ работника, кромѣ простой

спорки, еще терпѣнія и усердія. Далѣе началась постройка хижинъ — то непосредственно на голой землѣ, то на особой платформѣ, намѣренно возведенной надъ водой среди озера, — и объединеніе многихъ разрозненныхъ прежде жилищъ въ цѣлыя деревни. Здѣсь глубокая предусмотрительность обнаруживалась въ самомъ выборѣ мѣста, но нерѣдко, въ цѣляхъ безопасности, оно обносилось еще и земляными укрѣпленіями. Появились могильныя сооруженія весьма различ-

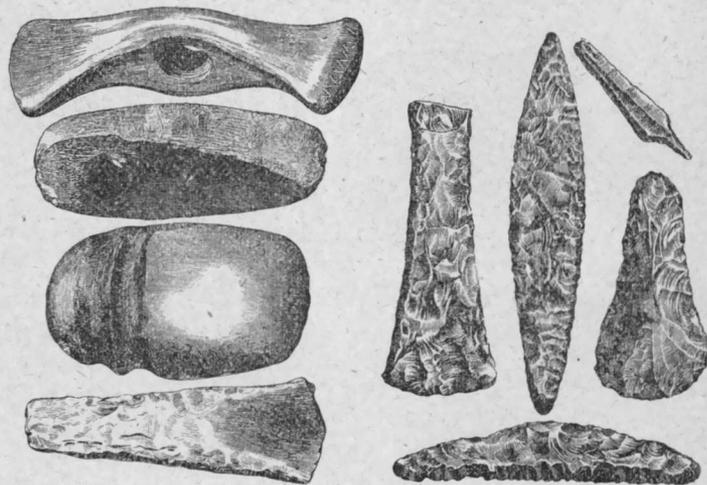

Рис. 16.а. Неолитическія каменныя орудія. Данія. (Съ оригиналовъ, находящихся въ Естественнo-историческомъ музеѣ въ Вѣнѣ.)

наго типа, иногда, однако, чрезвычайно внушительной формы, и повсюду сложились, правда, съ значительными мѣстными отличіями, опредѣленные, твердо соблюдаемая системы погребенія. Среди блестящаго ряда признаковъ этого новаго времени отсутствуетъ только одно культурное приобрѣтеніе предшествовавшаго періода: смѣлое, полное натуралистическихъ вѣяній изобразительное искусство палеолитическихъ охотничьихъ народовъ — и, ясное дѣло, потому, что исчезла сама духовная основа его породившая и питавшая.

Теперь жила совсѣмъ иная порода людей, и весьма значительное время продолжался этотъ новый періодъ культуры. Стремленіе къ прогрессу вѣдь вовсе не является прирожденнымъ свойствомъ человѣка; въ тѣ же времена къ тому не было и внѣшнихъ побужденій, ибо этимъ новымъ народамъ жизнь давалась сравнительно легко. Увеличилось количество заботъ по обезпеченію себя средствами существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ теперь правильно стали чередоваться моменты труда и покоя. Человѣкъ того времени не ощущалъ недостатка въ свободныхъ пространствахъ земли для расширенія своей дѣятельности и для выбора удобныхъ, плодородныхъ и безопасныхъ мѣстъ поселенія. Пойдетъ по одну сторону — и передъ нимъ протянутся лентой обильная рыба побережья морей и озеръ; пойдетъ въ другую — и его встрѣтитъ своимъ шумомъ лѣсъ, полный дичи. Здѣсь раскинутся передъ нимъ роскошныя пастбища и благословенныя своимъ плодородіемъ степи, а тамъ крутые холмы, открытые со всѣхъ сторонъ, готовы гостеприимно предоставить ему мѣсто для поселенія. Вѣды же текли тогда еще обильнѣе, нежели въ наше время. Само населеніе первоначально было весьма малочисленно, и если случалось, что начиналъ притѣснять сильный сосѣдь, или природа переставала удовлетворять его потребности, наконецъ, просто наставали черные дни, — люди могли легко избѣгнуть подобныхъ бѣдствій и, перебравшись на другое мѣсто, найти себѣ тамъ новую отчизну. Такъ, одно тысячелѣтіе за другимъ, тянулся новый каменный вѣкъ, — вездѣ, гдѣ только зарождался со всѣми своими вышеуказанными признаками, — и продолжительность его, несомнѣнно, была значительно больше всѣхъ послѣдующихъ періодовъ, все же уступая продолжительности древнѣйшей каменной эры.

Наши знанія относительно самихъ носителей этой культуры ограничиваются только однимъ свѣдѣніемъ: это, въ общемъ, были люди тѣхъ же расъ и племенъ, которыхъ мы въ соотвѣствующихъ мѣстахъ встрѣчаемъ въ историческое время, отчасти даже и въ современную намъ эпоху. Но мы не знаемъ, на какомъ языкѣ они тогда говорили, какими именами они называли свои народы, и каковы были судьбы каждаго изъ послѣднихъ въ отдѣль-

ности. Всѣ же предположенія, выводы и утверженія, которые дѣлались относительно возникновенія неолитической культуры, а также появленія и распространенія ея народностей—являются весьма шаткими гипотезами. Согласно болѣе старому предположенію, и сама культура и народы, ея носители, одновременно появились въ Европѣ съ Востока. Согласно же болѣе новому взгляду, культура эта, какъ уже указано, зародилась въ самой Европѣ, и носители ея являются прямыми потомками палеолитическаго населенія нашей части свѣта. Есть еще и третье предположеніе. Можетъ быть, чужеземнаго происхожденія была только сама неолитическая культура, и распространялась она черезъ посредство немногочисленныхъ пришельцевъ или проникала путемъ мѣнорныхъ отношеній; въ такомъ случаѣ, сама масса населенія окажется туземнаго происхожденія. Впрочемъ, всѣ эти вопросы пока приходится оставить открытыми; повидимому, еще преждевременно приступать къ рѣшенію столь трудныхъ и сложныхъ проблемъ.

Неолитическій періодъ начался на югѣ Европы, вѣроятно, ранѣе, нежели на сѣверѣ, а въ сѣверной Африкѣ и юго-западной Азіи онъ, быть можетъ, опередилъ и южную Европу. Несомнѣнно, что въ такомъ случаѣ періодъ этотъ и закончился въ этихъ болѣе старыхъ культурныхъ областяхъ въ болѣе раннее время. Существуетъ рядъ, правда, недостаточно вѣскихъ, указаній, что все богатое наслѣдіе неолитической культуры было занесено въ нашу часть свѣта съ сосѣднихъ континентовъ. Такъ, хотя еще не удалось съ полной опредѣленностью прослѣдить прародину и исходные пункты распространенія какъ древнѣйшихъ культурныхъ растений, такъ и домашнихъ животныхъ, но замѣчено, что одни и тѣ же полезныя растенія—пшеница, ячмень, просо, нѣкоторыя бобовыя и ленъ—воздѣлывались по преимуществу и въ Европѣ неолитическаго періода, съ одной стороны, и на хамитско-семитскомъ Востокѣ — съ другой. вмѣстѣ съ тѣмъ, другія растенія, какъ рожь и овесъ, которые весьма продолжительное время, если не всегда, были чужды странамъ, лежащимъ вокругъ Средиземнаго моря, — весьма поздно появились и въ областяхъ по сѣверную сторону отъ Альпъ. Со-

вершенно то же наблюдается относительно нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, какъ, на примѣръ, быкъ, свинья, овца, и коза: всѣ наши свѣдѣнія о начальныхъ стадіяхъ прирученія и разведенія ихъ даютъ указанія скорѣе на югъ и востокъ, нежели на сѣверъ и западъ. Однако, повторяемъ, южное или юго-восточное происхожденіе неолитическихъ культурныхъ растений и домашнихъ животныхъ все же еще вполне опредѣленно не доказано. Да и вообще, весь вопросъ этотъ нельзя ставить въ такой формѣ, какъ будто все достояніе новой культуры могло быть, точно оптомъ, доставлено изъ той или другой мѣстности. Для этого пришлось бы предположить, что вся сумма такихъ культурныхъ приобрѣтеній могла возникнуть только въ какой-нибудь одной области, и притомъ какъ нѣкое замкнутое и вполне законченное въ себѣ цѣлое, а отсюда уже разошлась по всѣмъ другимъ странамъ. Мы имѣемъ одинаковое, по меньшей мѣрѣ, право допустить, что, подъ вліяніемъ соответствующихъ естественныхъ условій, извѣстнаго рода новшества зародились независимо въ различныхъ пунктахъ; черты же значительнаго сходства неолитическихъ культурныхъ типовъ въ различныхъ частяхъ земли можно объяснить не заимствованіемъ, но просто однообразнымъ дѣйствіемъ тождественныхъ естественныхъ причинъ.

Одна часть шлифованныхъ орудій представляетъ собою совершенно простыя „первичныя“ формы. Примѣненіе ихъ можно прослѣдить, не говоря объ Европѣ и сосѣднихъ съ ней странахъ, до самой восточной окраины Азіи и даже Америки. Относительно происхожденія орудій такого типа ничего опредѣленнаго утверждать нельзя: изготовленіе ихъ могло зародиться всюду и одинаковымъ путемъ, ибо все это принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ элементарныхъ идей человѣчества. Другая, въ большинствѣ случаевъ, болѣе поздняя по происхожденію, часть шлифованныхъ орудій имѣетъ своеобразныя формы, которыя обусловлены извѣстными мѣстными причинами и могутъ быть поняты, какъ показанія индивидуальнаго, такъ сказать, направленія въ развитіи извѣстной группы людей. Выразится это хотя бы въ исползованіи какого-нибудь мало распространеннаго матеріала,

имѣющагося въ извѣстной мѣстности,—напримѣръ, на- стоящаго мѣлового кремня; или обнаружится въ появле- нии своеобразныхъ вкусовъ и особенно излюбленныхъ техническихъ приѣмовъ, или, наконецъ, въ иныхъ обстоя- тельствахъ,—допустимъ, въ подражаніи произведеніямъ изъ камня, металлическимъ издѣліямъ, если послѣднія уже появились. Вотъ эти явленія, въ противоположность такъ называемымъ элементарнымъ идеямъ, могутъ быть отне- сены къ разряду идей народнаго характера.

То же самое можно сказать и относительно неолитиче- скихъ гончарныхъ издѣлій, формъ утвари и укра- шеній ея. Керамика, по самой природѣ своей, тѣснымъ об- разомъ связана съ осѣдлымъ состояніемъ народа, тогда какъ низшіи охотникъ или собиратель не можетъ обре- менять себя тяжелой и хрупкой глиняной посудой. Поэтому, совершенно празднымъ является поднимавшійся иногда во- просъ, случалось ли здѣсь или тамъ населенію палеолити- ческаго періода заниматься выдѣлываваніемъ и обжиганіемъ глиняныхъ сосудовъ. Наоборотъ, одновременно съ переходомъ челоуѣчества къ осѣдлости почти съ законотѣрной правильностью появляется и эта новая ремесленная дѣ- ятельность. Уже невзрачные обитатели сѣвернаго побе- режья въ эпоху „кухонныхъ кучъ“ имѣли безформенную глиняную утварь наипростѣйшаго типа, безъ украшеній, подставокъ и ручекъ,—простое подражаніе своимъ сум- камъ и кожанымъ мѣхамъ. Въ позднѣйшее время неолитиче- скіе глиняные сосуды становятся, однако, въ высшей степени разнообразными и по строенію и по орнамент- нымъ украшеніямъ, а отчасти и по примѣняемымъ для наведенія орнамента техническимъ приѣмамъ: проведенію бороздъ, накальванію съ заполненіемъ отверстій бѣлымъ веществомъ, раскрашиванію, наложенію рельефныхъ рисун- ковъ. Въ силу этого, по глинянымъ произведеніямъ те- перь, главнымъ образомъ, и распознаютъ рядъ сосѣднихъ, взаимно родственныхъ культурныхъ группъ новаго камен- наго вѣка или цѣпь преемственно связанныхъ одна съ другой культурныхъ его ступеней одной какой-нибудь определенной области.

Въ качествѣ подобныхъ же путеводныхъ нитей для распознаванія неолитическихъ группъ и ступеней или, какъ

иначе можно выразиться, для наблюденія, какъ выра- стаютъ народныя идеи изъ идей элементарныхъ, могутъ служить и всѣ прочія явленія новаго каменнаго вѣка,— въ особенности типы поселеній и формы могилъ: выборъ мѣста для селенія на равнинѣ, на мало приступной горной вершинѣ, наконецъ, на искусственно возведенномъ помостѣ надъ водой, постройка мегалитическихъ могильныхъ со- оруженій, устройство каменныхъ подземныхъ гробницъ, насыпка кургановъ (tumuli) или какое иное устройство и обозначеніе мѣстъ вѣчнаго упокоенія умершихъ. Въ насто- ящее время мы уже достаточно полно освѣдомлены относи- тельно мѣста и времени распространенія всѣхъ подобныхъ формъ, обычаевъ и обрядовъ. Можемъ мы также опре- дѣлить, въ какой значительной мѣрѣ всѣ они зависятъ отъ устройства почвы, ея природныхъ богатствъ и про- чихъ естественныхъ условій. Съ другой стороны, опредѣ- ляющую, въ извѣстной степени, роль должны были играть также духовныя наклонности и своеобразие историческихъ судебъ отдѣльныхъ слагавшихся теперѣ народностей.

с) Неолитическія культурныя группы и культурныя ступени.

Для болѣе полнаго освѣщенія изложеннаго выше, здѣсь можетъ быть приведено лишь нѣсколько единичныхъ при- мѣровъ изъ наиболѣе хорошо обслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи странъ Европы. Къ таковымъ, прежде всего, принадлежитъ Скандинавія, затѣмъ Швейцарія и нѣко- торыя области Германіи и Австріи.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о новомъ каменномъ вѣкѣ въ дру- гихъ частяхъ Европы, въ особенности въ ея южныхъ областяхъ, а также на ближнемъ Востокѣ, будутъ даны во второй части нашей книги, въ связи съ характери- стикой древнѣйшихъ эпохъ металлическаго вѣка.

Съ однимъ примѣромъ изъ скандинавской куль- турной провинціи неолитическаго періода намъ уже при- шлось попутно столкнуться—именно, съ находками въ Маглемозе (возможно, принадлежащими еще къ анцило- вой эпохѣ) и древнѣйшими слоями „кухонныхъ отбросовъ“ (литориновой эпохи). Моллюски, встрѣчающіеся въ болѣе позднихъ слояхъ такихъ „кухонныхъ кучъ“, т.-е. въ сло-

яхъ, относящихся уже ко времени шлифованныхъ каменныхъ орудій, совершенно тождественны съ моллюсками, находимыми въ ихъ нижнихъ слояхъ. Это—

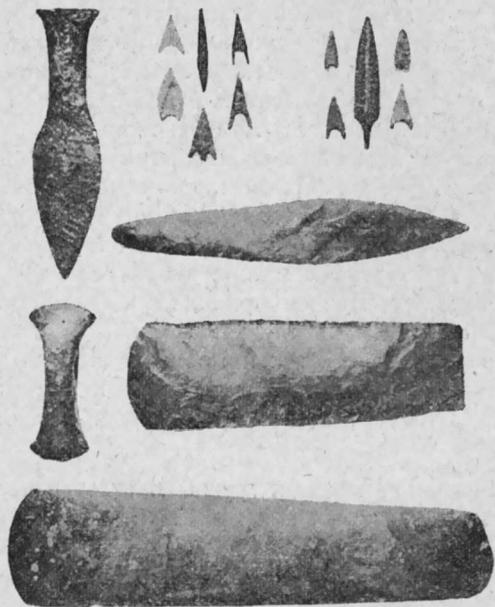

Рис. 17. Каменные орудія и предметы вооруженія, найденные въ сѣверной Германіи и Скандинавіи. (Съ оригиналовъ, находящихся въ Этнографическомъ музеѣ въ Берлинѣ.)

все тѣ же виды слизняковъ, предпочитающихъ болѣе высокую, по сравненію съ современнымъ Балтійскимъ моремъ, температуру морской воды и болѣе значительную ея соленость. Отсюда можно вывести заключение, что, по крайней мѣрѣ, первая вполне развитая стадія новаго каменнаго вѣка на сѣверѣ Европы протекала при климатическихъ условіяхъ, однообразныхъ съ условіями культурной ступени „кухонныхъ кучъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ высокой степени расцвѣта неолитической культуры въ Даніи и южной Швеціи (см. оружіе и инструменты рис. 17 и глиняную утварь рис. 18) утрачиваетъ значительную долю своей загадочности. Ея расцвѣту способствовали высокое плодородіе и материковыхъ и островныхъ частей данныхъ странъ, ихъ развитая береговая линия, спокойныя воды многочисленныхъ проливовъ и бухтъ, рѣдкое обиліе и доступность кремневыхъ породъ, а также—обстоятельство, значеніе котораго нельзя преуменьшать,—и весьма значительная длительность

литической культуры въ Даніи и южной Швеціи (см. оружіе и инструменты рис. 17 и глиняную утварь рис. 18) утрачиваетъ значительную долю своей загадочности. Ея расцвѣту способствовали высокое плодородіе и материковыхъ и островныхъ частей данныхъ странъ, ихъ развитая береговая линия, спокойныя воды многочисленныхъ проливовъ и бухтъ, рѣдкое обиліе и доступность кремневыхъ породъ, а также—обстоятельство, значеніе котораго нельзя преуменьшать,—и весьма значительная длительность

Рис. 18. Неолитическая керамика сѣверной Германіи. I—V и VII изъ датскихъ долменновъ; VI изъ Мекленбурга. (По Мадсену.)

древнѣйшихъ эпохъ дометаллическаго вѣка въ этой окраинной области. Тѣ же самыя или сходныя съ ними условія въ послѣдствіи содѣйствовали въ указанныхъ и родственныхъ

ним частяхъ Европы также высокому расцвѣту бронзовой культуры.

Скандинавская культурная провинція охватываетъ, кромѣ Дании и южной Швеціи, еще всю сѣверную и восточную Германію, вплоть до Карпатъ и западной русской границы. Эта обширная область въ продолженіе всего доисторическаго періода, вплоть до великаго переселенія германцевъ и проникновенія въ нее славянскихъ племенъ, сохраняетъ свой цѣлостный характеръ. Съ значительнымъ основаніемъ были выведены отсюда заключенія также о единствѣ и однородности и ея населенія. Такъ какъ послѣднее, по всей видимости, состояло изъ предковъ теперешняго населенія данныхъ странъ, то можно, съ большой долей вѣроятія, считать, что оно уже принадлежало къ германской народности, и предположеніе это подтверждается отсутствіемъ всякихъ слѣдовъ переселенія германцевъ въ сѣверную Европу. Слѣдовательно, послѣдніе могли жить тамъ уже со времени новаго каменнаго вѣка, неизмѣнно проявляя себя въ качествѣ весьма способнаго къ самостоятельному культурному развитію элемента. Однако, на нихъ многократно отражались также вліянія со стороны сосѣднихъ южныхъ и западныхъ культурныхъ областей, откуда моремъ и сушей доставлялись къ нимъ путемъ торговли различнаго рода новые матеріалы и формы, побуждавшіе къ дальнѣйшему развитію.

Населеніе жило сравнительно раздробленно, небольшими группами, состоявшими изъ тѣсныхъ общинъ родственниковъ, родовъ и еще болѣе обширныхъ объединеній родни. Рѣзко поражаетъ противоположность убогихъ хижинъ, устроенныхъ съ помощью деревянныхъ подпорокъ, вѣтвей и глины, часто надъ замощенной камнемъ выемкой въ землѣ, съ одной стороны, и грандіозныхъ могильныхъ сооружений, возведенныхъ изъ мощныхъ каменныхъ глыбъ, съ другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такихъ мегалитическихъ надгробныхъ построекъ такъ много, что на одномъ только островѣ Зеландіи ихъ насчитываютъ приблизительно три съ половиной тысячи. Плодородная почва и обильныя кормомъ пастбища весьма привлекали сюда населеніе. Изъ растений воздѣлывались пшеница, шестирядный ячмень и просо, разводились овцы, козы, свиньи,

крупный рогатый скотъ, а можетъ быть, уже и лошади. Къ культивированію плодовъ и овощей здѣсь еще не приступали, хотя одновременно съ этимъ въ южной Европѣ и въ сѣверныхъ предальпійскихъ областяхъ выводились различные виды плодовыхъ и мотыльковыхъ (чечевица, горохъ) растений. Только въ недавно открытомъ культурномъ слѣзъ свайныхъ поселеній близъ Альвастра, на западной части озера Веттернъ, въ Остерготландѣ (Швеція) найдены лѣсные орѣхи и сѣмечки яблокъ. Но и здѣсь рѣчь идетъ, вѣроятно, о первыхъ начаткахъ разведенія плодовыхъ деревьевъ, о насажденіи близъ жилищъ дикихъ яблонъ съ относительно крупными плодами, а можетъ быть—всего только о собираніи и сушкѣ на зиму дикорастущихъ плодовъ.

Лишь приблизительно можно опредѣлить, сколько времени продолжался на сѣверѣ періодъ полного расцвѣта культуры новаго каменнаго вѣка: онъ тянулся, въ общемъ, отъ середины 6-го до начала 2-го тысячелѣтія до Р. Х. Внутри этого длиннаго промежутка времени можно путемъ классификаціи могильныхъ формъ и предметовъ, вкладываемыхъ въ могилы при погребеніи,—въ особенности каменныхъ топоровъ,—различить нѣсколько отдѣльныхъ стадій, при чемъ всѣ онѣ обнаруживаютъ фактъ непрерывнаго развитія мегалитическаго строительства и обработки кремня (ср. рис. 19 и 20).

Первой вслѣдъ за періодомъ „кухонныхъ остатковъ“, когда еще не встрѣчается ни опредѣленныхъ могильныхъ сооружений, ни шлифованныхъ каменныхъ топоровъ, была степень могилъ, вырытыхъ въ землѣ, и каменныхъ топоровъ съ заостреннымъ обухомъ. Продолжалась она весьма долго, приблизительно отъ 5500—3500 гг. до Р. Х. Топоры съ заостреннымъ обухомъ дѣлались изъ кремня, рѣже изъ грюнштейна и имѣютъ всего только двѣ выпуклыя стороны, сходящіяся въ одну линію на лезвіи и у обоихъ продольныхъ краевъ. Поэтому, въ разрѣзѣ они представляютъ собою заостренно-овальную форму и заканчиваются сверху у обуха притупленнымъ остриемъ. Топоръ подобнаго вида является общераспространеннымъ по всей Европѣ, въ противоположность позднѣйшимъ типамъ сѣверныхъ топоровъ, область распространенія ка-

ждаго изъ которыхъ тѣмъ уже, чѣмъ моложе представляемая имъ культурная ступень. Другими словами, начинается весь процессъ этого развитія съ весьма широкаго и общаго основанія, а въ дальнѣйшемъ прокладываетъ

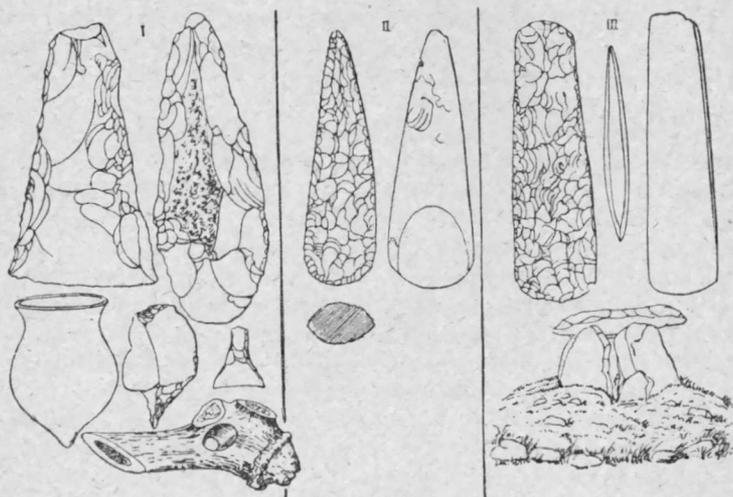

Рис. 19. Руководящія формы I—III стадій новаго каменнаго вѣка на Сѣверѣ: I—стадія „кухонныхъ кучъ“; II—стадія могилъ въ землѣ и топоровъ съ острымъ обухомъ; III—стадія долменовъ и топоровъ съ узкимъ обухомъ. (По Монтелиусу.)

себѣ совершенно самостоятельные пути. Вслѣдствіе этого, топоръ съ заостреннымъ обухомъ несравненно чаще встрѣчается въ Шоненѣ, наиболѣе южной и всего ранѣе заселенной части Швеціи, нежели въ расположенныхъ далѣе къ сѣверу провинціяхъ этой страны.

Затѣмъ, приблизительно съ половины 4-го до половины 3-го тысячелѣтія до Р. Х. длилась эпоха долменовъ и каменныхъ топоровъ съ узкимъ обухомъ. Долмены, или „каменные столы“, представляютъ собою возвышающіяся надъ поверхностью земли простѣйшія могильныя камеры, формой своей болѣе или менѣе напоминающія кубъ; сложены они изъ массивныхъ каменныхъ плитъ, при чемъ входная

галерея у нихъ отсутствуетъ. Ихъ можно чаще всего встрѣтить въ южныхъ и береговыхъ частяхъ Швеціи, между тѣмъ какъ болѣе поздніе типы мегалитическихъ построекъ заходятъ иногда на значительное разстояніе отъ моря, въ самую глубь страны. Топоръ съ узкимъ или тонкимъ обухомъ является наиболѣе распространеннымъ на сѣверѣ типомъ топоровъ и представленъ здѣсь многими тысячами экземпляровъ. Широкіе, сильно выпуклые бока, характерные для топора съ острымъ обухомъ, сдѣлались теперь болѣе плоскими, острые же продольные края обратились въ узкія плоскія стороны. Всѣ четыре боковыя плоскости сходятся въ тыльной части топора, образуя узкій обухъ.

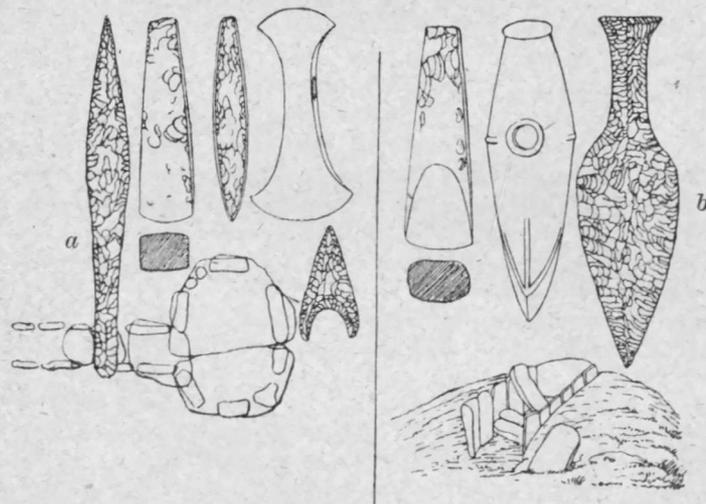

Рис. 20. Руководящія формы IV стадіи новаго каменнаго вѣка на Сѣверѣ: а—стадія гробницъ съ коридоромъ и топоровъ съ широкимъ обухомъ; б—стадія ящикообразныхъ гробницъ и топоровъ съ широкимъ обухомъ. (По Монтелиусу.)

За этой весьма продолжительной эпохой слѣдовали двѣ другія, значительно болѣе короткія: стадія гробницъ съ коридорами (около 2500 — 2100 гг. до Р. Х.) и стадія каменныхъ подземныхъ ящикообразныхъ гробницъ (око-

ло 2100—1900 гг. до Р. Х.). Гробницы съ коридорами, называемыя въ Даніи „комнатами исполиновъ“, сооружались на поверхности земли, но покрывались курганою насыпью. Построены онѣ изъ бѣльшаго, по сравненію съ простыми дольменами, числа каменныхъ плитъ и заключаютъ въ себѣ иногда даже по нѣскольку камеръ. Какъ правило, при нихъ передъ входнымъ отверстіемъ въ помѣщеніе гробницы находится наполовину крытый ходъ (коридоръ или галлерей), сложенный изъ такихъ же глыбъ камня.

Ящикообразныя гробницы относятся къ концу неолитическаго и началу бронзоваго вѣка на сѣверѣ. Вначалѣ онѣ имѣютъ крупныя размѣры и содержатъ каждая по нѣскольку покойниковъ. Позднѣе ихъ стали дѣлать значительно меньшими, пока, съ переходомъ въ серединѣ бронзоваго вѣка къ сожженію покойниковъ, они не сократились до размѣровъ совсѣмъ небольшихъ четырехугольныхъ помѣщеній, объемомъ всего въ одинъ куб. футъ. Для той и другой изъ этихъ двухъ ступеней одинаково характерны топоры съ широкимъ или толстымъ обухомъ, сдѣланные почти всегда изъ кремня. Квадратная форма обуха топоровъ такого типа получается вслѣдствіе того, что широкіе бока ихъ продолжаютъ становиться все болѣе плоскими, продольныя же стороны—еще болѣе широкими. Длина его иногда весьма значительна (до 33 см.), а лезвіе нерѣдко бываетъ вогнутымъ. На ряду съ подобными топорами во множествѣ встрѣчаются однородныя съ ними по формѣ, но нѣсколько болѣе длинныя и тонкія зубила и долота, достигающія подчасъ 42 см. длины. Въ равной мѣрѣ, къ обѣимъ послѣднимъ ступенямъ относятся превосходныя „раковистыя“ издѣлія изъ камня: они не подвергались полировкѣ, но получали свою дѣйствительно художественную форму при помощи простой оббивки и удаленія путемъ нажима мелкихъ слоистыхъ частицъ. Таковы кинжалы, наконечники копій, изогнутыя ножи, концы стрѣлъ съ „ершами“. Древнѣйшія формы кинжаловъ представляютъ собою тоже обще-европейскій типъ, болѣе же и совсѣмъ позднія—типъ собственно сѣверный. Первые имѣютъ листообразную форму и одинаково заострены у обоихъ своихъ кон-

цовъ. Кинжалы болѣе поздней формы снабжены узкой закругленной рукояткой, наконецъ, совсѣмъ поздніе имѣютъ широкія рукоятки въ видѣ рыбьяго хвоста: послѣднія въ разрѣзѣ имѣютъ видъ ромба и заканчиваются хвостобразнымъ набалдашникомъ. Сходство ихъ съ кинжалами бронзовыя дало поводъ заключить о совпаденіи по вре-

Рис. 21. Каменные топоры-молотки изъ Даніи.
(По Мадсену.)

мени всей этой культурной стадіи подземныхъ гробницъ съ эпохой ранняго бронзоваго вѣка въ средней и южной Европѣ. Такое предположеніе подтверждается также находимыми въ Скандинавіи многочисленными, поразительно художественно исполненными просверленными топорами, сѣкирами съ двумя лезвіями и боевыми молотками (рис. 21).

Материаломъ для нихъ служилъ не кремень, но другія твердыя породы камня, при чемъ орудія эти всегда полированные, и края ихъ часто причудливо и изящно изогнуты, такъ что при изученіи ихъ невольно напрашивается предположеніе, что они представляютъ собою подражаніе издѣліямъ, отлитымъ изъ металла. Впрочемъ, эти предположенія встрѣтили рядъ возраженій. Согласно Монтелиусу, эпоха съ 2500—1900 гг. до Р. Х. была на сѣверѣ вообще временемъ мѣднаго вѣка.

Рядомъ съ этой неолитической провинціей, охватывавшей сѣверную Германію и южную Скандинавію, лежитъ нѣсколько далѣе къ сѣверу и на востокъ другая, значительно отличающаяся отъ нея, неолитическая группа— „арктическая“, или „арктико-восточно-балтійская“. Судя по расположенію жилыхъ строеній и другимъ признакамъ, область эта была заселена племенами, которыя промышляли охотой и рыболовствомъ, и, въ противоположность земледѣльческому и скотоводческому населенію Скандинавіи, свои поселенія устраивали лишь вдоль морского побережья. Встрѣчающіеся въ находкахъ предметы этой группы относятся къ эпохамъ долменовъ и гробницъ съ коридорами и состоятъ изъ топоровъ, сдѣланныхъ изъ грюнштейна, и большого числа весьма характерныхъ инструментовъ и предметовъ вооруженія изъ шифера. Орнаменты глиняныхъ сосудовъ типично отклоняются отъ стилия „мегалитическихъ“ гончарныхъ издѣлій. Къ данной группѣ находокъ принадлежатъ также своеобразные выгравированные или красками исполненные рисунки на скалахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ произведеній пластики изъ кости, камня и глины. Наибольшія, похожія на нихъ, фигурныя вещицы открыты также на южно-балтійскомъ побережьѣ, мѣстонахожденіи янтаря, а равно и въ восточно-европейско-сибирской области доисторическихъ находокъ. Въ качествѣ носителей культуры арктическаго каменнаго вѣка обычно называютъ предковъ лапландцевъ; однако, еще существенныя сомнѣнія вызываетъ вопросъ, могли ли они уже въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. достигнуть Скандинавіи.

Примѣромъ другой неолитической культурной провинціи въ Европѣ и иного ряда культурныхъ ступеней мо-

жетъ служить область свайныхъ построекъ сѣверной и западной Швейцаріи. Свайныя постройки сѣверныхъ предгорій Альпъ не восходятъ къ столь глубокой древности, какъ неолитическіе памятники Скандинавіи и другихъ частей Европы. Къ возведенію подобныхъ построекъ, въ свою очередь, далеко не примитивныхъ, приступили лишь въ относительно позднее время, не ранѣе эпохи 4000—3500 гг. до Р. Х., и совершилось это, быть можетъ, подъ вліяніемъ вражескихъ вторженій, которыя древнѣйшему населенію предальпійскихъ областей пришлось испытать со стороны болѣе сильныхъ чужеземныхъ (сѣверныхъ) народностей. Въ самомъ дѣлѣ, озерныя деревни (ихъ въ Швейцаріи насчитываютъ до 200, въ Германіи до 50 и во Франціи свыше 30) представляютъ собою сооруженія оборонительнаго характера. Населеніе, въ нихъ обитавшее, нѣкогда привольно жило между Альпами, Майномъ и Дунаемъ, составляя одно культурное цѣлое, и только позднѣе было оттѣснено въ ущелья и на озера самого Альпійскаго горнаго массива, гдѣ до тѣхъ поръ существовали лишь немногочисленные и бѣдныя въ культурномъ отношеніи лѣсныя племена.

Неолитическія свайныя поселенія на озерахъ устраивались часто въ непосредственной близости отъ берега, и теперь остатки ихъ иногда частью, нерѣдко и полностью, лежатъ уже совсѣмъ на сушѣ. Напротивъ, культурные слои стоянокъ эпохи бронзоваго вѣка преимущественно встрѣчаются далѣе въ глубь, по направленію къ серединѣ озера. Такимъ образомъ, людямъ неолитическаго періода достаточно было перекинуть легкіе мостки въ 10—20 метровъ длины и 1,20—3 метра ширины, чтобы устроить подступъ къ своимъ жилищамъ; къ деревнямъ же бронзоваго вѣка вели уже настоящіе мосты, достигавшіе иногда 200, даже 270 метровъ длины и 2,7—4,8 метровъ ширины. Предпочитались защищенныя отъ вѣтра мѣста, съ небольшой глубиной и подходящимъ дномъ, въ которое на большую глубину вгонялись деревянными или каменными колотушками сваи, т.-е. совершенно неотесанные стволы деревьевъ съ обожженнымъ и заостреннымъ концомъ. Тамъ, гдѣ вбиваніе свай было невозможно, ихъ закрѣпляли кучами камня. При рыхломъ же грунтѣ дна на опорные колья

надѣвались деревянныя лежни. На такіе столбы, выдавашіеся приблизительно на сажень надъ поверхностью воды, непосредственно накладывались продольныя балки, служившія опорой плотному ряду составлявшихъ настилку поперечныхъ брусевъ; на послѣдніе насыпался и хорошо утрамбовывался слой гравія или глины. На заготовленной такимъ образомъ платформѣ сооружались четырехугольныя хижины: ихъ стѣны состояли изъ деревянныхъ подпорокъ, плетня и глины, а крыша—изъ соломы и камыша; сами хижины имѣли уже два помѣщенія—кухню и спальню (рис. 22). Повидимому, существовали также хижины, цѣликомъ выстроенныя изъ бревенчатыхъ свай, скрѣпленныхъ для плотности глиной. Но какъ тѣмъ, такъ и другимъ никогда не придавалась круглая форма, преобладавшая у жилыхъ построекъ на сушѣ. Къ ближайшему берегу вели упомянутые выше мостки, которые въ случаѣ опасности поспѣшно снимались. Для сношенія съ болѣе удаленными частями берега имѣлись челноки—„однодеревки“,—выдолбленные изъ цѣлаго ствола толстаго дерева; спускались въ нихъ при помощи лѣстницы, состоящей изъ простого дубоваго шеста съ зарубками или перекладинами. Существовали также постройки въ видѣ массивныхъ бревенчатыхъ сооружений; здѣсь, вмѣсто вертикальныхъ свай, до самаго дна опускались одинъ на другой плоты, составленные изъ продольныхъ и поперечныхъ балокъ. Деревни изъ свайныхъ построекъ рѣдко располагались по одиночкѣ; на одномъ и томъ же озерѣ ихъ скучивалось иногда до дюжины, подобно тому какъ обыкновенно теперь тѣснятся деревни на краю какой-нибудь плодородной равнины. Онѣ имѣли различную величину, но уже въ періодъ каменнаго вѣка достигали порою внушительныхъ размѣровъ.

По сравненію съ сѣверной Европой, здѣсь господствуетъ обратное соотношеніе между жилыми постройками и могильными сооружениями. Нашими свѣдѣніями о культурѣ обитателей свайныхъ построекъ мы обязаны преимущественно первымъ, а не послѣднимъ, о которыхъ извѣстно только немного. Въ то время уже занимались разведеніемъ животныхъ и растений, но все еще наполовину существовали за счетъ добровольныхъ даровъ

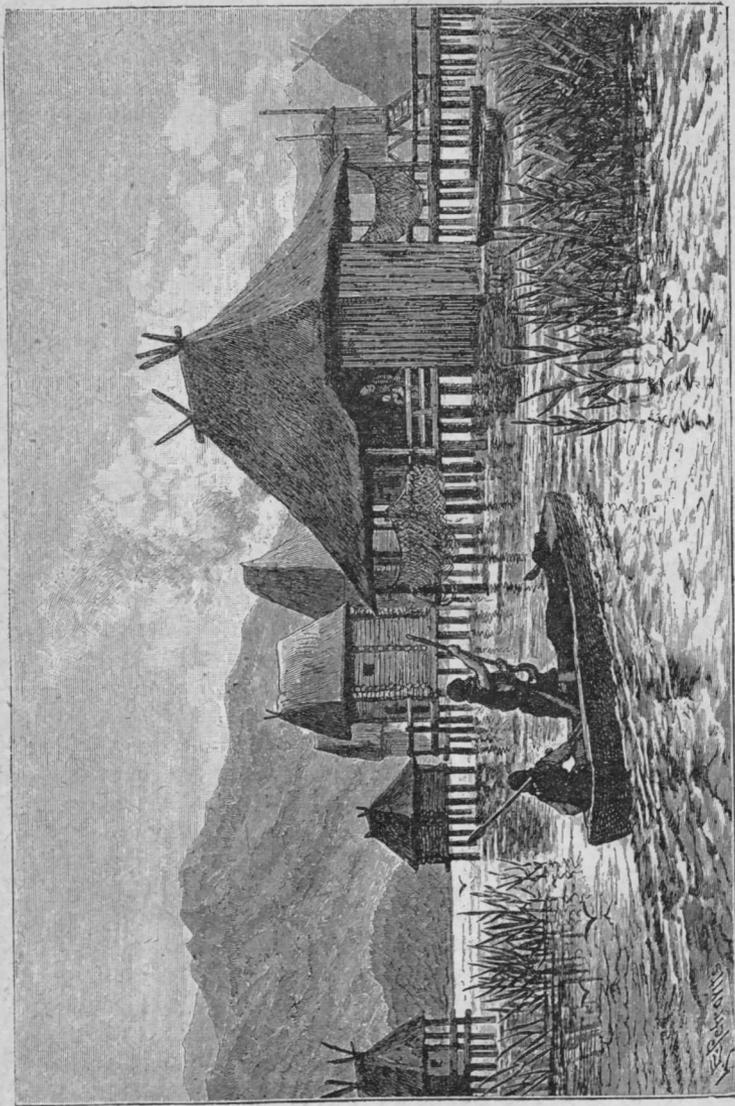

Рис. 22. Предполагаемый видъ древне-европейской свайной деревни.

природы. Въ чисто неолитическихъ свайныхъ постройкахъ западной Швейцаріи количество сохранившихся костей домашнихъ и дикихъ животныхъ почти одинаково. Домашнія животныя того времени, какъ то: быки, свиньи, козы, овцы и, на ряду съ ними, собака,—принадлежать къ простымъ однообразнымъ и мелкимъ породамъ, рѣзко отличавшимся отъ современныхъ имъ дикихъ формъ. Повидимому, они скорѣе вывезены со стороны, чѣмъ получены на мѣстѣ путемъ прирученія и разведенія. Численное превосходство—на сторонѣ „торфяниковаго быка“, за нимъ слѣдуютъ остальные въ вышеуказанномъ порядкѣ. Въ періодъ свайныхъ построекъ поздняго неолитическаго, или мѣднаго вѣка, разведеніе домашнихъ животныхъ дѣлаетъ уже крупныя успѣхи. Остатковъ ихъ теперь значительно больше, нежели остатковъ животныхъ дикихъ, убитыхъ на охотѣ,— и все свидѣтельствуетъ о стараніи увеличить размѣры и улучшить качество прежнихъ видовъ скота; кромѣ того, въ это время удалось уже получить совершенно новыя породы, какъ посредствомъ собственнаго разведенія, такъ и путемъ привоза со стороны. Одновременно съ этимъ численное соотношение между овцами и рогатымъ скотомъ мѣняется въ пользу первыхъ; крупный рогатый скотъ, свиньи и козы отходятъ теперь на задній планъ. Разводить лошадей, повидимому, начали только со времени бронзоваго вѣка. Воздѣлываніе растений было развито относительно слабо и не могло удовлетворить даже собственныхъ потребностей земледѣльца въ растительной пищѣ. Поэтому, въ большомъ количествѣ собирались дикія яблоки, груши, вишни, плоды боярышника, терна и шиповника, малина, ежевика, бузина, водяной орѣхъ, буковые орѣшки, желуди,—при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ сберегались въ видѣ запасовъ на зиму. Культурныя растенія были тождественны съ воздѣлывавшимися на сѣверѣ, и само происхожденіе ихъ было, судя по всему, одинаково; но сверхъ того, культивировались мотыльковыя растенія, ленъ и макъ, которые отсутствуютъ среди полезныхъ растений, извѣстныхъ жителямъ сѣвера. Полевой плугъ, влекомый упряжными животными, былъ, вѣроятно, неизвѣстенъ раньше бронзоваго вѣка, и лишь относительно этого времени его су-

ществованіе удостовѣрено сѣверными изображеніями на скалахъ. Воздѣлываніе растений, равно какъ собираніе дикорастущихъ плодовъ, по всей вѣроятности, еще цѣликомъ находилось въ рукахъ женщинъ, въ то время какъ мужчины занимались разведеніемъ скота и охотой.

Каменный вѣкъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ хронологически подраздѣляется на три стадіи, которыя, согласно теминологіи, предложенной Гейерли, могутъ быть обозначены какъ стадія шаванская (Chavannes, близъ Нейвилля, на Бильскомъ озерѣ), стадія моосзеедорфская (на озерѣ того же названія) и стадія финельцкая (Finelz, на Бильскомъ озерѣ). Первую можно отнести ко времени приблизительно отъ 4000 до 3000 года до Р. Х., вторую—отъ 3000—2500 г., третью—отъ 2500 до 1900 г. Характерныя для первой стадіи непросверленные каменные топоры обыкновенно бываютъ еще небольшого размѣра, плохо отшлифованы, и въ качествѣ матеріала при изготовленіи ихъ пользовались безъ разбора первой попавшейся мѣстной породой камня: серпентиномъ, діоритомъ, сланцомъ. Топоры-молотки съ просверленными отверстиями имѣютъ тоже весьма неуклюжій видъ. Глиняная посуда груба, преимущественно цилиндрической формы, и лишена украшеній. Малочисленное населеніе жило еще въ значительнѣйшей мѣрѣ добычей отъ охоты.

Оружіе и орудія средней, или моосзеедорфской, стадіи, къ которой принадлежитъ большинство неолитическихъ свайныхъ построекъ, сдѣланы уже болѣе тщательно; топоры-молотки съ отверстиемъ для вставленія рукоятки теперь встрѣчаются часто очень большихъ размѣровъ. Клинки плоскихъ топоровъ выдѣланы, въ количествѣ отъ 5—8%, изъ рѣдкихъ породъ камня: нефрита, жадеита и хлоромеланита. Глиняные сосуды снабжены ушками для подвѣшиванія или просверленными придатками и носятъ примитивныя украшенія въ видѣ простыхъ черточекъ. Многочисленное короткоголовое населеніе существовало въ равной почти мѣрѣ за счетъ занятія охотой и скотоводствомъ.

Третья и послѣдняя, финельцкая, стадія представляетъ собою бронзовый вѣкъ Швейцаріи. Нефритъ уже рѣже примѣняется для издѣлій, и взамѣнъ его теперь

впервые появляется мѣдь; ее въ изобиліи употребляютъ на изготовленіе орудій, главнымъ образомъ топоровъ съ плоскими клинками, и предметовъ украшенія. Просверленные каменные молотки встрѣчаются въ весьма значи-

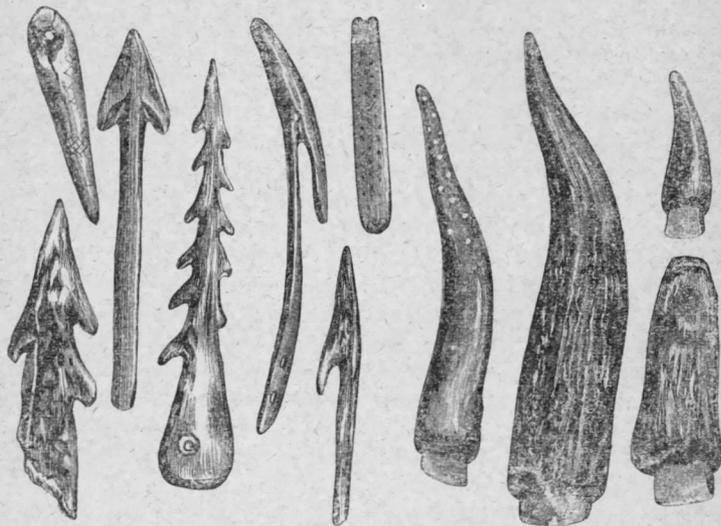

Рис. 23. Орудія изъ оленьяго рога и клинки каменныхъ топоровъ въ роговой оправѣ. Изъ свайныхъ построекъ на Невшательскомъ озерѣ. (Съ оригиналовъ, находящихся въ Естеств.-историч. музеѣ въ Вѣнѣ.)

тельнымъ количествомъ и имѣютъ болѣе совершенную, удлиненную форму. Орудія изъ дерева или оленьяго рога также весьма разнообразнаго вида (рис. 23). Произведенія гончарнаго искусства отличаются болѣе совершенными типами сосудовъ и разнообразіемъ ручекъ и ушковъ; къ новымъ видамъ принадлежатъ предметы такъ называемой „шнуровой керамики“, характерной вообще для конца новаго каменнаго вѣка. Къ этому же времени относится упомянутое выше улучшение породы скота, а къ старому короткоголовому населенію начинаетъ теперь примѣшиваться новое, длинноголовое (сѣверное?); вначалѣ оно составляетъ еще меньшинство, но позднѣе

будетъ временно занимать даже первенствующее положеніе. Орнаментъ гончарныхъ произведеній временъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка въ восточной части Альпъ отличается богатствомъ и своеобразіемъ формъ, по своему стилю напоминающихъ отчасти украшенія ранняго металлическаго вѣка въ дальнихъ юго-восточныхъ странахъ—Малой Азіи и Кипрѣ (рис. 24 и 25). Часто встрѣчающіяся на этихъ глиняныхъ издѣліяхъ изображенія единичныхъ круговъ, по большей части концентрическихъ и съ зубцеобразнымъ краемъ (ср. рис. 25,а) составляютъ пережитки болѣе древняго типа украшеній спи-

Рис. 24. Глиняные сосуды изъ поздне-неолитической свайной постройки (мѣдный вѣкъ) на Лайбахскомъ торфяникѣ. (Рамковый стиль керамики восточно-альпійскихъ свайныхъ построекъ.)

рально расположенными лентами, а рѣшетчатые четырехугольники между ними—остатки тангенціальныхъ связей между отдѣльными волүтами. Именно, такое своеобразное соединеніе, какъ одновременный результатъ разложенія,

наблюдается, въ равной мѣрѣ, и въ свайныхъ постройкахъ на Мондскомъ озерѣ, и въ слояхъ мѣдно-бронзового вѣка на Кипрѣ (см. часть II, рис. 4).—Относительно

Рис. 25. Глиняные сосуды и черепки изъ свайной постройки на Лайбахскомъ торфяникѣ. (Съ оригиналовъ, хранящихся въ Естеств.-историч. музеѣ въ Вѣнѣ.)

ленточно-спирального орнамента среди иныхъ видовъ неолитическихъ стилей см. ниже.

Третью обширную и хорошо изученную неолитическую провинцію образуетъ средне-европейская зона въ предѣлахъ между предальпійскими странами, съ одной стороны, и областью сѣверной культуры каменного вѣка — съ другой. Съ сѣверо-запада на юго-востокъ этотъ обширный поясъ простирается отъ Бельгіи до Босніи, охватывая гряду средне-германскихъ горъ, а также области между Судетами и Карпатами. Здѣсь и были установлены руководящія керамическія формы и типы украшеній, на ряду съ которыми продолжаютъ выступать столь же характерные типы каменныхъ издѣлій. Формы жилыхъ построекъ занимаютъ промежуточное положеніе между типами жилищъ сѣвера, съ одной стороны, и предальпійскихъ странъ—съ другой. Это уже не свайныя постройки, но все же въ большинствѣ случаевъ сплоченныя большія деревни или мѣстечки, расположенныя то на низменно-

стяхъ, то на возвышеніяхъ, то въ котловинахъ между горами. Каждая же постройка, взятая въ отдѣльности, напоминаетъ больше всего первобытную хижину сѣвера. Въ большинствѣ случаевъ жилища строились надъ искусственно сдѣланнымъ углубленіемъ, имѣя всего чаще круглую форму и только одно помѣщеніе внутри; но иногда они бывали четырехугольныя и съ внутренними подраздѣленіями, подобно, на примѣръ, постройкамъ неолитическихъ деревень Гросгартаха у Гейльбронна, въ Вюртембергѣ. Отдѣльные двory, а то и цѣлыя деревни, нерѣдко обносились валомъ или рвомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой плодородной области рано развилось хлѣбопашество и мѣстами получило значеніе главнаго промысла. Что же касается соотношенія между дикими животными и домашними, то оно неодинаково въ разныхъ культурныхъ подгруппахъ и на различныхъ стадіяхъ,— и этого мы будемъ принуждены коснуться еще разъ. Равномѣрнаго и совершенно однообразнаго уровня культуры на всемъ этомъ широко раскинувшемся простран-

Рис. 25,а. Керамика восточно-альпійскихъ свайныхъ построекъ такъ называемаго „стиля Мондскаго озера“ (мѣдный вѣкъ). (Четыре черепка на лѣвой сторонѣ изъ Аттерскаго озера; оба сосуда на правой—изъ Мондскаго озера.)

ствѣ, конечно, ожидать и невозможно: приходится вѣдь считаться съ особенностями, зависящими отъ мѣстныхъ природныхъ различій, благодаря чему крупныя главныя группы собственно и распадаются на болѣе мелкія. Но и

для этихъ мелкихъ подгруппъ послѣдовательность преемственныхъ ступеней развитія еще весьма и весьма спорна. Она можетъ быть здѣсь указана только въ самыхъ общихъ чертахъ и соотвѣтственно однимъ личнымъ взглядомъ автора.

Въ средней части даннаго пояса, въ области Судетъ и въ прилегающихъ къ нимъ частяхъ Германіи, можно подмѣтить такую послѣдовательность четырехъ стилей гончарнаго искусства новаго каменнаго и бронзоваго вѣковъ: 1) спирально-меандровая керамика; 2) накольно-ленточная керамика, или гинкельштейнскій типъ; 3) шнуровая керамика; 4) типъ колоколовидныхъ сосудовъ. На ряду съ этими четырьмя главными типами, могутъ быть отмѣчены и другіе. Послѣдніе слѣдуетъ разсматривать въ качествѣ связующихъ звеньевъ между четырьмя первыми типами сосѣднихъ зонъ; вліяніе какъ сѣвера, такъ и юга, вполнѣ естественно, должно было сказываться на культурахъ этого центрального по положенію района. Такъ, напримѣръ, въ Богеміи и сосѣднихъ съ нею областяхъ, рядомъ со шнуровой керамикой и колоколовидными сосудами попадаютъ также типы сѣверогерманской, скандинавской керамики и керамики свайныхъ построекъ восточныхъ Альпъ времени мѣднаго вѣка. Въ болѣе западной части того же пояса михельсбергскій типъ керамики многихъ землянокъ и могилъ Рейнскаго бассейна соотвѣтствуетъ керамикѣ свайныхъ построекъ на Боденскомъ озерѣ, въ то время какъ одновременный, быть можетъ, съ нимъ рѣссенскій типъ обнаруживаетъ удивительное сходство съ мегалитической керамикой сѣверо-западной Германіи. Какъ эти, такъ и другія второстепенныя группы можно или совсѣмъ не принимать во вниманіе или, по крайней мѣрѣ, при разсмотрѣніи отодвинуть по возможности назадъ, чтобы въ побочныхъ деталяхъ не затерялись основныя черты картины.

1. Спирально-меандровая керамика (ср. рис. 26 и 27) распространена по всей области, отъ Босніи до Бельгіи и представляетъ очень однородные по формѣ и украшеніямъ глиняные сосуды и родственныя имъ по-техникѣ каменные орудія. Преобладающими типами явля-

Рис. 26. Черепки неолитическихъ глиняныхъ сосудовъ изъ Бутмира, въ Босніи. (По Радимскому и Гёрнесу.)

ются горшки, имѣющіе видъ бомбы, и каменные топоры въ формѣ башмачной колодки. Ушковъ у такого горшка не бываетъ, а лишь особые, иногда просверленные бугорки, въ видѣ сосковъ, для подвѣшиванія его или ношенія на шнуркѣ. На немъ часто совсѣмъ нѣтъ никакихъ укра-

Рис. 27. Такъ называемые „бомбообразные“ неолитическіе горшки. Средняя Европа. (Верхній рядъ изъ сѣверной Богеміи (по Пичу), оба нижнихъ—изъ западной Германіи (по Шлицу).)

шеній, иногда же нанесены ряды грубыхъ штриховъ или испещренные вдавленными точками ленточные узоры. Последніе представляютъ собою полныя спиральныя или „меандрическія“ (т. е. зигзагообразныя или волнистыя) ленты или часто только неправильныя отрѣзки ихъ. Ясно, что и здѣсь меандръ, какъ всегда, появился благодаря тому, что спиральная лента стала дѣлаться угловатой, да и вообще весь стиль этого украшенія долженъ быть отнесенъ къ весьма неудачному подражанію узорамъ, господствовавшимъ на юго-востокѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе глубокіе слои неолитическихъ поселеній

Рис. 28. Древне-неолитическая керамика изъ Нейштифта, у Цнайма, въ Моравіи. (По Палліарди.)

въ Босніи (въ Бутмиръ, около Сараева) дали такіе великолѣпно выполненныя спиральныя украшенія, что равныхъ имъ не нашлось во всѣхъ остальныхъ частяхъ области распространенія этой керамики. Наоборотъ, вездѣ на всемъ протяженіи послѣдней находили въ изобиліи формы, носившія ясный признакъ искаженія, вырожденія и перехода этого стиля къ другимъ.

Топоръ въ видѣ башмачной колодки, плоскій съ одной стороны, сильно выпуклый съ другой, имѣетъ узкое лезвіе, тонкую, удлиненную форму и иногда достигаетъ довольно внушительныхъ размѣровъ. На ряду съ нимъ появляются также широкія, плоскія мотыки изъ камня, съ значительно менѣе сильно изогнутой широкой сторо-

ной, а мѣстами, какъ, напримѣръ, и въ Бутмиръ, многія другія формы каменныхъ клинковъ для оружія и инструментовъ, глиняныя фигуры людей и животныхъ, глиняныя ложечки со стволемъ для вставленія ручки и т. п. (см. рис. 28). Значительное большинство относящихся сюда находокъ было сдѣлано въ земляныхъ выемкахъ

Рис. 29. Черепки разрисованныхъ глиняныхъ сосудовъ изъ престностей Кронштадта, въ Трансильваніи. (По фотографіямъ, хранящимся въ Вѣнскомъ университетѣ.)

подъ жилыми строеніями того времени; однако, въ западной Германіи былъ открытъ рядъ большихъ плоскихъ могильниковъ, принадлежащихъ этой же группѣ.

Въ восточной части средней Европы и въ западныхъ областяхъ восточной найдены остатки поздней неолитической культуры съ своеобразной живописью на глиняныхъ сосудахъ (см. рис. 29 и 30); разнообразныя узоры

этой керамики произошли тоже путем распада спиральной и меандрической ленты и попытокъ придать ей большую вычурность. Одна изъ этихъ группъ, „украинская“, простирается вплоть до Греціи и на югѣ, кажется, переходитъ въ Италию. Въ этой группѣ представлены также скульптурныя издѣлія изъ глины, подобныя скульптурѣ въ Бутмирѣ, состоящія преимущественно изъ маленькихъ женскихъ фигурокъ. Къ разрисованной керамикѣ

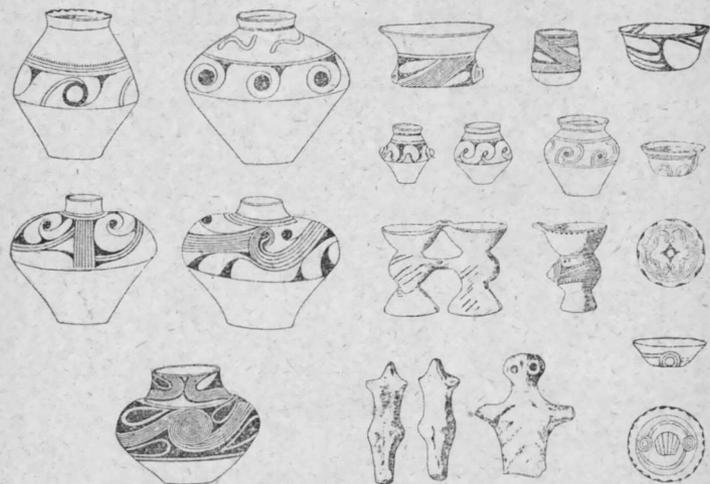

Рис. 30. Разрисованные предметы неолитической керамики изъ восточной Галиціи. (По Оссовскому.)

трансильванской группы (рис. 29) принадлежатъ статуэтки и глиняные штемпели, воспроизведенные на рисункѣ 30,а; къ родственной украинской группѣ—фигурки верхняго ряда рисунка 30,б. Сосудъ въ видѣ ванны, изображенный на послѣднемъ рисункѣ, относится къ неолитической эпохѣ и найденъ въ Венгріи. Въ связи съ изображеніями людей появляются здѣсь вилообразныя символическіе предметы, которые, кромѣ того, встрѣчаются на каменныхъ изваяніяхъ Трансильваніи и Франціи. Неолитическія глиняныя фигуры, чрезвычайно сходныя съ фи-

Рис. 30,а. Неолитическіе фигуры и штемпели изъ глины. Изъ окрестностей Кронштадта, въ Трансильваніи. (По Тейчу.)

Рис. 30,б. Прimitивныя изображенія человѣческой фигуры, относящіяся къ неолитическому и болѣе позднему времени. Верхній рядъ—статуэтки изъ Триполья и Кіева; нижній—изъ Кёрѣшбани, Сернина, Селевени.

гурами, принадлежащими къ украинской группѣ, найдены также въ Сербіи (ср. рис. 30, с.).

2. Накольно-ленточная керамика (или гинкельштейнскій типъ, названный такъ по одноименному могильнику у Монсгейма, близъ Вормса), согласно весьма цѣннымъ находкамъ въ Богеміи, Моравіи и Босніи, вѣроятно, моложе, нежели керамика спирально-меандровая. Спираль отсутствуетъ, но меандръ и его пережитки и остатки еще богато представлены. Украшенія состоятъ не изъ непрерывныхъ линій, съ разсѣянными между ними точками и черточками, а изъ рядовъ тѣсно прилегающихъ другъ къ другу насѣчекъ въ видѣ точекъ или мелкихъ штриховъ. Сосуды имѣютъ форму кубковъ и стакановъ или грушъ и часто явственно обнаруживаютъ свое проис-

Рис. 30с. Части неолитическихъ глиняныхъ фигуръ изъ Ябланицы, въ Сербіи. (По Васичу.)

хождение отъ примитивныхъ бомбообразныхъ горшковъ (рис. 31). Предполагать и въ данномъ случаѣ вырожденіе какого-либо чужеземнаго южнаго стиля — уже никоимъ образомъ нельзя; вѣрнѣе будетъ говорить о появленіи

въ стилѣ первыхъ вѣяній новаго принципа, согласно требованіямъ котораго свободно опоясывающія предметъ орнаментныя ленты начинаютъ вертикально расчленяться на отдѣльные отрѣзки и тѣмъ даютъ возможность обра-

Рис. 31. Неолитическая кольчатая керамика изъ сѣверной Богеміи. (По Пичу.)

зоваться самостоятельнымъ четырехугольнымъ полямъ съ заполняющими ихъ обособленными орнаментными фигурами. Новый принципъ стиля обязанъ своимъ происхожденіемъ принципу сѣверной, или „мegalитической“, керамики, вліяніе которой проникло и въ эту область и положило конецъ упадочнымъ формамъ типа спиральныхъ украшеній.

3. Шнуровая керамика (см. рис. 32) имѣетъ, по сравненію съ двумя первыми группами, болѣе широкое распространеніе, и притомъ съ нѣкоторымъ преобладаніемъ направленія къ сѣверо-востоку. Все указываетъ на то, что она моложе ихъ и должна быть отнесена къ концу новаго каменнаго вѣка. Руководящими формами сосудовъ являются такъ называемыя амфоры съ 2, 4 и большимъ числомъ ушковъ, кубкообразныя и цилиндрическія сосуды для питья и плоскія, иногда продолговатыя чаши. Орнаментъ воспроизведенъ при помощи оттисковъ шнуромъ или въ видѣ похожихъ на нихъ вдавленій, состоя-

шихъ каждая изъ ряда тѣсно одна къ другой примыкающихъ діагональныхъ бороздокъ, или же, наконецъ, въ видѣ расходящихся полосокъ; узоръ сравнительно простъ и

Рис. 32. Неолитическая шнуровая керамика и въ томъ же стилѣ украшенный мѣдный топоръ съ мѣдной же рукояткой. (По Пичу.)

инструментовъ служили плоскіе каменные топоры безъ просверленнаго отверстія. Область, въ которой встрѣчаются предметы этой группы, простирается отъ Швейцаріи до западной Россіи, не доходя, однако, на югъ до Дуная. Мѣстомъ

состоитъ преимущественно изъ прямыхъ линий, при чемъ нижняя часть сосуда обычно остается свободной отъ всякихъ украшеній. На ряду съ сосудами въ могильныхъ курганахъ этой группы уже часто попадаются мелкіе украшения изъ мѣди и бронзы, но металлическаго оружія пока еще нѣтъ. Тѣмъ самымъ опредѣляется время распространенія этой группы, именно—конецъ 3-го тысячелѣтія до Р. Х., приблизительно отъ 2500 до 2100 (время сѣверныхъ гробницъ съ коридоромъ и свайныхъ построекъ у Финельца). Руководящей формой каменныхъ орудій является „фасетированный топоръ - молотокъ“, представляющій собой оружіе, часто весьма красиво и элегантно исполненное. Въ качествѣ рабочихъ

находокъ являются преимущественно могильные курганы, часто заключающіе въ себѣ грубыя гробницы въ видѣ каменныхъ ящиковъ; рѣже находятъ предметы того времени въ плоскихъ могилахъ и на мѣстахъ прежнихъ жилищъ. Скелеты покойниковъ, которыхъ хоронили въ эту эпоху въ сидячемъ и скрюченномъ положеніи, указываютъ на принадлежность населенія къ сѣверной расѣ, высокорослой, съ длиннымъ черепомъ и длиннымъ лицомъ.

4. Группа колоколовидныхъ сосудовъ (см. рис. 33), по времени тѣсно примыкаетъ и отчасти, быть

Рис. 33. Сосуды колоколовидной группы изъ области Судетскихъ горъ. Два верхнихъ изъ окрестностей Праги (по Гелинеку); нижній изъ Моравіи (по Палліарди.)

можетъ, совпадаетъ со спиральной керамикой, но по своему распространенію рѣзко отличается отъ нея, занимая болѣе западныя и юго-западныя области, благодаря чему въ средней и сѣверной Европѣ могли проявиться только болѣе или менѣе сильныя отпрыски этой группы. Даже въ бассейнѣ Средиземнаго моря—мѣстѣ ея возникновенія—она встрѣчается только на западѣ, а именно—въ верхней Италіи, Сициліи, Сардиніи, Испаніи и Португаліи. Во Франціи она развивается нѣсколько раньше, чѣмъ въ Англии, гдѣ ея появленіе совпадаетъ съ началомъ бронзоваго вѣка. Въ средней Европѣ область ея

распространения простирается вплоть до Будапешта. Въ сѣверныхъ ящикообразныхъ каменныхъ могилахъ четвертой или послѣдней неолитической ступени попадаются мѣстныя копии колоколовидныхъ кубковъ, на ряду съ чужеземными (отлитыми изъ металла) кинжалами и клинками топоровъ. Кромѣ колоколовидно изогнутыхъ сосудовъ, по большей части безъ ручекъ, въ составъ этой группы гончарныхъ издѣлій входятъ плоскія чашки, небольшіе горшки съ ушками и другія формы. Часто сосуды, принадлежащіе къ этой керамической группѣ, отличаются чудесной красной окраской и зеркальной полировкой стѣнокъ. Орнаментъ, состоящій изъ насѣчекъ и бороздокъ, заполненныхъ бѣлой краской, представляетъ рядъ широкихъ параллельныхъ полосъ, обѣгающихъ вокругъ сосуда; полосы въ большинствѣ случаевъ расчленены вертикальными линиями и испещрены прямолинейными узорами, отдѣльныя детали которыхъ повторяются съ ритмической правильностью. Вмѣстѣ съ произведениями этой керамики встрѣчаются простые мѣдные кинжалы и иглы, во Франціи—также предметы украшенія изъ золота, затѣмъ продолговатыя четырехугольныя пластинки, въ видѣ предохранительной подушки, надѣвавшейся на большой палецъ стрѣлками изъ лука, и каменные наконечники стрѣлъ. Мѣстами находокъ являются чаще различного рода могилы, нежели жилища помѣщенія: въ Сардиніи это—гроты, въ верхней Италиі, Испаніи и средней Европѣ—плоскія земляныя могилы, во Франціи—долмены, въ Англии—курганы (tumuli), въ громадномъ большинствѣ случаевъ со скелетами, отличающимися короткой формой головы. Мы врядъ ли сдѣлаемъ большую ошибку, если отнесемъ эту группу ко времени отъ 2100 до 1900 года до Р. Х.; для западной же части бассейна Средиземнаго моря ея возрастъ, повидимому, слѣдуетъ считать значительно болѣе глубокимъ.

Эти четыре основныя группы отличаются другъ отъ друга не только по времени, но и въ смыслѣ своего пространственнаго распредѣленія, на что указываетъ распространение первой въ южномъ, второй—въ сѣверномъ, третьей—въ сѣверо-восточной, четвертой—въ юго-западномъ направленіи. Въ силу этого, самое зарождение этихъ че-

тырехъ стилей мы имѣемъ право искать тоже въ указанныхъ направленіяхъ. Причину такой многократной смѣны видовъ стилиа—да и не однихъ только послѣднихъ—можно видѣть какъ въ культурныхъ сношеніяхъ между осѣдлыми народами, такъ равно въ цѣлыхъ народныхъ переселеніяхъ. Впрочемъ, утверждать въ этомъ отношеніи что-либо болѣе опредѣленное мы не имѣемъ возможности

Кромѣ четырехъ главныхъ группъ неолитической керамики, въ этой области могутъ быть установлены еще нѣсколько группъ средней и малой величины. Сюда принадлежатъ михельсбергскій и рѣссенскій типы, типъ бернбургскій и шаровидныя амфоры (рис. 34). Обѣ послѣднія формы приблизительно одновременны и, безусловно, должны быть отнесены къ позднему неолитическому времени. Онѣ распространены въ сѣверо-восточномъ направленіи, и иногда на ряду съ ними находятъ мелкіе предметы украшенія изъ металла. Напротивъ, хронологическія данныя относительно двухъ первыхъ типовъ, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, западнымъ и сѣверо-западнымъ областямъ средне-европейской зоны, до сихъ поръ еще крайне спорны и не достовѣрны. Можно думать, что обѣ эти группы приблизительно относятся къ одному времени и, по всей вѣроятности, болѣе древни, чѣмъ двѣ послѣднихъ. Два первыхъ типа, вѣроятно, принадлежатъ къ первой, два послѣднихъ—ко второй половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Х. Если такое предположеніе вѣрно, то въ нашемъ распоряженіи оказывается рядъ хронологическихъ датъ и параллелей. Конечно, какъ и при всѣхъ такихъ попыткахъ вычисленій, достовѣрность

Рис. 34. Неолитическая шаровидная амфора изъ Бранденбурга. (Съ оригинала, хранящагося въ Берлинскомъ этнографическомъ музѣ.)

последней может быть признана лишь съ известной оговоркой.

1. Керамика спирально-меандровая: главнымъ образомъ до 3000 года до Р. Х.; дальнѣйшее ея существованіе имѣетъ лишь мѣстный характеръ, хотя подчасъ и значительное развитіе въ нѣкоторыхъ восточныхъ областяхъ (Богемія, Польша, западная Россія, гдѣ въ позднѣйшее время было сильно распространено также раскрашиваніе сосудовъ).

2. Накольно-ленточная керамика, михельсбергскій и рёссенскій типы: приблизительно отъ 3000 до 2500 гг. до Р. Х., отчасти и позднѣе.

Рис. 35. Неолитическая керамика изъ Гроссгартаха близъ Гейльбронна. (По Шлицу.)

3. Шнуровая керамика, бернбургскій типъ и шаровидныя амфоры: приблизительно отъ 2500 до 2100 года до Р. Х. и отчасти позднѣе.

4. Колоколовидные сосуды и послѣдніе пережитки предыдущихъ видовъ стили: приблизительно отъ 2100 до 1900 г. до Р. Х.

Кромѣ этихъ главныхъ группъ, наблюдаются многія мелкія мѣстныя отличія и особенности развитія. Такъ, на примѣръ, гроссгартахскій типъ представляетъ собой болѣе позднее развитіе въ юго-западной Германіи рёссенскаго типа, и не только въ отношеніи керамики (рис. 35), но и въ смыслѣ хозяйственныхъ формъ. Хронологическое соотношеніе между культурой спиральнаго меандра, рёссенской и гроссгартахской группами можно установить по найденнымъ въ землянкахъ у Монсгейма,

въ Гессенѣ, костямъ животныхъ; но, идя этимъ путемъ, мы едва ли имѣли бы право сказать съ увѣренностью, что нами найдена истинная временная послѣдовательность, т. к., по всей вѣроятности, ходъ прогресса былъ совсѣмъ не такимъ, какимъ мы его себѣ представляемъ а priori.

Въ рёссенскихъ землянкахъ только что указаннаго мѣста находокъ дикіе звѣри (главнымъ образомъ туръ, благородный олень и кабанъ), служившіе предметомъ охоты, составляютъ приблизительно только половину всѣхъ употреблявшихся тогда въ пищу животныхъ, а въ гроссгартахскихъ землянкахъ—даже только одну десятую. Среди домашнихъ животныхъ рёссенскихъ землянокъ значительно преобладаетъ рогатый скотъ, въ то время какъ въ гроссгартахскихъ кости овцы и свиньи встрѣчаются одинаково часто съ остатками перваго. Кромѣ того, животныя на обѣихъ этихъ ступеняхъ культуры различны по типу: на болѣе ранней они примитивнѣе, болѣе сходны съ дикими формами, напротивъ, на болѣе молодой носятъ ясный отпечатокъ болѣе долгаго разведенія. Коза, какъ животное юга, отсутствуетъ и тамъ и здѣсь и появляется вмѣстѣ съ спиральной меандровой керамикой, но равно и въ землянкахъ михельсбергскаго типа. Однако, на этомъ основаніи еще нельзя считать двѣ послѣднія группы моложе двухъ первыхъ, какъ это дѣлали прежде, т. к. съ теченіемъ времени могло произойти и уменьшеніе, а не увеличеніе числа формъ домашнихъ животныхъ. Благодаря медленному проникновенію въ значительную часть областей средней Европы сѣверныхъ племенъ, занимавшихся охотой и скотоводствомъ, какъ полеводство, такъ и разведеніе древнѣйшихъ породъ скота могли въ серединѣ неолитическаго періода испытать известныя регрессы. Смѣна стилей керамики, а отчасти и формъ построекъ для жилья, подтверждаютъ подобное предположеніе.

2. Новый каменный вѣкъ въ другихъ странахъ свѣта.

а) Сходство и различіе.

Внѣ Европы новый каменный вѣкъ выраженъ уже не однѣми ископаемыми находками, возрастъ которыхъ опре-

дѣляется двумя и болѣе тысячелѣтіями до начала нашей эры. На ряду съ такими древностями здѣсь должны быть поставлены свидѣтели недавняго или совсѣмъ еще свѣжаго прошлаго, а мѣстами — даже предметы современнаго быта, подобно тому, какъ это наблюдается и по отношенію къ области палеолитической культуры. Однако, какъ и по отношенію къ послѣдней, древніе остатки, найденные въ землѣ въ предѣлахъ другихъ частей свѣта, могутъ раскрыть намъ и здѣсь сравнительно немного новаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на всемъ пространствѣ Европы, включая и западную, южную и восточную части (мы не имѣли возможности рассмотреть послѣднія нѣскольکو ближе), неолитическія группы и ступени существовали также въ Африкѣ, Азіи, Америкѣ и на островахъ Южнаго океана. Но эти группы и ступени изучены по большей части далеко еще не въ такой полной степени, какъ новый каменный вѣкъ Европы. Все же основныя черты этой культуры наблюдаются повсемѣстно, гдѣ только извѣстныя группы человечества совершили то же послѣдовательное движеніе впередъ,—отъ чистой охоты къ земледѣлію или скотоводству или обѣимъ формамъ хозяйства одновременно, къ осѣдлому образу жизни и шлифовкѣ камня, къ гончарному искусству, равно какъ и къ другимъ, знаменующимъ прогрессъ, пріобрѣтеніямъ дометаллическаго времени.

Значительно поучительнѣе древнихъ неолитическихъ находокъ въ другихъ частяхъ свѣта являются картины самой подобной культуры изъ недавняго прошлаго или даже современной намъ эпохи, которыя притомъ нерѣдко еще могутъ быть подвергнуты непосредственному дальнѣйшему изученію. Крайне важно, конечно, сравнить найденные въ Японіи, Америкѣ и другихъ отдаленныхъ странахъ древніе каменные наконечники стрѣлъ, клинки топоровъ и ножей, черепки горшковъ съ таковыми же открытыми въ Европѣ, чтобы установить ихъ сходства и различія. Но несравненно болѣе важно изучить неолитическія племена Меланезіи и Центральной Бразиліи, только что на нашихъ глазахъ исчезающія или и нынѣ еще существующія, и посмотреть, въ какой мѣрѣ ихъ культура подчасъ тѣсно совпадаетъ въ своихъ основ-

ныхъ чертахъ съ культурой древне-европейской, и чѣмъ она отчасти существенно дополняетъ и расширяетъ наше представление о послѣдней. Въ такомъ случаѣ прежде всего выяснится, какія существенно отличныя отъ прежнихъ бытовыя черты влечетъ за собою и надолго утверждаетъ переходъ отъ чисто присваивающей формы хозяйства охотничьяго періода къ формѣ сберегающаго и воспроизводящаго хозяйства скотовода и земледѣльца. Въдѣ древнія находки въ состояніи раскрыть только матеріальную сторону культуры, какъ-то: характеръ пищи, способъ постройки домовъ, одѣяніе и украшеніе, оружіе и инструменты. И только свидѣтели недалекаго или совсѣмъ еще недавняго прошлаго могутъ освѣтить общественный строй, духовную культуру и нравственный уровень первобытнаго земледѣльца или скотовода. Въмѣстѣ съ тѣмъ они оттъняютъ намъ тѣ крупныя отличія, которыя, главнымъ образомъ въ силу неравенства бытовыхъ условий, имѣютъ мѣсто между единичными группами представителей этихъ видовъ хозяйства. Для исчерпывающаго рассмотрѣнія такого рода различій пришлось бы сдѣлать обзоръ быта всѣхъ тѣхъ племенъ, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ, которыя впервые познакомились съ металлами благодаря европейцамъ. Сдѣлать такой обзоръ здѣсь—мы лишены возможности, а наше дальнѣйшее изложеніе ставитъ себѣ цѣлью дать только общій намекъ на ходъ рѣшенія этой задачи.

Народы, живущіе производящимъ хозяйствомъ, какъ бы примитивно и односторонне оно ни было, придерживаются, подобно охотничьимъ племенамъ, смѣшанныхъ видовъ хозяйственнаго производства, такъ какъ питаніе ихъ состоитъ одновременно и изъ растительныхъ, и изъ животныхъ продуктовъ. Но пищи своей они не отнимаютъ хищнически у дѣвственно-свободной природы, подобно насѣкомымъ-паразитамъ или чужероднымъ растеніямъ. Предметы для питанія они добываютъ симбіотически, при соблюденіи условий взаимно поддерживающаго сожительства съ организмами, доставляющими имъ питательные продукты. Изъ охоты возникаетъ скотоводство, собираніе дикорастущихъ растеній обращается въ воздѣлываніе ихъ. Однако, вначалѣ долго не отказываются время

отъ времени прибѣгать вновь къ тѣмъ же хищническимъ начальнымъ моментамъ этихъ новыхъ отраслей хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно либо скотоводство, либо земледѣліе играетъ роль главнаго или исключительнаго промысла. Но тогда исходная паразитическая форма даетъ возможность пользоваться, въ качествѣ пищи, и такими продуктами, симбиотическое добываніе которыхъ или находится въ пренебреженіи, или является совершенно не извѣстнымъ. Существуютъ чистые земледѣльцы и чистые скотоводы. Однако, первые не отказываются отъ животной пищи—они охотятся и собираютъ мелкихъ животныхъ, вторые—отъ пищи растительной, которую они находятъ среди дикорастущихъ полезныхъ растений. Весьма часто, впрочемъ, эти двѣ болѣе прогрессивныя отрасли хозяйства уживаются вмѣстѣ, но въ большинствѣ случаевъ такъ, что одна изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ надъ другой. Отсюда возникаетъ пестрая цѣпь отдѣльныхъ видовъ дѣятельности по добыванію средствъ къ существованію, большей частью какъ результатъ различій въ характерѣ почвы, на которой живутъ отдѣльные народы: кочевое скотоводство въ степныхъ областяхъ, разведеніе плодовыхъ деревьевъ въ роскошныхъ тропическихъ странахъ, земледѣліе въ плодородныхъ равнинахъ умѣреннаго пояса и т. д. И среди неолитическихъ племенъ Европы точно также существовали различные типы хозяйства; однако, и здѣсь, въ зависимости отъ времени или мѣста, всегда та или другая дѣятельность въ сферѣ добыванія средствъ существованія становилась преобладающей.

б) Низшія ступени воздѣлыванія растений и скотоводства.

На зарѣ разведенія полезныхъ растений еще не существуетъ обработки полей съ помощью плуга и рабочаго скота. Болѣе легкое взрыхленіе земли посредствомъ мотыги, и теперь еще практикующееся во многихъ мѣстахъ, на этой ступени хозяйства господствуетъ всецѣло. Последнее составляетъ болѣею частью, занятіе женщинъ, на которыхъ еще и до перехода къ искусственному разведенію растений лежали заботы по собиранію и изготовленію растительной пищи. Мужчина попрежнему про-

должаетъ оставаться охотникомъ или обращается къ скотоводству: земледѣльцемъ становится онъ лишь съ введеніемъ плуга, запряженнаго рогатымъ скотомъ. Низшіе виды воздѣлыванія полезныхъ растений въ весьма различныхъ, зависящихъ отъ характера почвы, формахъ, имѣютъ въ настоящее время гораздо большее распространеніе, чѣмъ чисто охотничьи формы хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ представлены и значительно полнѣе, сравнительно съ низшими видами скотоводства. Разведеніемъ растений занимается большинство темнокожихъ племенъ Африки, затѣмъ—значительная часть народностей южной Азіи, и поголовно все населеніе острововъ Малайскаго архипелага и Полинезіи. Всѣ первобытные народы Америки, поднявшіеся надъ ступенью охотничьяго хозяйства, обратились къ примитивному воздѣлыванію полезныхъ растений. Такимъ образомъ, эта форма хозяйства распространена преимущественно, хотя не исключительно, во всемъ южномъ полушаріи земли.

Чрезвычайно богатымъ слѣдствіями шагомъ впередъ, связаннымъ со всякой земледѣльческой культурой, является постепенный переходъ племенъ къ осѣдлому образу жизни. Но такъ какъ состояніе осѣдлости противорѣчитъ изначальнымъ привычкамъ первобытнаго человечества, то и племена, стоящія на низшей ступени разведенія полезныхъ растений, часто являются еще полукочевниками; ихъ бродячій образъ жизни вполне ясно показываетъ всю трудность перехода отъ паразитической формы хозяйства къ симбиотической. Такъ, воздѣлываемая земля попрежнему признается общимъ достояніемъ всего племени и обрабатывается совмѣстно. Обособленное право владѣнія на землю раньше всего получили женщины, когда онѣ еще однѣ обрабатывали ее, и отсюда возникли явленія матриархата—наслѣдованіе по матери въ семьѣ и въ родовомъ союзѣ, возникшемъ изъ отдѣльныхъ родственныхъ по крови семей и поддерживавшемся совмѣстнымъ хозяйствомъ. Вначалѣ и на этихъ ступеняхъ культуры еще господствуетъ полное имущественное равенство, демократическій коммунизмъ, основанный на равномъ участіи всѣхъ въ производствѣ средствъ существованія. Лишь войны, земельныя завоеванія и захватъ рабовъ, которые

отнынѣ предназначаются для обработки полей, разрываютъ эти старыя пути, мѣшающія прогрессу. Въ формахъ религіозныхъ воззрѣній, на ряду съ пережитками характернаго для ступени охоты круга идей, направленныхъ и въ сферѣ духовной культуры преимущественно на животный мѣръ, теперь часто можно замѣтить обращеніе мысля къ кормилицѣ-землѣ — своего рода геотропизмъ, находящій свое выраженіе въ хтоническихъ образахъ и культахъ. Мать-Земля, подобіе смертной женщины, становится племеннымъ божествомъ, всеобщей родительницей и кормилицей, которое въ концѣ концовъ, всѣхъ снова принимаетъ въ свое лоно.

Столь же медленно, и потому съ трудомъ уловимо, совершался переходъ отъ охоты къ скотоводству, — переходъ, въ своихъ зачаткахъ мало замѣтный и жалкій, по своимъ результатамъ — столь могучій и полный глубокихъ послѣдствій. Здѣсь уже проявилось участіе мужской половины человѣчества въ процессѣ достиженія высшихъ ступеней хозяйства. Гдѣ это участіе выступаетъ впередъ съ особой силой, тамъ уже не обнаруживается такихъ мягкихъ и ровныхъ формъ культуры, какъ на низшей ступени земледѣлія. Одностороннее занятіе скотоводствомъ вынуждаетъ человѣка вести кочевую жизнь, такъ какъ ему нужны столь обширныя пространства земли, что даже пустынь онъ отдаетъ предпочтеніе передъ оазисами и оставляетъ увядать неиспользованными дары плодородныхъ, но ограниченныхъ по размѣрамъ странъ. Пастушеская жизнь удерживаетъ народъ на бѣдной по своимъ потребностямъ, часто неспособной уже къ дальнѣйшему развитію ступени. Впрочемъ, кочевое скотоводство по большей части развивается въ мѣстностяхъ, мало пригодныхъ для культуры растений. Такъ, альпійскіе крестьяне отчасти еще продолжаютъ оставаться кочевниками, хотя они уже мѣняютъ пастбища своихъ стадъ скорѣе въ вертикальномъ, чѣмъ въ горизонтальномъ направленіи. Такимъ образомъ, кочевое пастушество имѣетъ свое значеніе, и оно заключается въ томъ, что съ его помощью завоевываются для прогрессивной формы хозяйства обширныя, не поддающіяся культурѣ полезныхъ растений равнинныя и горныя пространства.

Низшія скотоводческія племена имѣются въ большомъ числѣ въ сѣверной Азіи; но сюда же относятся и разводящее рогатый скотъ племя тода въ передней Индіи. Лопари, занимающіеся оленеводствомъ, представляютъ собою единственное бродячее пастушеское племя, живущее еще и понынѣ въ Европѣ. Въ Азіи и сѣверной Африкѣ кочуютъ со своими табунами бродячія арабскія племена, а по всей Африкѣ, вплоть до южной ея оконечности, живутъ ведущіе скотоводческое хозяйство темнокожіе народы. Въ Старомъ Свѣтѣ кочевниками-скотоводами заняты, на ряду со многими небольшими, двѣ крупныя области: во-первыхъ, въ Азіи — громадныя равнины къ сѣверу отъ поселеній восточно-арійскихъ народностей и китайцевъ, и, во-вторыхъ, въ Африкѣ — пустыни къ сѣверу отъ области суданскихъ негровъ. Богатый и плодородный Египетъ, вслѣдствіе своего положенія между землями азіатскихъ и африканскихъ кочевниковъ, очень часто долженъ былъ терпѣть отъ нападений кочевыхъ пастушескихъ племенъ. Напротивъ, Америка, до открытія ея европейскими мореплавателями, не имѣла ни одного пастушескаго племени, да и теперь таковыми являются тамъ лишь полудикія племена живущихъ въ пампасахъ наѣздниковъ, при чемъ даже животныя, которыхъ они разводять, — лошади, — привезены были изъ Европы. Въ старину, какъ свидѣтельствуется сравнительное языковѣднѣе, и многія индогерманскія племена Европы точно такъ же вели кочевую пастушескую жизнь.

Низшій скотоводъ съ презрѣніемъ относится къ занятію земледѣліемъ, хотя рѣдко можетъ обойтись совершенно безъ него. Предметомъ его заботъ и желаній являются стада, составляющія все его богатство; однако, вслѣдствіе многихъ опасностей, угрожающихъ имъ отъ хищныхъ животныхъ, разбойниковъ, заразныхъ болѣзней, засухи, мороза и т. д., они могутъ служить лишь весьма непрочной основой его экономическаго существованія. Въ обычное время его перекочевыванія ограничиваются переходами съ однихъ луговъ и водоемовъ на другіе внутри области, принадлежащей его собственной семьѣ или родовому союзу; при чемъ какъ перемѣщенія эти, такъ и предѣлы ихъ опредѣляются старыми обычаями и

смѣной времянь года. Но, подѣ влияніемъ нужды или жажды грабежа, воинственныя пастушескія племена весьма часто переступаютъ обычныя границы и подвергають со-сѣднія, иногда даже отдаленныя области, всѣмъ ужасамъ завоеваній и разгрома. Въ такихъ набѣгахъ, имѣющихъ характеръ паденія непрерывно увеличивающейся въ объ-емѣ лавины и много разъ приводившихъ къ образованію большихъ, быстро распадавшихся государствъ, лежитъ главный источникъ того сильнаго имущественнаго разли-чія, которое большей частью встрѣчается у скотоводче-скихъ народовъ. Храбрый и счастливый воинъ приобрѣ-таетъ женъ, рабовъ, стада, между тѣмъ какъ менѣе спо-собный утрачиваетъ ихъ.

Бродячая жизнь большинства пастушескихъ племенъ не даетъ развиваться у нихъ зодчеству, гончарному про-изводству и другимъ, связаннымъ съ осѣдлымъ образомъ жизни, видамъ искусства и ремесла. Зато у нихъ часто встрѣчаются красивыя ткани, издѣлія изъ войлока и кожи, однимъ словомъ, предметы, изготовленіе которыхъ воз-можно при жизни въ палаткахъ или даже вызывается ею. Впрочемъ, значительная часть ихъ богатствъ со-стоитъ изъ предметовъ чужеземнаго производства, по-хищенныхъ или вымѣненныхъ, тогда какъ скотоводство, объектъ котораго—стада—множится самъ по себѣ, явля-ется плохимъ воспитателемъ ремесленнаго рвенія и труда. Равнымъ образомъ, и бракъ съ одной или многими же-нами часто основанъ на похищеніи или куплѣ, при чемъ и послѣднюю любятъ сопровождать почетной для муж-чины церемоніей похищенія. Въ противоположность формѣ семьи у народовъ низшей ступени земледѣльческаго хо-зяйства, семья у пастушескихъ народовъ въ большинствѣ случаевъ строго патріархальная. Скотоводство и война даютъ мужчинѣ еще большій, подавляющій перевѣсъ надъ женщинами и дѣтьми, сравнительно съ положеніемъ муж-чины-охотника. Женщина здѣсь совершенно лишена иму-щества и вліянія: она цѣнится только какъ товаръ, и даже собственные ея сыновья не считаютъ нужнымъ при-знавать за ней достоинства матери, какъ только усвоятъ себѣ сознание своего мужского превосходства.

Въ прежнее время культурныя государства еще не

умѣли возводить противъ хищныхъ сосѣдей столь совер-шенныхъ, какъ въ наши дни, преградъ, и кочевые па-стушескіе народы играли тогда весьма часто крупную историческую роль, не только какъ нарушители мира, но и въ качествѣ обновителей старѣющихъ культуръ. Въ отжившіе народныя организмы они вливали струи новой крови, то зажигая ихъ новою свѣжею жизнью, то, по край-ней мѣрѣ, пробуждая ихъ дремлющія силы и вызывая къ энергичному сопротивленію. Таковы, на примѣръ, много-кратныя вторженія семитскихъ пастушескихъ народовъ въ древній Египетъ, иранскихъ скивовъ (киммерійцевъ) въ Переднюю Азію; позднѣе — мощныя выступленія гун-новъ, аваровъ, мадяровъ, османовъ и монголовъ и въ Азіи и Европѣ, наступательное движеніе арабовъ съ ихъ полуострова, — и здѣсь мы перечисляемъ только наиболѣе извѣстныя событія всемірной исторіи, которыми кочевые пастушескіе народы нѣкогда потрясли и отчасти видо-измѣнили западную половину Стараго Свѣта. Однако, можно съ увѣренностью утверждать, что сосѣдство такихъ племенъ во всѣ времена угрожало созданной осѣдлыми земледѣльческими народами культурѣ и подавляло ее. Тщетно Киръ и Дарій пытались укротить: первый — мас-сагетовъ, второй — дунайскихъ скивовъ, и недаромъ Ге-родотъ виднѣйшимъ изобрѣтеніемъ скивовъ считаетъ выработанное ими, благодаря кочевымъ навыкамъ, умѣнье ускользать отъ всякихъ преслѣдованій. Паряне, ведшіе такую же кочевую жизнь, захватили при Селевкидахъ въ свои руки всю восточную часть Передней Азіи. Ихъ держава выросла въ настоящую соперницу міровой Рим-ской имперіи; но въ VII вѣкѣ по Р. Х. явились арабы и вырвали съ корнемъ культуру государства Сассанидовъ.

Еще большія разрушенія произвели узкоглазая раса Алтая и Байкальскаго озера, сначала гунны и авары, за-тѣмъ турки и монголы. Вторженія мадяровъ и турокъ, изъ которыхъ одни подверглись цивилизующему вліянію хри-стіанства, другіе — ислама, являются не столь роковыми, какъ вторженіе гунновъ и аваровъ. Но и первые совер-шили достаточно ужасовъ и звѣрствъ, прежде чѣмъ осѣли въ прочныхъ государственныхъ границахъ. Мадьяры-языч-ники были кочевниками - коневодами; они ѣли лошади-

ное мясо, пили кумысь и даже лошадиную кровь. Вмѣстѣ съ тѣмъ занимались они охотой и рыбной ловлей, но ненавидѣли и презирали земледѣліе; богамъ своимъ также приносили въ жертву лошадей. Исторія повѣствуетъ, какъ, послѣ взятія Панноніи, они не одинъ, а много разъ появлялись на Балтійскомъ морѣ и на Рейнѣ, въ южной Франціи и нижней Италіи. Безчисленное множество городовъ предали они огню, перебили цѣлыя арміи, рядъ князей и государствъ сдѣлали своими данниками. Ужасъ передъ венграми, вопли и стоны народовъ распространились далеко на Западъ, за самые Пиренеи. „Грудами корчились въ предсмертныхъ судорогахъ юноши и старцы, грудныя дѣти и дѣвушки“,—пишетъ епископъ констанцскій Соломонъ около 900 года по Р. Х.,— „и бѣлизной сверкали поля, усѣянные костями убитыхъ“.

Завоеванія и походы монголовъ захватили значительно большее пространство, сравнительно съ походами Александра Македонскаго, крестовыми походами или завоеваніями Наполеона I. Въ соотвѣтствіи съ охваченнымъ ими громаднѣмъ пространствомъ находились и тѣ колоссальныя массы людей, которыя, съ одной стороны, были приведены въ движеніе, а съ другой—сметены съ лица земли огнемъ и мечомъ. Съ быстротою молніи появились эти воинственныя орды пастуховъ изъ мрака своей родной пустыни, чтобы предать пожару и опустошенію полміра. Однако, безъ подобныхъ потрясеній извнѣ культуры осѣдлыхъ народовъ, вѣроятно, выродились бы и застыли, или же однородные элементы безславно истребили бы взаимно другъ друга, если бы ихъ не объединили и не отвлекли на себя явившіеся со стороны, равно всѣмъ враждебные противники.

Въ настоящее время такія опасности Европѣ уже не угрожаютъ, но въ странахъ, не столь отдаленныхъ, живетъ еще немало храбрыхъ пастуховъ-кочевниковъ, подавляющихъ и угнетающихъ мирнаго земледѣльца, гдѣ только возможно, т.-е. гдѣ политическая и военная власть недостаточно сильны, чтобы сдержать ихъ напоръ. Таковое положеніе дѣлъ особенно сильно сказывается въ восточной Африкѣ, но оно таково же и въ Передней Азіи. Напримѣръ, однимъ изъ такихъ племенъ

являются мазаи въ большихъ степяхъ вокругъ Килиманджаро и Кеніи, въ колоніальныхъ владѣніяхъ Германіи и Великобританіи. Принадлежа по языку къ хамитской группѣ, они въ физическомъ отношеніи имѣютъ сильную примѣсь негритянской крови, и ихъ одеждѣ и вооруженію, равно какъ ихъ разбойничьимъ выступленіямъ, охотно подражаютъ сосѣднія негритянскія племена, желающія достигнуть такого же уваженія и такого же успѣха. Свою дикую воинственную и разбойничью жизнь они ведутъ, будучи неженатыми молодыми людьми, въ возрастѣ отъ 14—15-ти лѣтъ до 30-ти или 40. Затѣмъ они женятся, переселяются въ другой край (деревню) и усваиваютъ мирныя привычки. Другое разбойничье пастушеское племя—кочевая часть курдовъ—обязано сохраненіемъ своего первобытнаго и мрачнаго образа жизни характеру своей мало доступной гористой родины и положенію ея на самой границѣ Турціи, Персіи и Россіи. Это иранское племя, происходящее отъ древнихъ кардуховъ, частью уже перешло къ осѣдлому образу жизни и къ земледѣлію. Но властью и уваженіемъ среди нихъ пользуются только живущіе въ черныхъ войлочныхъ палаткахъ бродячіе курды, грозные притѣснители персовъ и армянъ, герои безчисленныхъ нападений на торговые караваны и на высланные противъ нихъ карательные отряды войскъ. Ихъ военное искусство состоитъ, главнымъ образомъ, въ молніеносномъ нападеніи изъ хорошо выбранной засады, борьбы же въ открытомъ полѣ они избѣгаютъ. Общественной строй у нихъ совершенно патріархальный, и они образуютъ многочисленные племена, роды и семьи. Въ бракъ вступаютъ рано и притомъ путемъ покупки невѣсть; многоженство не запрещено, но встрѣчается рѣдко. Изъ ремесленныхъ произведеній назвать приходится только красивые шелковые и шерстяные ковры, которые ткуть женщины. Но торговли этими издѣліями курды не ведутъ. То, чего не доставляютъ стада, они добываютъ открытымъ грабежомъ у сосѣдей.

По образу быта новѣйшихъ кочевыхъ народовъ, описанныхъ исторіей и-этнографіей, намъ приходится себѣ представить и жизнь древнѣйшихъ доисторическихъ племенъ въ различныхъ областяхъ Европы, особенно въ

крайней восточной части нашего материка. Наибольше существенныя черты такого состоянія и имъ обусловленныхъ контрастовъ, безъ сомнѣнія, сложились уже въ періодъ позднѣйшаго каменнаго вѣка и пережили всѣ достигнутыя съ тѣхъ поръ культурой успѣхи.

Литература.

Вполнѣ цѣнныхъ работъ по первобытной культурѣ въ цѣломъ или объ отдѣльныхъ ея періодахъ не имѣется почти совсѣмъ: съ одной стороны, болѣе старыя сочиненія, вслѣдствіе того ускореннаго хода, которымъ движется современная наука, потеряли уже свое значеніе, а съ другой стороны, болѣе новыя могутъ быть здѣсь и опущены, какъ работы, не заслуживающія особаго вниманія. Наибольшее значеніе въ относящейся къ предмету литературѣ имѣютъ безчисленныя крупныя и мелкія спеціальныя монографіи, которыя здѣсь перечислять точно такъ же не мѣсто. Поэтому, здѣсь могутъ быть упомянуты лишь очень немногія работы. Изъ сочиненій общаго характера, въ книгѣ Schurtz'a „Urgeschichte der Kultur“ (1900; есть рус. пер.) использованъ, главнымъ образомъ, этнографическій, въ книгѣ автора данной книжки „Natur- und Urgeschichte der Menschen“ (2 тома, 1909), главнымъ образомъ, археологическій матеріалъ. Другія наиболѣе широкаго содержанія работы ограничиваются уже изслѣдованіемъ отдѣльныхъ странъ Европы, но захватываютъ иногда и другія области и даютъ указанія на дальнѣйшую литературу. Къ такимъ можно отнести прежде всего J. Déchelette, „Manuel d'Archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine“, 1908—10; затѣмъ J. Heierli, „Urgeschichte der Schweiz“, 1901; O. Montelius, „Les temps préhist. en Suède“, 1895; того же автора „Kulturgeschichte Schwedens“, 1906; еро же „Civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux“, 1895—1905; S. Müller, „Nordische Altertums-kunde“, 1907; еро же „Ordnung of Danmarks Oldsager“, 1888—1895; еро же „Urgeschichte Europas“, 1905; R. Munro, „Prehistoric Scotland“, 1899; B. Windle, „Prehist. age in England“, 1904; „T. Rice Holmes, „Ancient Britain“, 1907; C. Cartailhas, „La France préhist.“, 1889; I. L. Pič, „Древности Богеміи“ (на чешскомъ языкѣ, 6 томовъ), 1899—1909; L. Cervinka „Моравія въ древнія времена“ (на чешскомъ яз.), 1902; K. Buchtela и L. Niederle, „Руководство по археологіи Богеміи“ (на чешскомъ яз.), 1910; Götze-Höfer-Zschesche „Die vor- und frühgeschichtlichen Altertümer Thüringens“, 1909; R. Beltz, „Vorgeschichte von Mecklenburg“, 1899; еро же, „Die vorgeschichtl. Altertümer des Grossherzogtums Mecklenburg-Schwerin“, 2 тома, 1910; O. Rygh, „Antiquités Norvegiennes“, 1885; сюда же относится и много другихъ книгъ. О древнемъ каменномъ вѣкѣ наилучшія представленія даетъ Déchelette, „Manuel“, I, стр. 15—305; сюда же можно отнести G. и A. de Mortillet, „Le préhistorique“, 3 издание, 1900 (есть рус. пер.); тѣхъ

же авторовъ атласъ „Musée préhistorique“; S. Reinach, „Antiqu. nat. Alluvions et Cavernes“, 1889; E. Gartailhas и H. Breuil, „Peintures et gravures murales des cavernes paléolithiques“; E. Piette, „L'art à l'époque du Renne“. Свѣдѣній о новомъ каменномъ вѣкѣ надо искать то же у Déchelette и въ относящихся сюда главахъ у Heierli, Montelius, S. Müller и другихъ. Удовлетворительнаго общаго изображенія неолитическаго періода, по крайней мѣрѣ до окончанія относящихся сюда и уже производящихся трудныхъ изслѣдованій, ожидать нельзя. О датскихъ „кухонныхъ кучахъ“ (Kjökkenmøddinger) можно найти у A. P. Madsen, S. Müller и другихъ, „Affaldsdynger fra Stenalderen“, 1900. О нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся мѣстахъ находокъ въ средней Европѣ, надо искать у Radimsky-Fiala-Hoernes, „Die neolith. Station von Butmir“: 2 тома, 1895—98; A. Schliiz, „Das steinzeitliche Dorf Grossgartach“, 1901. О свайныхъ постройкахъ каменнаго (и бронзоваго) вѣка у R. Munro, „The Lake-Dwellings of Europe“, 1890.—Что касается литературы металлическаго періода, то ее можно найти во 2 и 3 частяхъ настоящаго труда. (рус. пер. печатается) (Обращаемъ вниманіе читателя на двѣ только что появившіяся книги на русскомъ языкѣ: Обермайеръ, „Доисторическій человѣкъ“ (пер. съ нѣм.), Спб. 1913, и И. И. Ооминъ „Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ“, М. 1912.)

Изданія „ФАРОСЪ“.

Ф. АУЕРБАХЪ.

Основныя понятія современнаго естествознанія.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред.
прив.-доц. Н. А. Розанова.

Цѣна 80 коп.

ГУГО ВИНКЛЕРЪ, проф. Берлинскаго университета.

Вавилонская культура въ ея отношеніи къ
культурному развитію человѣчества.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ ре-
дакціей Н. М. Никольскаго.

Цѣна 80 коп.

І. ГУНГЕРЪ и Г. ЛАМЕРЪ.

Культура древняго Востока въ картинахъ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ ре-
дакціей М. С. Сергѣева.

Цѣна 1 р. 50 к.

Печатаются:

М. ГЁРНЕСЪ, проф. Вѣнскаго университета.

Культура доисторическаго прошлаго.

Часть II. Бронзовый вѣкъ.

Часть III. Желѣзный вѣкъ.

О. НЕЙРАТЬ.

Исторія античнаго хозяйства.

Готовятся къ печати:

ГУНГЕРЪ и ЛАМЕРЪ.

Греческая культура въ картинахъ.

Его же. Римская культура въ картинахъ.

Вышли изъ печати:

Ф. АУЕРБАХЪ.

Основныя понятія современнаго естествознанія.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Дьякова,
подъ ред. прив.-доц. Н. А. Розанова.

Цѣна 80 коп.

Гуго ВИНКЛЕРЪ, проф. Берлинскаго университета.
Вавилонская культура въ ея отношеніи къ
культурному развитію человѣчества.

Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Певзнера,
подъ редакціей Н. М. Никольскаго.

Цѣна 80 коп.

І. ГУНГЕРЪ и Г. ЛАМЕРЪ.

Культура древняго Востока въ картинахъ.

Переводъ подъ редакціей М. С. Сергѣева.

М. ГЁРНЕСЪ, проф.

Культура до

Част

Част

О. НЕЙРАТЬ.

Исторія анти

74816K

Гот

ГУНГЕРЪ и ЛАМ

Греческая к

Его же. Римск